

ДОМАШНИЙ УЧИТЕЛЬ
Экс **Экс** **Экс**

СВЕТОЛАНА ТУЛИНА
ОЛЬГА ГОЛОВИНА

Чтобы спасти жизнь матери и сестре, пойдешь на все, что угодно. Например, с заботой и любовью обучать... чудовище? Ведь чудовище, да?

Домашний учитель для чудовища

ПРОЛОГ

Сандра Леман

*(модуль 116/315, Новошахтинск, Северное Затерриконе, Прозерпина;
текущее время)*

Нет, Сандра Леман не думала о самоубийстве.

Даже сейчас не думала. Даже в эти черные дни, когда жизнь вывернулась в немыслимый вираж — и ухнула в черную пропасть заброшенной шахты.

Самоубийство — слабость и трусость. А на Прозерпине еще со времен первых поселенцев слабость и трусость считались самым позорным из всего, в чем можно упрекнуть человека. Сдохни, но не дай считать себя слабаком! А трусом ты и так сдохнешь. Стратегия «забиться в щель и переждать» не работает там, где наибольшая опасность в этих самых щелях и таится.

На Прозерпине почти не случалось самоубийств. Там и без них была высокая смертность.

Сандра Леман ненавидела Прозерпину. Ненавидела вечный, привычный гул работающих механизмов, затихающий в толще камня почти не заметной дрожью. Ненавидела шмыгающих под ногами гримзиков. Ненавидела воздух со слабым привкусом горелого пластика. Да, степень очистки разная — чем выше ярус, тем легче дышать, но пластиком он отдает везде.

Сейчас этот проклятый воздух убивал мать Сандры.

Сухой кашель матери стоял в ушах у девушки, когда она, погрузив руки в трехмерную панель связи, разбрасывала из-под пальцев значки-адреса.

Запросы на кредит — один за другим.

Отказ. Отказ. Снова отказ.

Подушечки пальцев слегка покалывало: виртуальная клавиатура была старенькой и плохо держала заряд. Еще один запрос. И еще. В каждое отделение из возможных, по списку, не пропуская.

Адреса друзей Сандра не трогала. Друзья уже одолжили ей сколько могли. На эти деньги мать сейчас лежит в клинике. Но на операцию... на пересадку специально выращенных легких... даже если продать все нехитрое имущество Сандры, денег не хватит! Много ли того имущества у простой школьной учительницы?..

У бывшей учительницы, Сандра. У бывшей.

Потому сейчас и идут отказы — один за другим.

Будь у нее по-прежнему работа, кредит бы взять удалось. Да, предстояли бы годы каторжной работы и отказа себе во всем, но маму бы удалось вытащить...

Но директор, сволочь, нашел момент сводить счета. Ударил в спину.

Увольнение можно оспорить по суду, там есть к чему придраться, причины спорные. Но процесс затянется не на один месяц, а мама-то умирает уже сейчас!..

Вспыхнул значок вызова. Сандра тронула его кончиком пальца, не взглянув даже, откуда вызов. И тут же об этом пожалела.

На панели связи возникло лицо ее директора... ее бывшего директора. И на лице этом

была написана ярость... Написана, да? Она костром полыхала у него на роже!

— Это твоих рук дело, сука?! — взрычал директор.

— Добрый день, мистер Монлисс, — очень вежливо и спокойно ответила Сандра. — У вас что-то произошло? Вы, похоже, слегка нервничаете.

Она знала, что директор с трудом переносит ее ровную учтивость.

— Что-то произошло? А ты и не знаешь, мерзавка?.. Я не спущу тебе это с рук, и не надейся! Он же новенький был, только купленный! Я на тебя полицию натравлю!

Вызов прервался, физиономия Монлисса исчезла. Сандра вздохнула и поморщилась: даже здесь, в жилом модуле верхне-среднего уровня («приличный сектор, доброжелательные соседи, три отдельных спальных места и кухонный блок пять кубических метров, а главное — тройная система очистки за символическую доплату...»), воздух отчетливо отдавал сухой горечью горелого пластика.

Вполне можно догадаться, из-за чего шум. Кто-то из бывших учеников Сандры решил отомстить за любимую учительницу. В школе много ребят с нижних ярусов — отчаянные, предприимчивые, дерзкие и ничего не прощающие...

Сзади отъехала в сторону дверь, на порог шагнула Дейзи, расплетая на ходу светлые косички.

— А я зна-а-аю, почему он кричит! — загадочным тоном сообщила она.

— А вам не кажется, юная мисс, что подслушивать чужие разговоры нехорошо?

Слова старшей сестры не смутили Дейзи. Она продолжила таинственно:

— У него неизвестно кто поджег кар. Хороший такой кар, «золотой танцор».

— Ого! — не удержалась Сандра. И про себя пожелала «неизвестно кому» так и остаться неизвестным. Сама она навскидку могла бы назвать шестерых старшеклассников, которые рискнули бы на такое. Разумеется, с директором она не собиралась делиться своими предположениями.

— Иди спать, — строго сказала она сестренке.

Та с независимым видом задрала курносый нос, развернулась в проеме, отделяющем спальный блок от кухонного... и вдруг закашлялась. Несильно, но...

Сандра сама не поняла, как оказалась рядом, схватила сестру за плечи, развернула к себе, вглядываясь торопливо и настороженно.

— Давно это у тебя?

Нет-нет-нет... На губах крови нет... И красных прожилок в глазах тоже... Вокруг глаз кожа чистая, никакой «сетки смертника», а кашель... ну что кашель? Может быть, случайность, посидела под кондиционером...

— Что — «это»?

Глаза у Дейзи слишком невинные, голос слишком ровный. Слишком. Но... сетки нет, и точек тоже.

— Кашляешь давно?

— Вовсе я и не кашляю! Да с чего ты взяла?!

— А сейчас что было?

— Да просто в горле першит! Дыма наглоталась, вот и першит...

— Опять без респиратора гуляла?!

— И вовсе нет! Я его только-только сняла! И сразу на зарядку поставила! Можешь проверить!

Вот теперь не врет, обида слишком искренняя. Как же, так оскорбить почти взрослую

девятилетку! Словно она совсем несмышлениши ясельный и не понимает важности таких вещей, как вовремя заряженный респиратор.

Почти полностью успокоившись насчет сестры, Сандра уже собиралась ехидно поинтересоваться, где же та могла наглотаться дыма, которого не берут стандартные фильтры... Но вовремя вспомнила про печальную судьбу директорского кара. И ничего не спросила.

Дейзи воспользовалась ее заминкой, вывернувшись из рук и змейкой юркнула на верхнюю спальную полку. Мамина, самая нижняя, была и самой удобной, но ею ни одна из них пока ни разу так и не воспользовалась. Не стовариваясь. Словно это примета какая. Словно могло чем-то помочь или что-то решить.

Свет на своей полке Дейзи включать не стала, сразу же задернула шторку и засопела старательно. Так быстро заснуть она, конечно же, не могла, но и разговаривать явно не хотела.

Сандра вернулась к терминалу, невольно прислушиваясь. Но старательно ровное дыхание сестры было спокойным, без пугающих присвистов. И капиллярных кровоизлияний тоже нет. Это все нервы. Правильно говорят, что пуганый девулей гримзик и от электрокабеля шарахается.

Так. Соберись! Нервы тебе еще пригодятся, и не только тебе, да и вообще нервы — слишком дорогое удовольствие. Надо решать уже имеющуюся проблему, настоящую, а не приглючившуюся с перепугу.

Банки... Филиалы... Дочерние конторы... Их список казался бесконечным, но кончился слишком быстро. Отказы, отказы, отказы... Красной полосой по диагонали... Сандра начинает ненавидеть красный цвет.

Без паники.

Пока что адреса проработаны все, но после полуночи обновится база и можно будет попробовать снова пройтись, вдруг где-нибудь да сработает. Всегда остается надежда на компьютерный сбой или человеческий фактор. Надежды нет только у мертвых...

К тому же эти банки не единственные, шахты на них не сошлись. Есть и другие варианты. Другие банки. Куда менее законные, но кто же на Прозерпине о них не знает...

Секунду поколебавшись, она ввела новый запрос. После такой же секундной задержки сеть выдала новый список, куда более длинный и пестревший красными пометками о ненадежности, отсутствии гарантий или лицензии. Сандра настроила фильтр — только скупка, только деньги вперед — и пошла по списку, методично проглядывая прайсы. Здесь нельзя было ошибиться, следовало выбрать наиболее надежного и выгодного покупателя, а лучше — посредника. Если напрямую покупателю, то денег дадут больше, но выше и риск. А ей нельзя ошибаться, второй попытки не будет.

Разумеется, самыми дорогими были легкие. Но их Сандра продавать не собиралась: на Прозерпине с уполовиненным легким не выжить, тут и с полноценными не всем удастся. А ей надо будет выжить и выплатить кредит.

Хорошо, что у человека и кроме легких достаточно парных или возобновляющихся органов! Живут люди и с одной почкой, и нормально! Ну разве что придется на гемодиализ ходить, подумаешь! Кстати, сколько у них стоит почка? Хм... Жаль, что почек у Сандры не четыре, тогда почти полностью покрылась бы стоимость операции. Яичники можно отдать и оба, все равно ближайшие двадцать лет на детей денег не будет. Жаль, что они недорого стоят. Не самый востребованный товар... Кожа... Часть печени...

Она накидала в отложку с десятков запросов, показавшихся наиболее перспективными и надежными. Прочитала договоры, особенно то, что мелким шрифтом. Вроде никаких подвохов. Подсчитала обещанную оплату за вычетом налогов и комиссионных посредникам. Пересчитала еще раз. И еще...

Кажется, можно удалить заявку на глаз, и без него хватает. Даже с небольшим запасом на форсмажоры.

Голова болела, тупо, противно. Сандра потеряла виски, хлебнула остывший синтоник. Глянула на часы в углу монитора. Банковские базы обнулились более двух часов назад, самое время снова пройти по списку, подавая запросы.

Но сначала заварить свежий тоник.

Чтобы нажать кнопку кипятильника, пришлось встать. Кухня у них была просторная, почти три шага от стены до стены, редкость даже для среднего яруса. Маме нравилось... Ярус менять нельзя, иначе все бессмысленно, а вот модуль придется сменить. На самый простенький, пусть даже и без отдельных спальных мест, это все-таки роскошь, а им сейчас надо экономить. Зато в столики стандарт-боксов встроены терминалы, чтобы работать лежа. А значит, Сандрин комм можно будет тоже продать. Конечно, встроенные терминалы примитивны, но для связи и работы сгодятся, а на развлечения и игры у нее все равно не будет ни сил, ни времени. Так что все складывается даже удачно.

Пискнул таймер кипятильника, сообщая о готовности. Сандра вынула горячий стаканчик из держателя и развернулась, спеша вернуться в удобное эргономичное кресло перед терминалом (первое на продажу, единственная ценная вещь).

Но не успела.

В спальном блоке закашлялась Дейзи. И на этот раз долго — сухим, лающим, острым кашлем. Таким же, как тот, что звучал все эти дни в ушах Сандры.

Маминым.

Затихла. Дышала сипло, с четкими присвистами.

Сандра подняла упавший стакан. Машинально слизнула с запястья горячие брызги, не почувствовав вкуса. Так же автоматически вернулась в кресло. Сунула руки в виртуальную клавиатуру, пошевелила пальцами, бездумно перелистывая прайсы.

Отчаянья больше не было. Паники тоже. Никакого отчаянья, никакой суеты. Только холодное спокойствие и отрешенная целеустремленность.

Вариантов не осталось.

Она искала деньги для операции? Глупо. Она лгала сама себе. Какая операция? Проклятый канцерогенный воздух сожжет новые легкие матери так же верно, как сжег прежние. Ведь и в клинике сказали: после пересадки весьма желательно сменить планету. Подобрать что-то с более щадящей атмосферой. Сандра это слышала, но не хотела об этом думать. Главное — не дать матери умереть сейчас, а остальное — потом как-нибудь само образуется...

Не образуется.

Не будет никакого «потом».

Прости, мама. Твоя старшая дочь не спасет тебя, не сумеет. Ты бы поняла, ты бы согласилась...

Сандра Леман и сейчас не думала о самоубийстве. Она обдумывала торговую сделку.

Ей приходилось спускаться на нижние ярусы, где понятия законности и морали несколько... расплывчаты. Ей доводилось слышать несколько имен, которые обычно

произносятся шепотом. Это не банки органов. Но и цены там не банковские. Плата за риск, за молчание, за отсутствие официальных разрешений. Высокая плата.

То, что ей нужно.

Да, сейчас донорские органы выращиваются — как легкие для мамы. Это разрешено законом, но дорого и сложно. Гораздо проще поймать бедолагу, разобрать на органы и тайком реализовать товар через клиники, принадлежащие нечистоплотным врачам. Но жители нижних ярусов, истощенные, страдающие уймой недугов, в доноры годятся плохо. А тех, кто живет повыше, сложнее украсть.

Ей двадцать семь лет. Она всегда жила на средних ярусах, у нее неплохое здоровье. Солидный капитал, если вложить с умом. За это крепкое, спортивное тело, добровольно отданное на органы целиком и полностью, можно получить хорошие деньги. Если заранее продать имущество, должно хватить на переезд Дейзи на другую планету. Скорее, пока не поздно, пока девочку еще можно спасти! Пусть простят друзья — она не отдаст им долги, сейчас важна любая мелочь...

Сандра мучительно вспоминала, к кому из бывших друзей по университету можно отправить сестру, когда панель связи снова вспыхнула сигналом вызова.

Судя по адресу, не директор, связь межпланетная. Неужели кто-то из тех, кого она сейчас безуспешно припоминала, тоже вспомнил о ней?

Нет. Человек, взглянувший на нее с экрана, был ей незнаком. Темные волосы, седые виски, твердый, внимательный взгляд серых глаз...

— Мисс Леман? — спросил он и тут же уточнил: — Сандра Леман?

— Да, я Сандра Леман. С кем имею честь? — Голос Сандры был ровен и приветлив словно не она только что приняла самое страшное в своей жизни решение. На Прозерпине гибнут с улыбкой: «Проблемы?! Никаких проблем! У меня всё прекрасно!»

Незнакомец рассматривал ее, чуть склонив голову набок. Словно пытался понять, что это за птица попалась ему и занесена ли она в классификатор видов.

— Можете называть меня Брауном. Скажите, это вы написали в журнал «Вопросы педагогики» четыре статьи о случаях... — Браун чуть скосил глаза, и Сандра догадалась, что он заглянул в записи. — О случаях разрыва между общим и социальным развитием у детей?

Сандре показалось на миг, что Браун говорит о какой-то другой женщине. Счастливой, успешной, мечтающей о научной карьере без отрыва от работы с детьми и жутко гордящейся девянностью тремя баллами в аттестации на третью категорию проф-успешности. О женщине, которой и в голову не могло прийти продавать себя на донорские органы.

— Да, я.

— Сам я эти статьи не читал, но знающие люди их весьма хвалят. Я доверяю знающим людям, но хотел сам взглянуть на вас, прежде чем сделать вам деловое предложение. Мисс Леман, у меня есть для вас работа. Я знаю, сколько вы получаете сейчас. Я готов платить вам в два раза больше.

Сандра продолжала учтиво улыбаться, но внутренне подобралась. Что нужно этому человеку? Главное, можно ли получить под эту его работу аванс или кредит, а уже потом связаться с темным дельцом с нижнего яруса? Дейзи, главное — Дейзи...

— Не скрою, — продолжал Браун, — работа сложная, тяжелая, отнимающая уйму времени, к тому же связанная с перелетом на другую планету. Поэтому я хотел бы сначала сказать о том, что я могу вам предложить. Мне сообщили, что ваша мать стоит в очереди на пересадку легких.

— Д... да.

— Это может задержать ваш перелет, что меня не устраивает. Я предлагаю оплатить внеочередную операцию. Меня заверили, что реабилитационный процесс может проходить и на борту хорошего космического лайнера, там обычно квалифицированная медицинская служба. Так что через день после операции вы можете лететь на Шир — это тихая аграрная планета с превосходной экологией. Кстати, именно из-за экологии и спокойствия я выстроил здесь виллу.

Так не бывает...

Что это? Жестокий розыгрыш? Директор подговорил кого-то отомстить еще и так?.. Со звонком по межпланетной связи, ага...

— Полагаю, вы захотите взять мать с собой? Есть кто-нибудь еще из членов семьи, кто переберется с вами на Шир?

Сандра была уверена, что ком в горле помешает ей ответить. И с удивлением услышала, словно со стороны, свой голос:

— Сестра. Младшая сестра.

— Отлично. Значит, оплачиваю три билета. Постарайтесь не затягивать сборы.

— Что... что будет входить в мои обязанности?

Так. Спросила. И не важно, что он ответит, главное было спросить, не спросить было бы странно, а все странное вызывает подозрение... Главное, держать на лице выражение легкой вежливой заинтересованности, не более. Не дать ему понять, что на таких условиях она согласна на все, пусть делает что угодно. Хоть ест ее, Сандру, живьем. Золотым ножом и вилкой.

Сандра ждала любого ответа, но не этого:

— Мне нужен домашний учитель для двоих детей.

Все-таки розыгрыш...

— И ради этого вы готовы так тратиться? — Голос Сандры показался ей самой хриплым вороньим карканьем.

— Понимаю, выглядит странно. Но я же предупредил вас: работа сложная, тяжелая и отнимающая уйму времени. Добавлю: возможно, она будет опасной. Нет, подробностей не будет. Пока вы не приступили к делу, вы для меня — посторонний человек, а я не готов обсуждать с посторонними людьми свои семейные обстоятельства. Или рискуйте, или нет.

— Понимаю... — Сандра ни черта не понимала, но это не имело значения. — Да, я согласна.

— Отлично. Но я должен задать вам еще один важный вопрос. И надеюсь на вашу честность, это в ваших же интересах. У вас есть фобии, мисс Леман? Если да, то какие? Мне важно знать, потому что от ответа зависит многое, в первую очередь ваша безопасность и пригодность к работе.

Вот теперь Сандра кое-что поняла: прекрасную сказку, которой ее только что поманили, у нее пытаются самым наглým образом отобрать. Найти причину, по которой она не подходит для этой сказки. И отобрать. Всё. Новые легкие для мамы, новую жизнь для Дейзи...

— Нет!

— Вы уверены, мисс Леман? — Серые глаза смотрели в упор, напряженно, не мигая. — Никакой паники при виде пауков? змей? темноты? Или, например, киборгов?

— Киборгов?

— Ну да. — Лицомистера Брауна оставалось невозмутимым, глаза напряженными. — Многие не любят киборгов, а среди обслуживающего персонала моей усадьбы есть дживсы и гарды разных модификаций. Не хотелось бы, чтобы это могло стать проблемой. А в саду встречаются пауки. Довольно крупные.

— Я не боюсь пауков, мистер Браун. Даже размером с кошку! — Сандра ослепительно улыбнулась. — Киборги тоже не проблема, у нас в школе был киборг, списанный боевой гард, из старых моделей, очень удобный и полезный, можете считать, что положительное отношение к киборгам у меня сформировано. Проблем не будет, мистер Браун. Что же касается змей... Вряд ли я смогу их полюбить, но... — Улыбка Сандры стала еще ослепительнее. — Высокие сапоги и разумная осторожность решают проблему змей. Так что да, я уверена. Никаких фобий, мистер Браун. Никаких проблем!

Мистер Браун еще секунду или две сверлил ее тяжелым стальным взглядом, потом медленно кивнул, словно заканчивая какой-то одному ему ведомый спор.

— Отлично, мисс Леман. Сегодня мой юрист вышлет вам договор. Как только вы его подпишете и отошлете обратно, на счет клиники, где лежит ваша мать, будут переведены необходимые средства...

— Подождите! Мне нужно знать...

— Что?

— Какого возраста ваши дети? — ляпнула Сандра первое, что пришло в голову.

И увидела, как этот жесткий, явно уверенный в себе человек смутился.

— Ну... полагаю, сами разберетесь, на месте.

И экран опустел.

Сандра поднесла руку к лицу.

Что это было? Галлюцинация, вызванная сильными переживаниями?

На панели связи замигал значок. Ага, договор. Галлюцинации продолжаются.

Сандра дала команду «принять», но не стала открывать документ. Несколько минут роли не сыграют. Надо хотя бы взглянуть, что это за планета — Шир. Вдруг это место, куда страшно везти маму и сестренку...

Первое, что выдал поиск, — реклама санатория. Профиль — легочные заболевания. Сандра развернула рекламу, прочла восхваления дивной природы и целительного воздуха и невольно охнула, глядя на ценник. Это столько платят богачи, чтобы пожить на Шире, подышать его воздухом? А мама и Дейзи будут дышать им бесплатно? Словно какие-нибудь Ротшильдо-Рокфеллеры или даже сами Ванделеры?!

На экране сменяли друг друга рекламные стереографии. Бегущий с горы небольшой светлый водопад. Золотистые птицы с черными гребешками. Тихий городок с аккуратными, словно кукольными зданиями и маленькими садиками-цветничками вокруг каждого домика. Каждого!!! Это вам не настенные газоны в парковых зонах сектора. И ко всему этому бесплатному великолепию — еще и двойная зарплата!

Да с такими-то доходами Сандра и долги друзьям быстро вернет...

Но ведь так не бывает.

Так. Не. Бывает.

Впрочем, этот Браун предупредил, что работа будет сложной и тяжелой. Вот это уже вселяет надежду, потому что на сказку похоже мало. Реальная жизнь с реальными трудностями и проблемами — что может быть лучше? Это решаемо.

Вероятно, один из детей болен... или оба? Какая-то патология... возможно,

наследственная... Психопатия? Склонность к жестокости? Не потому ли Браун и говорил о возможной опасности?..

Что ж! Пускай! Чтобы спасти маму и вытащить Дейзи с Прозерпины, Сандра готова обучать хоть бронезабу со склонностью к социопатии. Причем обучать с заботой и любовью...

— Кто-то звонил, да? Опять директор?

Голосок Дейзи звучал хрипло, то ли со сна, то ли после надсадного кашля.

Сандра обернулась. Спальная шторка на верхней полке была наполовину отдернута, и оттуда свешивалась лохматая голова, поблескивая любопытными глазами. Сандра заставила себя широко улыбнуться:

— Да пропади он пропадом, тот директор! Что ты думаешь о путешествии на космолайнере?

Интерлюдия

Выдержка из расширенного досье

Имя: Сандра Леман

Место рождения — Палисандрия (см. приложение № 2), Южный край материкового шельфа, Плантация 236. Дата рождения — 57-ые сутки послеприлива 92 года по местному календарю (перерасчет на галактический стандарт в приложении № 8). Имя предположительно дано по созвучию с названием планеты рождения.

Генотип преимущественно европеоидный, скандинавский, с незначительными вкраплениями (более подробно в приложении №№ 6 и 14). Сведения о матери и отце в приложениях соответственно 9 и 10.

В возрасте 4-х стандартных месяцев перевезена на Прозерпину (приложение № 3) в связи с переводом отца на новое место работы. (Пометка от СБ — С переводом все чисто, стандартная процедура.) Пройшла интенсивный курс адаптационной терапии для адекватного восприятия усиленной гравитации нового места жительства. Реакции на процедуру штатные, положительные в верхних границах нормы, отклонений не выявлено, адаптирована на 99,9 %.

Метод рождения: естественный.

Пол при рождении: женский.

Пол при совершеннолети: женский.

Фенотип: волосы светлые, кожа светлая, родимые пятна и шрамы отсутствуют. Глаза минимально модифицированы на уровне внутриутробного развития (добавлен пигмент Н79 (синий индиго), другие модификации отсутствуют).

Телосложение астеническое, спортивное, мышечно-костный каркас не поврежден, отклонения развития отсутствуют.

Сектор профессиональной активности — коррекционная педагогика. Более узкие векторы — проблемная социализация, адаптация личности в неблагоприятных условиях, кризисная педагогика (опубликованные статьи и их анализ в приложениях №№ 17 и 18). Баланс практика/теория — 7/3. Рейтинг разработанной методики 67. (Примечание от СБ — аналитический отдел считает, что официальный рейтинг разработанной и применяемой объектом методики занижен, по проведенному анализу собранного материала подтверждается почти стопроцентная.)

Уровень физического тонуса — 7,3.

Реакция на кризис — ярко активная.

Краткий анализ личностных характеристик:

Объект является классическим цисгендером с низкой сексуальной активностью (ниже нормы, без патологий, успешно компенсирована сублимацией в работу и исследовательскую деятельность).

Социальная ответственность существенно выше нормы (примечание от СБ — аналитики отмечают эту особенность как наиболее продуктивный рычаг воздействия).

Социальная адаптация высокая, конфликтность в нижних границах нормы.

Самооценка ниже нормы. Компенсирована повышенной жертвенностью и

преданностью семье (аналитики советуют использовать с осторожностью и прогнозируют высокую вероятность возникновения проблем с этой стороны).

Баланс аристократизма-демократизма нестабилен, выражен слабо, с легким преобладанием последнего (личные качества ставит выше принадлежности той или иной группе, но вполне способна соблюдать принятые условия и клановые ограничения). Восприятие устойчивых иерархий на нижних границах нормы, проблемы с субординацией.

Уровень стрессоустойчивости существенно выше нормы, на границе с патологией.

Реакция на раздражители — активная, скорость предельно высокая, вектор низкой предсказуемости.

Вывод аналитического отдела — объект признан наиболее подходящим по всем параметрам.

Удачный баланс твердости и адаптивности: умеет добиваться своего любыми методами, идти на жертвы и упрямо настаивать на своем, но при этом способна воспринять изменившиеся обстоятельства и своевременно скорректировать собственное поведение в соответствии с ними.

Маска — успешность. У нее все и всегда в полном порядке. Неприятностей в ее мире не существует.

Подсознательное стремление пожертвовать собой ради высшей цели.

Склонность к биполярным колебаниям без патологического расстройств личности, но с ярко выраженными качелями «я гений — я говно».

Рекомендация начальника СБ: вербовка по максимально мягкому варианту.

*Шир, Второй Экваториальный округ, частные владения, усадьба «Зеленые холмы»
Несколькими днями ранее
мистер Браун*

В окно кабинета на втором этаже заглядывало вечернее солнце, пуская по наборному паркету оранжевых зайчиков. Массивный стол из темного дерева, занимавший большую часть кабинета, по контрасту казался еще мрачнее. Над ним крутилась голубоватая развертка вирт-досье: несколько экранчиков с диаграммами, графиками и печатным текстом и галерея сменяющих друг друга голографий, запечатлевших одну и ту же молодую женщину в разных позах и ракурсах.

В кабинете находились двое мужчин. Один стоял у плотно закрытой двери в позе хотя вроде бы и расслабленной, но которую почему-то так и хотелось назвать чем-то средним между «вольно» и «смирно». Этому ощущению не мешали даже руки, совершенно не по уставу засунутые в карманы форменных брюк, слишком уж противоречило им все остальное: от военной короткой стрижки и служебно-нейтрального выражения лица до брючных стрелок, которыми при желании можно было перерезать горло врагу. Выпятив подбородок и слегка запрокинув голову, он с интересом разглядывал потолочную панель.

Второй мужчина сидел за столом в хозяйском кресле. Поставив локти на столешницу и положив тяжелый подбородок на сцепленные в замок пальцы, он сосредоточенно рассматривал странички досье и мелькающие портреты. Лицо его было таким же невозмутимым, как и у стоящего, а вот поза куда более свободная. Хозяйская такая поза.

Мелькающие над столом снимки были разные, и профессиональные, парадные, с группой коллег, и любительские, репортажные. Некоторые с угловыми печатями, явно из

каких-то архивов. Ростовые, портретные, статичные и в движении, с разной мимикой, чаще всего мелькала ослепительная белозубая улыбка — на тех, где нижнюю часть лица не закрывал респиратор. Светлые волосы иногда рассыпались по плечам, но чаще были собраны в хвост. Строгий синий форменный комбинезон учительницы, три косых оранжевых шеврона от левого плеча до молнии на груди.

— Двадцать семь лет, — сказал сидящий за столом и поморщился. Голос его был нейтрален. Легкое недовольство мог заметить лишь тот, кто много лет работал под его началом и привык ловить мельчайшие нюансы.

— Вы не указывали возраст в числе значимых параметров отбора, — заметил стоящий у двери скучным голосом, продолжая разглядывать потолочный плинтус.

Хозяин кабинета поморщился уже явственнее. Постучал световым карандашом по столу. Признал:

— Не указывал. Однако...

— Однако третья категория, — еще более скучным голосом возразил стоявший. — Профильные интересы. Отсутствие противопоказаний. Наличие действенных рычагов. Идеально подходящий психотип. И... третья категория, редкость в столь юные годы.

Словно в подтверждение над столом замер общий снимок: девушка стояла с группой коллег. Все в ярко-синих учительских комбинезонах, но три оранжевые полосы светятся лишь на одном. На остальных одна, максимум две, да и то чаще желтые или вообще белые.

Снимок сменился медицинским сканом. Потом поясным портретом со скрещенными на груди руками. Хозяин кабинета зацепился взглядом за тонкие запястья, снова поморщился.

— Прикажете искать такую же, но в два раза старше и с фенотипом шварца? — учтиво осведомился стоявший у двери. Потолок все еще привлекал его внимание куда больше снимков, а в подчеркнуто услужливом голосе скрытую насмешку мог заметить только тот, кто привык сталкиваться с подобным у подчиненных.

«Да. Приходится расхлебывать последствия собственной ошибки. Поручил управляющему виллой найти подходящую кандидатуру. А ведь это — не уборщицу нанять! И теперь мы имеем... то, что имеем. Надо было сразу дать задание аналитикам. А зачем держать штат, если ему не доверяешь и оспариваешь профессиональное решение на основе... а, кстати, чего? Ведь знаменитая фамильная интуиция тоже молчит. По крайней мере, не возражает. Двадцать семь стандартных... В конце концов, сам ты в эти годы... м-да. Славные были времена. Лучше не вспоминать...»

— Если вы хотели на эту роль кого-то с параметрами громилы... проще было купить боевого киборга. И дешевле, кстати. Могу распорядиться.

— Распорядись приготовить контракт.

1 Немного солнца в виртуальной воде (второй день отпуска)

Сандра Леман,

борт круизного космолайнера «Академик Валевски»

текущее время

Огромное солнце сползло по темно-серому небу к горизонту, словно оранжевый желток к краю тефлоновой сковородки, медленно и неудержимо. Небо за панорамным окном было цвета мокрого асфальта — ну точь-в-точь антипригарное покрытие жарочных панелек из рекламных роликов. На борту «Академика Валевски» подобные ролики крутили

постоянно, по всем многочисленным экранам.

Вот солнечный желток дополз до края горизонта, слегка сплюснулся об него и выплеснул к берегу ленточку расплавленного золота. Она скользнула по воде, расширяясь и дробясь, у самого песка разбрызгалась веером золотых капель, сверкающих, слепящих глаза. И весь берег захлестнуло волной расплавленного золота, и песок, и камни обрыва, и мелкие сосенки, умудряющиеся цепляться корнями за почти вертикальные белые скалы.

Это днем — белые, а сейчас — оранжево-золотые, словно выточенные из янтарина.

Интересно, если шагнуть на тот песок и широко улыбнуться навстречу медленно расплющивающемуся о край океана солнцу — зубы тоже станут золотыми?

— А вдруг этот твой Браун маньяк какой? Или тайный рабовладелец? И никаких детей у него вовсе и нет, а есть плантации чего-нибудь жутко ядовитого, на которых работники мрут как мухи, вот твоему Брауну все время и нужны новые кадры!

Ох, мама...

Сандра с трудом оторвала взгляд от панорамного фальш-окна (в реабилитационном центре они всегда показывали море, и это завораживало).

— Мама, ну ты бы еще про торговцев органами вспомнила!

Мама фыркнула: даже ее обостренной тревожности не хватало на то, чтобы вообразить себе настолько расточительного торговца органами. Если даже считать, что дом и двойной оклад окажутся лишь приманкой, то все равно остаются три билета в каюту на люксовой палубе одного из лучших круизных лайнеров и уже оплаченная пересадка легких. Это сводило на нет всю возможную рентабельность подобной авантюры. Тем более что клонирование трех человек целиком и ускоренное доразвивание их до взрослого состояния, как это делают при штамповке киборгов, обошлось бы намного дешевле. Да и технологии налажены, проверены, сбоев почти не дают... *(Случай на космодроме — исключение. И не надо о нем вспоминать. Проехали. Забыли.)*

Сандра тоже усмехнулась и добавила, стараясь, чтобы голос звучал небрежно и убедительно:

— И дети у него есть. Я проверила.

Мама пожевала губами и снова нахмурилась.

— И все-таки, Сандра, на твоём месте я была бы осторожней, а не кидалась на первое же более или менее достойное предложение, словно голодный гримзик на деулин хвост. Ты же взрослая девочка! Ну что за глупость: срываться с обжитого места, бросать родной дом и мчаться за тридевять галактик непонятно зачем?

Сандра округлила рот и до предела растопырила глаза в деланом изумлении:

— Ну мама, ну как это «за чем»?! За большими деньгами, конечно же! Твоя «взрослая девочка» наконец-таки набралась ума и сумела выгодно реализовать свои профессиональные активы!

Она состроила преувеличенно серьезную гримаску, стараясь не рассмеяться. Обычно это срабатывало.

— Да ну тебя! Я с ней серьезно, а она...

Мама предсказуемо фыркнула и заулыбалась, но рукой махать не стала, опасаясь потревожить капельницу. А дома бы наверняка замахнулась полотенцем или чем другим, что подвернулось бы. Ее всегда смешили попытки Сандры выглядеть меркантильной, продуманной и циничной, мама знала старшую дочь как облупленную. Собственно, Сандра потому сейчас на себя такой вид и напустила, рассмешить чтобы.

Удалось.

Если не рассмешить, то хотя бы заставить улыбнуться. Только вот улыбка эта была какой-то... неуверенной, что ли.

Эта неуверенность, почти растерянность, последние дни нет-нет да проскальзывала в глубине серо-зеленых маминых глаз, словно она хотела спросить о чем-то, да так и не решалась. Она и ворчала-то скорее именно от неуверенности, а не потому, что действительно предпочла бы остаться на Прозерпине. Остаться? Ха! Это мама-то, которая в сердцах не раз называла Прозерпину тем еще гримзятником, с которого спешат свалить все умные да расторопные?!

Когда Сандра была маленькой, мама часто рассказывала ей о других планетах, особенно про чудесную Землю Палисандрии, где короткое жаркое лето сменяется длинной морозной зимой, когда с неба падает замерзшая вода (да-да, вот прямо так и падает, большими пушистыми хлопьями... что? да нет, ее никто не взбивает миксером, она сама так делается), и эту воду, растопив, можно пить безо всякой фильтрации. Нет, правда, можно, и никто не заболит, и она вовсе не горькая, совсем-совсем... Ты только не вздумай повторить это на Прозерпине, слышишь? Ни в коем случае! Мы с папой не хотим покупать тебе новый желудок!

Тогда мама не называла Прозерпину домом, только Прозерпиной. И каждый раз морщилась, словно это название горчило у нее на языке. И жилой модуль она тоже домом не называла, просто модулем. Дом был там, далеко, на чудесной Палисандрии. И когда-нибудь они туда обязательно вернуться. Вот подкопят немного галактов, когда папе дадут повышение... А ему обязательно дадут, он же такой старательный и умелый работник, начальник ремонтной службы цеха кристаллизации, это ответственная должность! Ему обещали...

А потом родилась Дейзи, и эти разговоры как-то сами собой сошли на нет, вместе с тем, что было накоплено на возвращение.

Это было давно. За четыре года до того, как в цехе кристаллизации лопнул трубопровод с токсичными стоками...

— Я уверена, что с твоим-то портфолио и у нас можно было поискать приличные варианты. Не сошлись же все шахты на той единственной школе, наверняка нашлись бы и другие, и повыше ярусом, хороших учителей всегда не хватает.

Варианты... Ну да. Варианты были. Но вот чего маме точно не стоит знать, так это того, какие именно варианты всерьез рассматривала Сандра на Прозерпине перед щедрым предложением мистера Брауна.

— Ну ма-а-ам! Если бы мне предложили двойную зарплату в какой-нибудь из школ нашего района... а еще лучше, так и вообще верхнего сектора — я бы, конечно же, ни секунды не раздумывала!

И это была чистейшая правда, говорить которую легко и приятно. А в какую сторону она бы ни секунды не раздумывала — понимай как знаешь. Все равно ведь всем ясно, что никто ей ничего подобного не предложил бы. На Прозерпине таких зарплат просто нет, ну разве что, может быть, на самых верхних ярусах... Впрочем, Сандра и там не осталась бы тоже.

Не после того, как закашлялась Дейзи.

— Ну мам! Ну не бойся ты, не будет он ко мне приставать! Я, может, и рада была бы, но у него таких как я... Да и старенький он совсем! Я же с ним по связи общалась, так что не

вслепую. Очень милый дяденька, и очень-очень пожилой. И контракт прозрачный, я его специально по двум юридическим программам прогнала, вперехлест, чтобы уж точно никаких подвохов. Просто у человека проблемы, понимаешь? Да, не смейся, у богатых тоже бывают проблемы. Поздние дети, двое, мальчик и... мальчик... кажется. Детки проблемные, с врожденными психопатологиями, к тому же социально запущенные. Когда родители возрастные, всегда есть опасность...

С каждым словом ложь давалась все легче. Тем более что какая же это ложь? Цитаты из учебника, прописные истины... И самую капельку слегка искаженной информации.

— Что ты мне световые кабеля гроздьями на уши накручиваешь?! И не надейся, что если он пожилой, то не станет к тебе приставать! Это седина только в бороду, знаешь ли, а бес — он в другие части тела!

Ворчит. Возмущается...

Какое же это счастье!!!

Потому что — ворчит. Потому что — возмущается.

И совсем, совсем, совсем не кашляет.

Какое же это счастье, что у нее хватает на все это сил и дыхания. Что у нее вообще есть силы — и нет кашля. А слабость пройдет, уже проходит, сегодня она ворчит и возмущается на порядок активнее, чем вчера, прогресс налицо, врач не ошибся. Пересаженные легкие отлично прижились, и вообще все просто отлично! Пусть ворчит, Сандра ей даже поможет. Наговорит разных смешных ужасов, пусть боится их, а не того, чего стоит бояться на самом деле. Эти смешные ужасы, они ведь не настоящие. Они не страшные.

— Ну ма-а-ам! Я девочка не только взрослая, но и современная, а секс с начальником экономит кучу времени и нервов! Так что если миссис Браун будет не против...

— С ума сошла! Ты ее хоть видела, эту миссис Браун?!

— Видела.

— Ну что ты ничего толком не говоришь-то? Я же беспокоюсь! Наверняка какая-нибудь бывшая модель, удачно выскочившая за богача. Ох, доченька... Страшно мне за тебя. Она же наверняка заподозрит в тебе конкурентку и будет пакостить! Гадости подстраивать!

— Мам! Ну что ты себе навоображала?! Миссис Браун нормальная женщина, постарше тебя. У них двое взрослых детей.

— Еще хуже. Значит, старая злобная ведьма из знатных да богатеньких. Наверняка аристократка. Будет тебя презирать и шпынять почему зря, видела я таких. Все ей будет не так.

— Ха! Нашла чем испугать! Да пусть хоть испшыняется, пока ее муж платит мне двойную зарплату! И снимает вам дом... Кстати, ты видела новые снимки сада? Подрядчик сегодня с утра прислал еще один альбом, показать?

— И ты молчала?! Конечно показать!

Сандра перекинула на мамин планшет нужную папку, уложила его поудобнее у нее на коленях, накрытых настоящим тканевым покрывалом с узором из персиковых и лимонных то ли роз, то ли маков (Сандра не очень разбиралась в ботанике) по бордовому фону. В центре реабилитации все белье было преувеличенно ярких жизнерадостных оттенков. Вот, например, и пижама мамина светилась золотыми и оранжевыми геометрическими узорами, а стенные панели отливали теплым перламутром с вкраплениями все того же золота. Некий диссонанс вносило разве что панорамное фальшь-окно, за которым уже наступила глубокая ночь... а, нет! Не вносило: даже там на чернильно-синем небе посверкивали золотом

многочисленные звезды, а ниже уровня горизонта — их не менее многочисленные отражения.

Сандра опять с трудом оторвала взгляд от панорамного окна (все же видеть такое количество воды сразу было странно до дрожи) и развернула над планшетом стереограммы домика и сада. Улыбаясь, смотрела, как мама их листает — такая увлеченная, с горящими глазами, такая... живая.

Врач сказал, что с завтрашнего дня уже можно будет совершать недолгие прогулки по обзорной палубе, поначалу минут по десять, а там как пойдет, увеличивая продолжительность постепенно. Там будут и другие пассажиры, мама наверняка с кем-нибудь познакомится, она же очень общительная. Вот и славно. И отвлечь от тревожных мыслей ее станет намного проще. Но пока и альбомов вполне хватало на крайний случай. У Сандры еще четыре штуки в запасе, хорошо, что не стала показывать ей их все сразу, как прислали.

Пискнула дверная мембрана, втягиваясь в боковые пазы. В реабилитационную палату-люкс заглянула медсестра, сделала большие глаза, беззвучно постучав себя пальцем по запястью: время! Сандра быстро попрощалась и выскользнула в коридор, пообещав вернуться завтра пораньше, сразу после завтрака и маминых процедур. Увлеченная рассматриванием трех тыблочных кустов и длинной живой изгороди из кактусовицы, мама отпустила Сандру легко и даже не спросила, почему та сегодня пришла одна, без Дейзи.

Вот и хорошо.

Завтра они все втроем с утра прогуляются по смотровой палубе. Врач обещал, что с Дейзи все будет в порядке, ей просто надо сутки отлежаться после рекапсулы, а так очень удачно получилось, что захватили процесс в самом начале. Даже оперативного вмешательства не потребовалось, просто однократный сеанс интенсивной терапии, и все в порядке, никаких следов. Никакого кашля.

И главная прелесть: услуги рекапсулы входят в полетную страховку по билетам вип-класса! То есть все заранее оплачено!

Так не бывает...

Однако так было.

Сандра не могла сказать, что это ее ничуть не тревожит. Она и так слишком много врала сегодня, врала честно и искренне, с уверенной безмятежной улыбкой. Но врать самой себе было бы непростительной глупостью.

Про так называемого мистера Брауна на самом деле узнать ей не удалось ничего. Вообще ничего! Словно вокруг него выстроилась глухая невидимая стена, в которой вязли все поисковые запросы не только самой Сандры, но и одного из бывших сокурсников, неплохого хакера, к которому она все-таки рискнула обратиться.

Рико провозился три дня, а потом сказал, что прекращает это дело, потому что печенкой чует за этим мистером большие деньги и большую власть, а значит, и большую опасность. И советовал держаться подальше. Он искренне за нее переживал, хороший парень этот Рико.

Не то что мистер Браун или как там его на самом деле. Потому что, похоже, на самом деле никакого мистера Брауна в природе не существовало вообще.

Конечно же, ее это тревожило! Не могло не тревожить. И еще как! Намного больше, чем все самые страшные мамини предположения.

Но меньше, чем мамин кашель.

Намного меньше.

2 Взрослые секреты

Виктория Браун

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

за месяц до текущего времени

Викки очень рано поняла, что все люди глупые. Ну кроме папочки, разумеется. Папочка умный. Остальные нет. А самые глупые те, кто считает себя самыми умными, а саму Викки несмышленным ребенком.

Вот, например, как мисс Сэвидж, новая училка...

— Ах, мисс Сэвидж! Вы такая красивая! Совсем как Грета Литтер из «Третьей попытки»!

Конечно, училка хмурится и возражает, что совсем не похожа... Будто Викки слепая и сама не видит! На Грету мисс Сэвидж смахивает разве что цветом волос: таким же нежно-сиреневым с иссиня черными кончиками прядей, года два назад Викки и самой такое нравилось, но сейчас старье и фу! Но в зеркало училка украдкой посматривает, когда думает, что склонившаяся над планшетом Викки не видит. И лицо ее, обычно бледное, при этом слегка розовеет. И на собственный выключенный планшет она посматривает тоже, но совсем иначе, печально так.

Как говорил в таких случаях папочка: наживка проглочена!

Он и на озере так говорил, когда они туда летали порыбачить, не только в кабинете. Викки тогда затаившуюся под водой рыбу так себе и представляла: как недоверчивого клиента, которого нужно соблазнить на заключение невыгодной для него сделки. Причем соблазнить, не обманывая! Ну правда ведь, червяк жирный и вкусный! А стальной крючок... Ну что крючок? Крючки есть всегда, внутри, мелким шрифтом, это же нормальный закон бизнеса. И если клиент-рыба настолько глуп, что не понимает этого... Значит, он только и годится, что на обед. Тем, кто поумнее.

Когда наживка проглочена, надо дать клиенту немного погулять, считая себя совершенно свободной в своих решениях. а потом вовремя подсечь. Это тоже папочкины слова, очень правильные. Хотя и не для рыбалки. С удочкой это дело у Викки не получалось ни разу, странно там как-то, неправильно. А вот с людьми...

С людьми оказалось намного проще.

Осторожно следя за училкой краем глаза и демонстративно пырясь исключительно в планшет, Викки решила еще две задачки. Одну в секретную папочку-копилку, а одну напоказ. И вот эта, напоказная, оказалась как раз довольно противной, с иксами. Там нужно было неизвестное количество кораблей, чтобы перевезти грузы и пассажиров. (Всего-то пять кораблей, как оказалось в итоге, и было из-за чего заморачиваться?) Осторожно глянула на училку (та опять страдальчески смотрела на собственный выключенный планшет) и решила, что рыбка вполне созрела.

— А я еще одну задачку решила, мисс Сэвидж! Я вам отправила, посмотрите. Тремя разными способами! Правда, я умница?

— Умница, Виктория, — послушно и немного рассеянно ответила мисс Сэвидж, поспешно беря свой планшет и активируя доступ: в классе учительский планшет мог быть

включен только если это требовалось для занятия. Хорошая она все же училка, эта мисс Сэвидж, куда лучше предыдущей, миссис Жаковой. К той подход Викки искала почти два месяца, Ужас как долго! Измучилась и башку сломала, пока нашла. И до чего же глупая та миссис оказалась в итоге! Даже и трех недель не продержалась, не смогла не спалиться. А вроде взрослая, даже старая, могла бы уж и понимать что можно, а чего нельзя...

Викки очень надеялась, что мисс Сэвидж окажется умнее и продержится дольше. Ну хотя бы полгода. С ней было удобно. Особенно сейчас, когда у Викки появились секреты. *Взрослые секреты.*

Тут очень вовремя браслет кольнул напоминанием о рекомендованной смене активности, и Викки с облегчением выскочила из-за парты. Запрыгнула на беговую дорожку, пробежала минуту с предельным ускорением, чтобы запыхаться. Потом подтянулась на брусьях и немного повисела головой вниз. Сделала два подхода на пресс. Сегодня она собиралась быть очень послушной и не нарушать рекомендаций... ну, до определенного предела, конечно.

Мисс Сэвидж наблюдала за ней одобрительно, хотя и немного рассеянно. Задачку она уже проверила и пометила как решенную на «отлично с похвалой». Что ни говори, хорошая училка, правильная. Управляемая. И париться долго не пришлось...

— Ах, мисс Сэвидж... — мечтательно протянула Викки, возвращаясь обратно за парту и сразу же выводя над планшетом условия новой задачи, но при этом не спеша в них погрузиться. — Я так люблю этот сериал! Как жаль, что папа не разрешает мне смотреть дольше пятнадцати минут в день! Это же просто кошмар, правда?! Я так до второго сезона и через год не доберусь!

Мисс Сэвидж неуверенно согласилась, что таки да, кошмар. Но тут же осторожно добавила, что папе виднее.

— Он просто не любит сериалов! — доверительно сообщила Викки, даже голос понизив, словно открывала страшную тайну. И тут же спросила, не давая училке вставить и слова (ну понятно же, что ничего умного она не скажет, тоже мне проблема добавочной стоимости, наверняка предложит к математике вернуться!): — Но вы же сами смотрели, да? Правда-правда смотрели?! Все-все-все?!

Мисс Сэвидж не стала возражать, что таки да, смотрела. Но Виктории показать не сможет, даже и на своем планшете, потому что папе виднее. И вообще, не пора ли Виктории вернуться к математике?

Пора пускать в дело тяжелую артиллерию.

— А вы мне потом расскажете? То, что после восьмой серии было? — спросила Викки, делая самые умильные глазки, как у енота из мультика и моргая ими часто-часто. — Нет-нет-нет, не сейчас, конечно, а потом, когда я уроки доделаю... все-все-все, мне на сегодня ужасно много, но я все доделаю, очень уж узнать хочется, чем там у них все закончится...

Мисс Сэвидж открыла было рот, явно собираясь возразить. Но ничего не сказала. Покосилась на планшет, протянула осторожно:

— Ну... если только после того, как ты сделаешь все задания...

— Конечно-конечно! — не стала спорить и Викки и с энтузиазмом вцепилась в первую из оставшихся задачек. Задачка хрупнула и раскололась, простенькая, вовсе и не задачка была, такое Викки в первом классе решала! В секретную папочку ее, пока училка не заметила, и за следующую...

Мисс Сэвидж одобрила следующую решенную и отправленную ей Викки задачку. Снова

отлично, правда, уже без похвалы. В следующей нашла неточность, вернула на доработку. Викки исправила и нашла еще один вариант решения. На этот раз добившись похвалы. Не то чтобы ей так уж важны были оценки, но все равно приятно, да и училки от них добреют, от высоких. Проверено.

Скорей бы уж...

Мисс Сэвидж встала, оставив планшет на столе. Прошлась по классу. Викки трудилась, не поднимая головы, но буквально затылком чувствовала ее взгляд, нерешительно переходящий с учительского планшета на этот самый затылок и обратно. Викки заторопилась и отправила задачку недорешенной. Учительский планшет пискнул. Мисс Сэвидж подняла его, но возвращать задачу на доработку не торопилась. Викки затаила дыхание. Вот, сейчас...

Точно!

Цоканье каблучков по паркету, от учительского стола к дверям. Тишина. Мисс Сэвидж замерла на пороге, напоследок еще раз внимательным взглядом посверлив Виккин затылок. Викки работала, усердно и увлеченно, совершенно не замечая, что там делает училка... и где она это делает. Истинная отрада любого преподавателя! Сидит, решает уравнения, чудо, а не девочка! Такую вполне можно оставить одну на продолжительное время, ничего не случится...

Еле слышно скрипнула открываемая дверь, по ногам потянуло сквозняком. Потом дверь также почти беззвучно закрылась. Каблучки простучали совсем глухо, до соседней комнаты, училкиной. Смолкли.

Все!

Свобода!!!

Викки не стала вскакивать и орать от счастья, продолжала сидеть и усердно корпеть над примерами. В заветной папочке рос запасец на черный день... вернее, на день свободы. Уже дня на два, если прикинуть.

Она не особо боялась, что мисс Сэвидж вернется — в отличие от миссис Жаковой эта училка была правильной, за ней таких глупостей не водилось. И уж тем более она не побежала бы докладывать папочке, обнаружив отсутствие подопечной. Проверено. Просто нужно было настроить почтовую отложку, чтобы она раз в двадцать-тридцать минут отправляла на планшет училки задачки, заранее решенные Викки. Чаще не надо, полчаса как раз нормальное время, после которого училки начинают беспокоиться, если им ничего не приходит. А тут раз и пришло, все нормально, беспокоиться не надо, можно дальше смотреть любимый сериал. Да и задачки быстро кончатся, если чаще.

А Викки теперь свободна. До самого вечера. Можно идти куда хочешь и делать что хочешь! Вернее, нет: не что хочешь, а что надо. Потому что теперь Викки совсем взрослая и у нее есть это самое, которое «надо». Свое, очень секретное и очень взрослое «надо».

Секретное даже от папочки.

3 Некуда спешить (второй день отпуска)

Сандра Леман

борт круизного космолайнера «Академик Валевски»

текущее время

В коридоре Сандра замедлила шаг, испытывая странное чувство: ей некуда было

спешить. Возможно, впервые в жизни.

До самого прилета на Шир ей словно бы предоставили дополнительный отпуск, причем отпуск роскошный. И можно с чистой совестью ничего не делать. Просто гулять, дыша полной грудью и наслаждаясь каждым глотком не пахнущего горечью корабельного воздуха. Да, конечно, он тут тоже фильтрованный и рециркулированный, но с прозерпинским не сравнить, пахнет свежестью, хвоей и немножко морем.

И зелень! Настоящая, а не вертикальные настенные газоны, как на Прозерпине. Тут через каждые два-три метра вдоль из стен выступали капсулы с биогелем, из которых свисали длинные пышные плети лернейских лиан. Настоящих, а не из псевдоживого пластика. Часть цеплялась жгутиками за натянутые для них сеточки и оплетала стены до потолочных панелей. Другие висели расслабленно, мерно покачиваясь и шелестя под дуновением вентиляции. Некоторые цвели крупными бело-розовыми колокольчиками, и в аромат свежести вплеталась тонкая сладковато-парфюмерная струйка, еле заметная, но заставляющая расширять ноздри, дышать еще глубже и улыбаться. Толстый ковер пружинил под ногами и скрадывал звуки шагов, повороты коридора глушили шум голосов из кают-компания и игрового зала. Вроде и недалеко отошла, а тишина. И даже вездесущая реклама слегка глушится и воспринимается приятным и ненавязчивым звуковым фоном.

До ужина оставалось чуть более трех часов, а больше никаких дел у нее сегодня не было...

Сандра с трудом удержалась от хихиканья: как же быстро она привыкла к этой сказке, если даже ужин воспринимает как дело. Жаль, что этот сказочный отпуск будет таким коротким: всего-то шесть дней! Надо хорошенько запомнить эти роскошные новые ощущения, чтобы потом возвращаться к ним, когда работа прижмет. Что бы ее ни ждало на Шире, побездельничать всласть ей там точно не грозит. Не за такие деньги.

Стоп, об этом она будет думать потом. Когда прилетит. Сейчас нечего себя изводить, все равно ничего хорошего не надумает, информации как не было, так и нет, и раздобыть ее не получится. Любые попытки разузнать хоть что-то словно в глухую стенку утыкались. Это маме можно (нужно!) было врать, что все разузнала и все в порядке, себе-то незачем. И волноваться заранее тоже глупо.

Значит, гуляем и получаем удовольствие.

И запоминаем это острое щекотное наслаждение свободой, она такое испытывала разве что в раннем детстве, когда их отпускали «погулять». Но и тогда прогулки были ограничены зарядом респиратора. А тут никаких ограничений. Иди куда хочешь, гуляй сколько хочешь. И даже если она пропустит ужин, ничего страшного не случится, просто доставят в каюту набор блюд, ориентируясь на ее прежние запросы.

Не жизнь, а сказка.

В каюту возвращаться не хотелось: там спала Дейзи. И хотя врач уверял, что соблюдать при спящей тишину вовсе не обязательно, постренимационный фильтр не пропустит никакие звуки, даже самые громкие, еще часов восемь, а то и десять («...можете хоть дискотеку с караоке устраивать, хоть фейерверки запускать у нее над ухом, будет спать как мертвая... Ну что вы бледнеете, это же просто шутка! Все с ней в порядке, я же вам объяснял...»), Сандра все равно понимала, что будет ходить на цыпочках, бояться лишней раз шевельнуться и замирать от каждого шороха, тревожно прислушиваясь к дыханию сестры. В итоге вконец истреплет себе нервы задолго до завтрашнего утра, не выспится и на прогулке будет выглядеть больной... И мама тут же начнет беспокоиться, подозревать,

думать ненужное...

Нет уж!

В каюту Сандра пойдет сегодня лишь с одной целью: лечь спать. И хорошенько выспаться, продрыхнуть до завтрашнего утра, не хуже Дейзи. Так что пока туда идти рано, надо сперва как следует устать, не морально устать, а физически. Чтобы ни на какие лишние нервытрепки не оставалось сил.

Можно подняться на смотровую палубу и нарезать по ней с десятков кругов бегом... ладно, не бегом, хотя бы быстрым шагом. Там красиво, каждые полчаса включается новая экскурсионная заставка на фальш-окнах, а они там огромные, от пола до потолка. Считай, вся стена — один сплошной большой экран, и на нем тебе показывают достопримечательности разных планет, вдоль которых проходит курс «Академика Валевски». Можно совместить приятное с полезным: и устать как следует, и на инопланетные красоты посмотреть с семидесятипроцентным эффектом присутствия.

Нет, пожалуй, не стоит. Это здесь народу почти нет, а там всегда полно любителей зрелищ. Бегать там не получится, и даже быстро ходить тоже, там можно лишь неспешно прогуливаться, раскланиваясь с другими прогуливающимися. Если она начнет там бегать... нет, ее, конечно, не выведут, но коситься будут. Не стоит лезть в чужую сказку со своим уставом.

Тем более что где-то тут недалеко должен быть спортзал...

Какое же это все-таки счастье: быть богатым! Иметь возможность не экономить на здоровье и летать на таких вот лайнерах, где все удобства вплоть до бассейна с имитацией пляжа. Настоящая сказка!

Правда, в порядочной сказке должен рано или поздно появиться Прекрасный Принц. На белом единороге.

Сандра фыркнула, представив себе ошарашенного единорога, пробирающегося по коридорам лайнера, и не менее ошарашенного принца, старающегося не дать ему сожрать лернейские лианы: вдруг ядовитые? А потом прибегут охранники: принц ведь наверняка окажется без билета... Ладно, пусть это будет не сказка, пусть просто роман. Современный. Курортный.

Хм...

А что?

В ее полном распоряжении целая неделя! Чего теряться? Можно выбрать какого-нибудь пассажира посимпатичнее и насладиться отпуском по полной. Главное, чтобы он без жены и детей... не вообще, а на борту, скандалы Сандре ни к чему. А лучше закрутить с кем-нибудь из обслуги. Это надежнее в смысле отсутствия дальнейших обязательств и претензий, им тоже скандалы не нужны.

Тренер!

В спортзале обязательно должен быть тренер. И он не может не быть симпатичным, должен же он соответствовать уровню элитного лайнера!

Даже забавно, насколько при правильной мотивации возросло желание посетить спортзал! И главное, как резко...

Сандра остановилась на перекрестке коридоров, прямо под рекламным экраном, активировала справочную консоль (экран отреагировал, пригасив звук до еле слышного бормотания), начала листать коридоры, вглядываясь в значки. Наверное, тут есть и запрос маршрутизатора, но знакомых обозначений не видно, придется методом тыка. Спортзал

точно должен быть где-то совсем рядом, недалеко от реабилитационного центра. Им что-то такое говорили при заселении, она смутно помнила.

Но именно что смутно: ее тогда еще слегка потряхивало от того кошмара в зале ожидания, которого им удалось избежать только чудом, благодаря задержке из-за застрявшего лифта (а она ведь еще злилась на техников, что так тянут, опоздать боялась... Знать бы тех техников пофамильно, благодарности бы написала каждому!)

Потом, уже на борту, поначалу Сандра еще пыталась прислушиваться к словам стюарда. Пока не зацепилась взглядом за маленькую букву «А» на лацкане его униформы. И не поняла, что перед нею киборг.

Такой же, как и тот, что устроил резню в зале ожидания космопорта. Нет, не такой, конечно же. Тот был боевым гардом, а этот явный дживс, но все равно...

Кажется, ей удалось не закричать. Даже наверняка удалось. Во всяком случае, охрана не прибежала и другие пассажиры коситься не стали. Но кибер что-то засек своими стеклянными гляделками, растянул почти человеческие губы в дежурной улыбке и отступил. Быстро так отступил. Хорошая у них аналитическая программа. Попробуй он протянуть руку к Дейзи (например, помочь донести ее чемодан), и Сандра бы точно не выдержала. У нее еще перед глазами стояли кровавые брызги на стенах и безумная улыбка того, другого, сбойнувшего, когда его загасили. Радостная такая улыбка, светлая. Она не запомнила ни его лица, ни одежды, ни даже цвета волос. Только эту улыбку, такую белозубую.

Такую прозертинскую.

Сандра не видела, как он сбойнул, как раз торчала в лифте и злилась на техников. Видела только момент запуска черного кода. Но была уверена, что убивал он с такой же улыбкой, милой и светлой. Когда машина слишком похожа на человека, это всегда пугает. Кажется, такое в прошлом называли эффектом какой-то долины. Хотя и непонятно, при чем тут география?..

Пятеро пассажиров. Кажется, пятеро. И полицейский, она видела обрывки формы.

Она успела увидеть не так уж много через спины оцепления, когда их от лифта быстро провели прямо на борт, через служебный вход. Да и смертей она видела немало и раньше. Но... не таких бессмысленных, что ли. Не таких... неправильных.

Сбой программы, говорят кибернетцы. Случается. Не повод отказываться от полезного и удобного оборудования. Повод стараться улучшить программу, что они постоянно и делают. Сами видите: сбоев последние годы намного меньше, их быстро ликвидируют.

Сандра передернула плечами, хотя в коридоре стояла оптимальная температура.

Да, сбоев действительно меньше, на Прозерпине это вообще был чуть ли не первый. Во всяком случае, она раньше ни о чем подобном не слышала. И если бы не сбой программного обеспечения лифта, жертв могло быть куда больше... Один сбой минимизировал другой. Смешно.

Где этот чертов спортзал?!

Ох, да вот же он!

Всего-то двести метров по этому коридору, потом второй поворот и тренажерка. Прекрасно!

— Сони, ласточка моя, я обещаю, что буду осторожен, как борец сумо на фабрике китайского фарфора!

— Предъявите справку, мистер Лавров.

— Сони, и не стыдно тебе из живого человека инвалида делать? У меня, между прочим, давление! Хм... повыситься может.

— Ваше давление в полном порядке, мистер Лавров. Я слежу. И оно и дальше будет в полном порядке, если вы не станете нарушать медицинских предписаний.

— Ох, Сони, Сони! Ты разрываешь мне сердце своей жестокостью!

— Ваше сердце в полном порядке, мистер Лавров. И будет в полном порядке и далее, если вы не станете нарушать медицинских предписаний. А вы не станете. Я прослежу.

Сандра замедлила шаг, а перед поворотом и вовсе остановилась. Она опасалась поставить парочку в неловкое положение. Если, конечно, мысли о симпатичном тренере не ввели ее в заблуждение и за поворотом действительно назревало нечто романтическое.

Но очень похоже, что да.

— Сони! Ну пожалуйста! Один разок.

— Я бы с радостью, мистер Лавров. Но доктор сказал, что вам нельзя напрягаться.

— Да кто же тут говорит о напряжении, Сони?! Я и не буду напрягаться! Я легонько, как бабочка крыльшками! Я буду сама легкость!

Спорщикам явно нравилась шутливая пикировка. В голосе мужчины всего было много — и раскатистости, и бархата, и преувеличенно трагических интонаций, и умильно-просительных. Он словно не одну единственную женщину уговаривал (интересно — на что? Только на поцелуй? или...), а выступал в роли героя-любовника перед переполненным залом. Он переигрывал, как провинциальный трагик, но при этом словно бы сам же и над собой подсмеивался, заставляя улыбаться и Сандру.

Женщина говорила спокойно, не повышая голоса, с легкой усталой иронией. Так иногда разговаривают с капризными детьми. Или с супругом, с которым прожили вместе немало счастливых лет. И оба явно получают удовольствие от самого процесса спора, а не пытаются просто настоять на своем.

— Справка, мистер Лавров.

От нечего делать Сандра попыталась представить, как они выглядят. Мужчина наверняка невысокий чернокудрый живчик с масляными глазками и черными усиками. Этаким пожилой котяра, типаж вечного бонвивана. Жена... наверняка блондинка, волосы прямые, длинные, собраны в хвост. Скандинавский тип лица, очень спокойные светло-голубые глаза, в уголках светлых губ прячется улыбка.

— Ах, Сони, Сони... жестокая Сони! И что мне с тобой прикажешь делать?

— Получите у доктора справку, мистер Лавров, и я с радостью обновлю ваш допуск.

Допуск? Стоп.

Это они о чем?

— Сони, а если я тебя попрошу... ну, например, принести мне что-нибудь из каюты. Например, свитер. Да! Свитер.

— Можете не просить, мистер Лавров. Держите.

— Что это?

— Ваш свитер.

— А...

— Вашу читалку я тоже взяла. И бутерброд. И термос. Что-то еще?

— Ах, Сони, Сони... Если бы в моем теле не были переломаны все косточки...

— Преувеличение, мистер Лавров. Не более двух третей, а вовсе не все.

Не выдержав, Сандра растянула губы в самой ослепительной своей улыбке и высунулась из-за угла.

— Доброго вам дня! — выпалила она заранее заготовленное. — Можно пройти... в тренажерку...

Последнее слово она выдавила с трудом. Потому что перед ней стоял Прекрасный Принц. Ну то есть не принц, конечно, но мужчина ее подростковых мечтаний о чем-то подобном.

Не то чтобы он был ослепительно красив... хотя нет, красив он был, но именно мужской красотой, уверенной такой, спокойной, грубоватой даже. Угадала она только с цветом волос, они были темными. Ну, во всяком случае, там, где им позволяли отрасти: а стрижка у него была короткой чуть ли не по-военному. Только вот в лице ничего военного не было — широкое, улыбочливое, брови чуть приподняты словно в вечном удивлении. Высокий? Ну вроде, хотя и не особо. Широкоплечий? Ну... вроде бы да. Все зубы на месте. И глаза умные, насмешливые, добрые. И никакой не пожилой! Пожалуй, и сорока нет...

Короче, мечта.

И вот теперь эта мечта, одетая в тренировочный костюм и с переброшенным через плечо полотенцем, стояла перед закрытой дверью спортзала, держа в руках свитер и явно не зная, что с ним делать. И вход ему преграждала какая-то мелкая пигалица. Тощая, рыжеватая, в униформе obsługi и... ну да! с буквой «А» на лацкане.

Холодные бледно-голубые глаза (тут она угадала) равнодушно скользнули по Сандре.

— Мисс Леман. Ваш допуск валиден. Прошу.

Она отступила на шаг от мембраны, по-прежнему перекрывая путь мистеру Лаврову.

Стеклянный взгляд. Механические интонации. И как только раньше Сандра умудрилась принять это за иронию?

Чувствуя, что лицо заливают жаром, она прошмыгнула мимо кибер-няньки (или кто она там? сиделка? санитарка? и почему чертов принц зовет ее Сони, ведь всех медицинских дживсов зовут Фло?) в тренажерку. Похоже, сегодня придется ограничиться только тренировкой: никакой, даже самый симпатичный, тренер не способен конкурировать с ожившей мечтой.

4. У каждого своя кнопка

Виктория Браун

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

месяцем ранее

Нельзя сказать, что Викки людей не любила. Как можно не любить тех, кем так легко пользоваться?! Нажать на нужную кнопку — и вуаля! Человек полностью в твоём распоряжении и делает все, что ты хочешь. Главное, нажимать правильно и кнопки не перепутать.

Когда-то кнопки хватало одной на всех: надо было просто заплакать. Или, для усиления эффекта, округлить глаза и сказать прерывистым шепотом: «Мам-м-ма...» Именно так, одно только слово, больше ничего. И чтобы голос прервался, как будто собираешься разрыдаться.

Хотя вроде бы глупость — она ведь обычно в такие моменты и так уже плакала, ну так спрашивается: и зачем? Но на взрослых почему-то действовало безотказно. Викки, хоть была маленькая и глупая — меньше пяти стандартных лет! — но даже и тогда понимала свою выгоду. И пользовалась.

Папочка говорил, что она очень похожа на маму, такая же рыжая и кареглазая. От папочки у Викки только подбородок, такой же упрямый и твердый. «Не женственный» — говорила миссис Эмсон, когда думала, что Викки ее не слышит. Многое она понимает, эта миссис Эмсон! Если она такая умная — то почему простая кухарка? Вот то-то и оно!

Собственный подбородок Викки нравился. Прекрасный подбородок, фамильный. Жаль, конечно, что не такой широкий и квадратный, как у папы, ну да ничего, Викки его еще разработает! Вон мистер Уориш, начальник охраны, мышцы себе накачал, они у него как булыжники. Вот и Викки себе подбородок такой же накачает! Будет совсем отличный подбородок, фамильный, с ямочкой.

Раньше Викки расстраивалась, что от папочки у нее только подбородок, а остальное совсем как у мамы. Потом поняла, что это очень удачно как раз вышло. Потому что папочка хоть и самый умный, но своя кнопка есть и у него. То, что она так похожа на маму, это и есть его главная кнопка. Безотказная. Только жать на нее надо осторожно и не слишком часто, потому что папочка умный. Очень умный. Только ведь и Викки вся в папочку, правда? Ну кроме волос и глаз «цвета кофейного ликера». Это дядя Ди так сказал. Глупый он, дядя Ди: кофейный ликер — та еще гадость, даже на вид. А у Викки глаза красивые. Как у мамы.

Мамы она не помнила совсем. Просто слово, одно из многих. Но если это слово в сочетании с трагическим взглядом и заломленными бровками действует даже на папочку — то глупо было бы им не пользоваться, ведь правда же? Вот Викки и пользовалась, и пользоваться будет, к собственному удовольствию и семейной выгоде, конечно. И папочка будет ею гордиться. Обязательно. Когда-нибудь.

У каждого человека есть своя кнопка, надо ее только найти.

Куда сейчас? На кухню.

Кому попало на кухню вход воспрещен. Если кто-то из слуг пытается туда сунуться, миссис Эмсон просто звереет, может вытянуть полотенцем прямо по лицу. Ей помогают два дживса, а живым людям вход воспрещен. Миссис Эмсон даже на управляющего однажды

накричала, Викки сама подслушала. Миссис Эмсон это сошло с рук, потому что она — талант, так папочка сказал.

Но Викки — это вам не «кто попало». Викки и на кухню запросто входит.

С кухаркой все просто. У нее кнопочка прямо на виду, не прячется совсем. Можно сказать, зеленым светом светится, знай нажимай!

— Добрый день, миссис Эмсон! Я на минуточку, я вас не буду отвлекать.

— Здравствуй, птичка моя!

Так, теперь улыбочку. И проникновенный взгляд. И глазками захлопать. Такой трогательный ребенок, милый и немножко глуповатый.

— Миссис Эмсон, не могли бы вы налить мне в термос какао? Это не для меня, это для моего мишки...

Теперь вынуть из кармана Винни-Пуха, с умильным видом протянуть его кухарке:

— Посмотрите, какой он грустный! Он хочет кушать, бедняжка! И он так любит какао!

Дальше предсказуемо: миссис Эмсон расплывается в улыбке, берет у Викки термос и наполняет его какао.

— Держи, мое солнышко, угости своего медведя. Что-то он у тебя и впрямь приуныл.

— Ах, спасибо, миссис Эмсон! Вы такая добрая!

И уходить, немедленно уходить, пока кухарка не начала говорить всякую ерунду про то, что сладкое перед обедом вредно для аппетита... что Викки не разрешено кланчить лакомства на кухне, потому что существует рацион питания... А главное, пока миссис Эмсон не вспомнила, что это уже третий термос с какао, выклянченный за три дня для сластены Винни-Пуха. Пора менять сценарий. Или вообще добывать еду где-нибудь еще.

Жаль, если на кухню больше будет нельзя сунуться. Миссис Эмсон действительно добрая. Просто тает на глазах при виде милой наивной девочки, которая втягивает ее в свою игру.

И ведь почти не пришлось врать: какао действительно не для Викки...

Понятное дело, и не для Винни-Пуха. Но никто не должен знать, для кого. Это взрослая тайна. Серьезная. Опасная. Ни разу не игра.

С едой сложно, а вот со временем хорошо. Училка наверняка не удержится, пересмотрит не только первый сезон своего любимого сериала. Правда, потом придется вытерпеть пересказ глупейшей истории про идиотку, которая не может выбрать между миллионером и космическим пиратом, но два или даже три свободных дня (полностью свободных!) того стоят. В конце концов, за все надо платить, так говорит папочка, а он глупостей не болтает.

Папочка вообще много чего говорит правильно. Он очень умный, в отличие от большинства других взрослых. Потому и самый богатый. Тут тоже все просто: глупый не может быть богатым. А бедный — умным. Потому что если ты такой умный — то где твои деньги?

5 Такое вот кино (3 день отпуска)

Сандра Леман,

борт круизного космолайнера «Академик Валевски»

настоящее время

Кинозалов с полным погружением на Прозерпине не было.

Нет, индивидуальные гаджеты наверняка имелись у многих обитателей верхнего уровня, а вот ниже и обычные-то развлекательные каналы были далеко не у всех. В школе, где преподавала Сандра, многие ребята и два официальных бесплатных канала не смотрели — просто не на чем было.

На борту «Академика Валевски» таких кинозалов было три. Лайнер принадлежал (как и многое другое) семейству Ванделеров, потому и роскошь была в глаза...

— Конечно, сходи! — сказала мама. — Когда еще доведется с твоим-то новым графиком работы. К тому же такой приятный молодой человек...

Приятными молодыми людьми мама в последнее время называла всех мужчин моложе пятидесяти, стоило им хоть раз посмотреть в сторону Сандры с выражением, хотя бы на грани отличным от полного равнодушия. Мистер Лавров очаровал ее мгновенно, при первой же встрече на смотровой палубе в то утро, когда ей впервые после операции разрешили (а вернее — настоятельно рекомендовали) неторопливые прогулки «для восстановления нормальной работы имплантированных легких при умеренных нагрузках».

Врачебными рекомендациями (к тому же так дорого стоящими!) пренебрегать не станет никто в здравом уме, и потому наутро семейство Леман отправилось на первую совместную прогулку — полюбоваться космической панорамой: — в эти часы вся стена смотровой палубы представляла собой один сплошной экран, на которой транслировалась окружающая космолайнер обстановка.

Сандра поначалу слегка волновалась по поводу Дейзи: мало ли что та могла случайно ляпнуть! Поговорить с ней наедине толком так и не получилось. Но Дейзи — умная девочка! — о своем кашле и незначительных мелочах вроде вчерашней реакпсулы при маме не заикнулась. «Все в порядке, никаких проблем! Обожаю космолайнеры! Все такое классное, жду не дожусь новой школы!» Прозерпинское воспитание, даже предупредить не пришлось: сама понимает.

Но как раз в тот момент, когда Сандра перестала волноваться, пряча нервозность за ослепительной улыбкой, и решила, что по крайней мере сейчас она может себе позволить немного расслабиться и ни о чем не думать — они и встретили мистера Лаврова. К ее огромному смущению, которое тоже пришлось прятать за улыбкой — еще более ослепительной.

Сам же мистер Лавров, похоже, смущен не был нисколько. С Сандрой он поздоровался, словно со старой приятельницей, перед миссис Леман раскланялся, рассыпаясь в витиеватых и очень забавных комплиментах то ли ей и ее дочерям, то ли погоде. Compliments эти были настолько запутаны, что мама начала смеяться уже на середине восхваления и не имела ничего против, когда в таких же избыточно приукрашенных выражениях мистер Лавров попросил разрешения присоединиться к их обществу на время прогулки. Про вчерашний инцидент у спортзала он рассказывал точно так же смешно, причем посмеиваясь скорее над собой. И тоже совершенно не смущаясь. Это напрягало.

Потому что вчера, уже ныряя в спортзал, Сандра отчетливо слышала, как он отчитывал киберсиделку:

— Что же ты, милочка, совсем меня с компостом смешала на глазах у симпатичной юной леди? А тебе ведь поручена забота о моем здравии, не только физическом, но и моральном...

Что ответила сиделка, Сандра уже не слышала, но для смущения хватало и сказанного Лавровым. С одной стороны, он назвал ее симпатичной леди, что вроде бы приятно. С

другой... звучало это слишком уж не всерьез, слишком похоже на шутку. А вот то, что она стала свидетельницей его унижения — шуткой не было.

Мужчины такого не прощают.

Однако мистер Лавров словно задался целью своим поведением опровергнуть весь накопленный ранее Сандрой личный опыт. Он сиял улыбкой — вовсе не прозерпинской улыбкой, защитной и ослепительно-колючей, а доброй такой, искренней и теплой, когда улыбается все лицо. Он расписывал красоты далеких звезд с энтузиазмом истинного астрофила, и ничуть не смутился, когда его перебила Дейзи, отличавшаяся иногда излишней дотошностью.

— У Риа-Сол нет двойных колец, — фыркнула она презрительно и задрала подбородок. — И планеты у нее только три! Это каждый ребенок знает!

— Поймали, юная леди! — ничуть не смущаясь, с покаянной улыбкой развел руками мистер Лавров. Глаза его смеялись. — Тут я немножко... э-э-э...

— Заврались! — с удовольствием припечатала Дейзи, бывавшая иногда не только дотошной, но и педантичной, и игнорируя мамино робкое-осуждающее:

— Дейзи, детка, ну нельзя же так...

— Приукрасил! — с неменьшим удовольствием возразил мистер Лавров, поднимая палец. То, что его поймали на вранье, его не огорчило ничуть, а перепалка с ершистой девчонкой, похоже, и на самом деле доставляла удовольствие. — Внес, так сказать, небольшой элемент фантазии в суровую правду жизни. Но, согласитесь: девять планет ведь гораздо интереснее, чем три? Как минимум в три раза! А эти кольца... ах, как они сияют в бескрайней ночи... Ну, могли бы сиять, если бы они у Риа-Сол были, конечно, тут вы совершенно правы, юная леди, хотя, право слово, быть столь симпатичной и столь образованной — это просто какое-то расточительство! Даже слегка завидую вашим ровесникам... Эх, где мои пятнадцать лет!

Дейзи фыркнула, но не сдалась. Так и продолжала встречать в шпыки и проверять на прочность любое его высказывание.

Тем удивительнее было то, что в кино он пригласил их всех.

Это случилось уже под конец прогулки, когда нормы приличия подсказывали Сандре, что вроде бы самое время вежливо распрощаться и более не надоедать случайному попутчику... тем более что Дейзи вцепилась в него как клещ, в кои-то веки имея возможность донести до окружающих все их непонимание устройства двойных квазаров с аритмичной пульсацией (ох, не стоило мистери Лаврову заговаривать при ней про звезды, звезды для Дейзи — святое). Дейзи как раз со вкусом описывала, какие катастрофы могут ожидать случайно захваченные подобными конгломератами планеты — цунами, землетрясения, ураганы и самые страшные извержения вулканов с подвижками планетарной коры покажутся легким ласковым ветерком по сравнению с тем армагеддоном, который будет повторяться снова и снова до полного распада несчастной планеты на фрагменты.

— О! — откликнулся мистер Лавров, до этого выслушивавший Дейзи с вниманием и почтительностью. — А не хотите взглянуть на такое, так сказать, изнутри? В «Авроре» идет «Закат пожирателя солнц», там как раз про гибель планеты со всеми возможными спецэффектами, полное погружение... А у меня четыре контрамарки пропадают, они входили в стоимость билета, но одному как-то скучно. Может, составите компанию? Жалко же, что пропадают...

Вот так они и оказались в этом кинозале.

Фильм Сандре не понравился.

Может быть, потому, что она оказалась сидящей между мистером Лавровым и Дейзи (мама с ними не пошла, отговорилась усталостью, и они все вместе проводили ее до больничного крыла), и Дейзи тут же вцепилась в ее локоть липкой от сладкой ваты ладошкой, чтобы дотянуться до протянутого мистером Лавровым ведерка с солеными гмокурузными чипсами. От мистера Лаврова пахло холодноватым мужским парфюмом и еще чем-то неуловимым, но смутно опасным: то ли кожей, то ли металлом. Запах был несильным, но тревожным. Ну и жареной с томатом и перцем гмокурузой, конечно, но этим запахом пропитался весь кинозал, он просачивался даже сквозь умело наведенные ароматы постапокалиптической Визардии.

К тому же эффект полного погружения подразумевал, что зрители должны испытать все прелести далеко не нового и совсем не прекрасного мира на собственной шкуре.

Жарко, душно, воняет гниющей рыбой, болотом и мокрой ржавчиной. Влажность такая, что кожа мгновенно становится мокрой и одежда липнет к ней горчичным пластырем, пол под ногами периодически вздрагивает и прогибается, обдавая горячим ветром колени, да и не пол это, а палуба полумертвого корабля, на котором зомби охотятся на последних уцелевших монахов тайного ордена Рассекателей Плоты. Палуба под ногами кренится все больше, заставляя ловить равновесие, алые вспышки режут глаза, горячий ветер пахнет мокрым металлом, и кожей, и чем-то еще, неуместным и тревожным... И почему-то — гмокурузой, жареной с томатом и перцем.

Откуда на умирающей Визардии гмокуруза?

— Вранье! — раздается совсем рядом справа удовлетворенный голосок Дейзи. Ее самой не видно: там, откуда доносится голос, только полусгнившие канаты бортового ограждения и разрушенная причальная стойка за ними. Но полный мстительного удовлетворения голос слышен отчетливо, перекрывая вопли разрываемой живыми мертвецами жертвы. — Ты посмотри на эту луну! Она или огромная, или чуть ли не на ближней орбите зависла, при таком раскладе у них бы давно сорвало всю атмосферу!

Хорошо, что слышать ее может только Сандро...

Слева раздается отчетливое хмыканье и шорох. Нотка мужского парфюма становится острее, перебивает тяжелые запахи гнили, железа и крови, от которых Сандру уже начало поташнивать. Она закрывает глаза и принюхивается, стараясь дышать исключительно этим парфюмерным ароматом, спокойным, холодным, чистым, уверенным... тошнота отступает.

Смотреть, как то ли последние монахи добивали последних зомби, то ли наоборот, она предпочла бы именно так, с закрытыми глазами. Но это было бы невежливо. И непознавательно. Мама права: кто его знает, когда ей еще выпадет время и случай сходить на сеанс с полным погружением? Пусть даже это и погружение в гниющее болото.

— Ну и как вам? — спросил мистер Лавров двумя часами позже, когда они вознаградили себя за испытанное на сеансе хорошими порциями воздушного мороженого (во всяком случае, Сандро сочла это именно компенсацией). Глаза у него смеялись.

— Очень... познавательно, — ответила Сандро осторожно. Его холодноватый парфюм все еще щекотал ей нос и чуть покалывал на языке, вплетаясь легким привкусом горечи в шоколад и миндаль взбитого пломбира.

— Дрянь! — куда более категорично и с куда большим удовольствием высказалась Дейзи. Слизнула с ложечки прозрачную вишню, идентичную натуральной. Подумала. Скосила на мистера Лаврова острый взгляд, ставший вдруг прицельным и цепким.

Уточнила:

— Вам же четвертый билет не нужен, правда? Вы же его все равно маме отдать хотели... Вы же его мне отдадите, да? Хочу еще раз посмотреть на эту жуткую гадость!

Глава 6. Осторожнее с котиками! (4 день отпуска)

Сандра Леман,

борт круизного космолайнера «Академик Валевски»

текущее время

— Он мерзкий, словно дохлый гримзик, — сказала Дейзи. И, подумав, добавила: — Три дня как дохлый! Он тебя за богачку принял, вот и клеится!

Они только что вдоволь наплескались в почти-как-настоящем море и теперь отдыхали в шезлонгах на пляже под зонтиком. *В кои-то веки вдвоем, даже странно, словно чего-то не хватает... и это явно не мамы!*

Умом Сандра понимала, что шезлонги стоят на бортике бассейна с морской водой и волногенератором, а бескрайнее море и упирающийся в скалы пляж — всего лишь искусная имитация. Иллюзия. Но... Но песок под босыми ногами был обжигающе настоящим, морская соль по-настоящему горчила на губах, теплый ветер обдувал сохнувшее тело, и мультифруктовый джус в высоких бокалах тоже был настоящим, с гнутыми соломинками и настоящими зонтиками из настоящей бумаги. Вкусный, густой, кисло-сладкий, с шариками мятного льда.

И удовольствие, вызванное всем этим, тоже было самым что ни на есть настоящим.

Если бы вот еще и Дейзи перестала так цепляться к несчастному мистеру Лаврову...

— Он и сам не из бедных, — пожалала плечами Сандра. — Бедные не летают на таких лайнерах.

— Ну мы же летаем!

Переубедить Дейзи было миссией из разряда не очень-то выполнимых, но Сандра никогда не теряла надежды. Она покрутила в бокале соломинкой, слизнула с края оранжевую каплю. И постаралась, чтобы голос звучал не как у мерзкой училки, назидательно и противно (а что поделать? профессиональная деформация, чтоб ее...):

— Мы — исключение, за нас платит мистер Браун. Да и то наши билеты, похоже, не самые дорогие, ведь контрамарки в них не входят.

— Сэкономил твой Браун, — кивнула Дейзи с уважением, одним долгим плотком вытягивая чуть ли не треть бокала: правильную экономию она принимала как нечто достойное. — Ну так это ничего не меняет! За дохлого гримзика тоже может платить какой-нибудь его мистер Браун! А он попутно себе богачку присматривает, чтобы охмурить. И чтобы дальше за все платила уже она! Скажешь, нет?

— Ты его рубашку видела? — попыталась зайти с другой стороны Сандра.

— Ну видела, — фыркнула Дейзи. — На обтирочные концы очень даже ничего так, вполне сгодится.

— Она стоит дороже гоночного флаера.

— Вот эта жеваная туалетная бумага цвета кошачьей мочи?!

— Это натуральный хлопок. Натуральный, понимаешь? У жены начальника смены был такой шарфик, я видела. Стоил... ну как крыло от того самого флаера.

Дейзи нахмурилась. Закусила нижнюю губу. Жену начальника смены она помнила. И то, с какой гордостью и бережностью та относилась к своему шарфу — тоже. На какой-то

миг Сандре даже показалось, что аргумент подействовал — ну действительно, какие такие меркантильные интересы могут быть в отношении Сандры (экипированной во все добротное, но синтетическое) у настолько богатого человека? У которого из натурального хлопка не только галстук или там шарфик, а целая рубашка! Да и брюки, кажется, тоже (хотя брюки столь тщательно Сандра рассматривать постеснялась).

Два пацаненка чуть помладше Дейзи затеяли шумную возню рядом, обдали Сандру песком до колен. Дейзи забралась в шезлонг с ногами и высоко подняла собственный бокал, шипя в адрес драчунов что-то весьма неодобрительное.

Наверное, Сандре тоже стоило испытывать раздражение: кому приятно, когда песок налипает на мокрую кожу?

Раздражаться не хотелось. Хотелось улыбаться, жмуриться, тянуть коктейль через соломинку и вообще чувствовать себя ленивой прожигательницей жизни... ну хотя бы еще на четыре оставшихся дня.

— Если он так богат... — задумчиво протянула Дейзи, возвращаясь к прерванному разговору и продолжая хмуриться. — Если он и на самом деле настолько богат... тогда все еще хуже! — и прежде чем Сандра успела возмутиться и сказать что-нибудь типа: «Ну милочка, на тебя не угодишь!», быстро спросила: — Помнишь открытку, что тебе Ник подарил? Ну того ушастого с котиком? — и добавила почему-то уже совсем мрачно, почти обвиняюще: — Ну так вот: он на него похож!

— На сільмарианского эльфа? — невольно улыбнулась Сандра.

Открытку с ученым сільмарианцем Сандра отлично помнила. Тогда еще пришлось рассказать Дейзи, кто такой Толкиен и почему земляне назвали Сільмарианом открытую планету, жители которой внешне походили на сказочных эльфов. Но только внешне. Сільмарианцы преклонялись перед наукой. Боготворили ее, как бы ни странно это звучало.

Вот и на открытке в своей лаборатории сидел длинноухий исследователь с механическим котиком на плечах и, сдвинув на лоб антикварные защитные гоглы, рассматривал модель универсума с таким умиленным вождением, с каким только и может ученый сільмарианец рассматривать еще никем не решенную научную загадку. «Уставился, как кот на жирного куроцыпа!» — помнится, сказала тогда Дейзи. Но в целом открытку одобрила.

— На котика! — мрачно отрезала Дейзи. — На механического! Такой же весь бронированный и фальшивый. Боевой цеп вместо хвоста и по хребту пила. Циркулярная! Захочешь погладить — а он тебе полруки отчекрыжит!

Дейзи старается выглядеть взрослой, но на деле совсем ребенок. Иногда это почти незаметно. Но это так. А у детей короткая память, особенно на то, что не затрагивает их лично. Даже у детей, выросших на Прозерпине. Пройдет день или два, и Дейзи забудет о своих подозрениях, отвлечется на что-нибудь другое или просто передумает.

А мистер Лавров еще раньше забудет о существовании Сандры. Или просто передумает насчет обещанных сгоряча совместных прогулок по утрам, не такое уж это и развлечение для симпатичного мужчины. Вполне может найти себе занятия и поинтереснее.

Две случайные встречи могут так и остаться двумя случайными встречами, просто ни к чему не обязывающая прогулка и одно совместное посещение кинозала. Ничего больше. Приятное воспоминание, но для дорожного романа как-то слабовато, правда? Сандра никогда не была в них сильна... ну хотя бы потому, что почти никуда и не ездила.

Наверное, не стоит и начинать.

Дейзи, все еще хмурясь, тяжело вздохнула и посмотрела на старшую сестру так, словно это она, Дейзи, тут была старшая и за все отвечала. В том числе и за Сандру, маленькую и ничего не понимающую в жизни. Сказала озабоченно:

— Ты бы с ним поосторожнее...

— Хорошо, — смиренно согласилась Сандра, стараясь не улыбаться. — Обещаю. что гладить его не буду!

— Не скучали без меня, девочки? — спросила незаметно подошедшая со спины мама, целуя Сандру в макушку. Дейзи, как раз переживавшая возраст отрицания обнимашек, только поглубже ушла в шезлонг, выставив наружу оборонительные ежи из локтей и коленок. — А смотрите, кого я встретила в парке!

Сандра поняла, кого именно, еще до того, как со спины прозвучал низкий бархатный голос:

— И о чем же скучали столь прелестные юные леди?

— О циркулярных пилах, — буркнула Дейзи.

И что характерно, ведь даже не соврала.

Мистер Лавров о существовании Сандры не забыл. Ни на следующий день, ни на последующий. И не передумал.

Дейзи — тоже.

— Такой приятный молодой человек, — вздохнула мама. — И такой обходительный...

— Подкарауливает! — шипела Дейзи.

Сандре оставалось только восхищаться ее способностью прошипеть слово, в котором не было ни одного шипяще-свистящего звука. Напоминать о том, что они, вообще-то, проживают в каютах, расположенных на одной палубе, а потому имеют не так уж много места для прогулок, она уже не пыталась: в ответ Дейзи только многозначительно фыркала и непримиримо шурилась.

Если первую половину первого дня Дейзи просто смотрела на мистера Лаврова косо и по большей части отмалчивалась, то уже к вечеру начала осторожно хамить. На второй — не так уж и осторожно. На третий осмелела окончательно.

Мама охала и качала головой. Просила Сандру что-нибудь сделать — в конце концов, кто у нас тут дипломированный педагог?! А Сандра смотрела на них обеих (живых! не кашляющих!) — и никак не могла ни разозлиться всерьез, ни даже просто огорчиться. Ну хулиганка, ну да, мама, ты права! Но что поделаешь? Ребенок растет...

Пожалуй, Сандру даже радовало, что сегодняшняя Дейзи ничем не напоминала ту растерянную и испуганную девочку, что отпускала по вентиляционным шахтам бумажных журавликов в наивной надежде, что папа вернется. Надо только сделать их побольше! И верить, верить и желать. И тогда сработает. Обязательно!

Эта новая Дейзи не стала бы ничего и ни у кого выклянчивать. Она скорее бы прошла напролом, споря с судьбой и дразня кибермодифицированной мышкой кибермодифицированную кошку, причем кошку особо крупных пород, с крыльями и пристрастием к задаванию неудобных вопросов.

И все это — с очаровательной улыбочкой. Просто-таки милая девочка!

— Вы нас тут специально подкарауливали, да? — поинтересовалась милая девочка у мистера Лаврова. Деловито так поинтересовалась, с радостным предвкушением. — Вы нас

преследуете, да? Я уже могу вызывать полицию?

— Как вы только могли подумать, юная леди?! — в преувеличенном ужасе схватился за сердце мистер Лавров. — Да чтобы я?! Да никогда! Это абсолютнейшая случайность, что я здесь стоял, когда вы проходили мимо, ну и не мог же я с вами не поздороваться, я же приличный человек!

Кстати говоря, он уже не стоял, а шел рядом, привычно подцепив Сандру под локоть, словно всю жизнь это делал.

— Совпадения, говорите? — обрадовалась Дейзи. Как-то очень нехорошо обрадовалась, надо отметить. — А хотите, я вам расскажу про совпадения?

— Да как-то, знаете ли, не очень...

— А я все равно расскажу! Вам полезно. Знаете, что случилось директорским каром? — Теперь она говорила вкрадчиво и улыбалась при этом так широко, многообещающе и доброжелательно, что Сандра никак не могла отделаться от мыслей о тигровой акуле.

Дейзи выдержала театральную паузу и торжествующе закончила:

— Он сторел! Пшшших — и нету! Словно его горючкой облили. Кто-то взял и облил. Хорошей такой горючкой. Из синей банки. А знаете, почему? А потому что не надо было обижать мою сестру. Он ее обидел, понимаете? Директор. И его флаер сделал пшшших. Такое вот совпадение. Понимаете, да?

— Понимаю... — кивнул мистер Лавров уважительно. Он не выглядел ни шокированным, ни возмущенным, и не улыбался, только у глаз собрались лучики морщинок.

Они как раз проходили под живой аркой, оплетенной цветущими лианами, тонкий цветочный аромат мешался с горьковатой свежестью мужского парфюма и приторным запахом карамели: Дейзи опять хватанула себе сладкой ваты, пользуясь отсутствием мамы и тем, что на этой палубе все автоматы работали по карточке пассажира. Сандра не стала возражать, думая, что вспененная сладость на какое-то время займет сестру и им удастся хотя бы немного погулять спокойно.

Но не тут-то было!

— Зря смеетесь, — насупилась Дейзи, воинственно выпятив подбородок. — Сгореть ведь может не только флаер. Совпадения, они такие!

Сандра отлично понимала ее тактику: спровоцировать мистера Лаврова на грубый ответ зарвавшейся малявке на глазах у Сандры. Люди, когда злятся, выглядят некрасиво и ведут себя тоже не очень. С Ником хватило опрокинутого пива. Интересно, тогда это действительно была случайность и Дейзи просто взяла на заметку сработавший вариант? Или же...

— Знаете, мисс Дейзи, а ведь я уже почти завидую вашей сестре, — сказал вдруг мистер Лавров. Смотрел он по-прежнему на Дейзи и разговаривал вроде как с ней, только чуть сжал пальцы на локте Сандры. — У нее потрясающий ангел-хранитель!

Наверное, именно тогда Сандра и поняла, что у них ничего не выгорит.

Не стоит даже и пытаться.

Он слишком хорош для простенькой дорожной интрижки, а ни на что большее Сандра не может рассчитывать. Не в ее ситуации, когда непонятно, что за работа ждет ее на Шире и насколько эта работа окажется... какой? опасной? предосудительной? незаконной? смертельной?..

Глупо думать об этом сейчас, когда нет никакой новой информации и ни малейшей возможности эту информацию получить. И волноваться тем более глупо.

Вот Сандра и не будет волноваться, а будет получать максимум удовольствия от своего вынужденного отпуска. В том числе и в обществе такого приятного соседа по палубе, пусть даже он и не нравится ее младшей сестре. Сандра нацелена получить максимум удовольствия от оставшихся трех дней пути — и она его получит! В том числе и от прогулок, раз уж мистер Лавров не против.

В конце концов, Дейзи никто не заставляет ходить с ними третьей, ведь правда?..

7 Двойной сбой (5 день отпуска)

Сандра Леман

борт круизного космолайнера «Академик Валевски»

текущее время

На следующий день Сандра, Дейзи и мистер Лавров проходили мимо игровой площадки. Дейзи принялась критиковать настольный реинбол: мол, правила примитивные, игра легкая, любой восьмилетний малыш справится, не то что девятилетний взрослый человек. Решила доказать это, встала у стола напротив какой-то тощей дамы — и с треском проиграла партию. Заинтересовалась, начала следующую партию — и втянулась, забыв обо всем на свете.

Это избавило мистера Лаврова от ее насмешливых взглядов, когда на площадку явилась киберсиделка (та, «Сони») и сообщила своему пациенту, сидевшему рядом с Сандрой на скамейке, что он забыл в каюте браслет-датчик. Без браслета врач не может контролировать состояние мистера Лаврова, а сам он рискует забыть расписание медицинских процедур.

Когда «Сони» удалилась, Сандра спросила смущенного (или изображающего смущение) Лаврова:

— Эта флю вас не пугает?

Он так удивился, что оставил свое привычное шутовство:

— Кто, Сони? А с чего бы она должна меня пугать?

— Киборги... Они слишком похожи на людей. Они ведь даже могут получать энергию от пищи, как и мы, я не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Они умеют получать энергию и от альтернативных источников, но и есть могут, как люди. Тело-то почти человеческое, только искусственно выращенное и модифицированное.

— Вот. Но при этом они не люди. У них такой холодный взгляд... стеклянный, равнодушный. Наверное, специально фирма изготовитель так делает, чтобы киборги страх внушали, ведь большая их часть закупается для армии..

— Вовсе нет! — рассмеялся Лавров. — А спасатели, пожарные, медики? Я уже не говорю про слуг. Зачем слуге в хорошем доме отталкивающая внешность? Таких дживсов никто покупать не станет.

— Почему они так похожи на людей? Почему их клонируют, а не делают из металлопластика, как тех же шахтерских дроидов?

— Все дело в экономике. Если бы Айлин Маск была физиком или кибернетом, а не биоинженером, то, возможно, мы бы сейчас имели пластиковых андроидов с синей кровью. Но после ее биосинтеза клонировать модифицированных почти людей с чипами в головах оказалось дешевле, чем клепать жестянки... Но почему вы решили, что милейшая Сони может внушать ужас?

Сандра не удержалась. Слишком велико было искушение рассказать кому-то о преследовавшем ее ужасе. Не с мамой же об этом говорить!..

Она сказала, стараясь, чтобы ее слова звучали небрежно и легко:

— У меня не выходит из головы тот... тот инцидент в космопорту. Тот киборг, что убил несколько человек.

Лавров посерьезнел:

— Тяжелая история, да... Увы, не единственная. Кибернетцы называют это «сбоем программы». Один случай на сто тысяч, редко, но случается, все программы несовершенны, что тут поделывать? Только устранять замеченные баги.

— Баги? Вы об этом так спокойно говорите... Но ведь сбой программы делает киборга опасным для окружающих!

— Потому-то всем киборгам и вписывают в базовую прошивку чипа два кода — «серый» и «черный». «Серый код» — не летальный, просто вызывает мгновенный паралич всех систем. А дальше уже дело техников и кибернетов: разобраться, насколько правомерны подозрения хозяина, что кибер глючит и готов вот-вот сбойнуть. «Черный код» запускает программу самоликвидации, когда без вариантов: однозначный сбой. Активировать его может только хозяин. Ну и полицейские, конечно. Приказ полицейского всегда приоритетен, иначе было бы слишком много умников, желающих совершать преступления руками киборгов.

— А если хозяин окажется первой жертвой, а полиции рядом нет?

— О, вот это плохо! Тогда киборг, бывает, идет вразнос, убивая всех подряд, пока его не остановят. — Лавров пристально взглянул в лицо Сандре. — Но вот бояться их незачем. Даже боевой киборг — всего лишь инструмент. Им кто-то управляет. Киборг... он — как топор. Даже если им совершено убийство, топора бояться незачем.

— Но в космопорту киборгом никто не управлял! Или... неужели чей-то злой умысел?!

Лавров помрачнел:

— Злого умысла там не было, была глупость. Это уже доказано: расшифрованы записи с камер наблюдения. В зале ожидания находились четверо транзитников и киборг, принадлежавший одному из них. Повезло, обычно народу там между рейсами больше. Транзитники выпивали за знакомство, киборг торчал в углу. Диспетчеру поступил сигнал о прорыве хладагента и возможном проникновении паров в вентиляцию. Зал ожидания № 2 попадал в зону поражения. Диспетчер послал полицейского эвакуировать людей из опасной зоны. Полицейский ничего не стал объяснять, просто приказал всем покинуть помещение. Транзитники к этому времени уговорили вторую бутылку и потому подчиняться отказались в грубой форме. Тогда возмущенный полицейский выхватил жетон и крикнул: «Чтоб через пятнадцать секунд ни одной живой души тут не было! А не то...» Договорить угрозу он не успел.

— И киборг понял это как команду? — ужаснулась Сандра.

— Да. Полицейского убил первым, потом хозяина, который спяну так и не успел отреагировать и вспомнить код. Уйти киборг не пытался, выполнил приказ и стоял как ни в чем не бывало. Это даже сбоем не было, но прибежавшая охрана все равно его загасила. Жаль. Испортили хорошее, годное оборудование, которое просто сделала то, что ему было велено.

Услышанное шокировало девушку. Причем не только то, что из-за случайной оговорки погибли пять человек, но и то, каким тоном говорил об этом Лавров. Как будто

оборудование ему жаль больше, чем погибших людей.

Возможно, Сандра наговорила бы Лаврову злых слов и потом пожалела бы об этом (кто он ей, чтобы выслушивать ее выговор?). Но тут подбежала Дейзи. Девочка только что выиграла партию в рейнбол и только теперь смогла покинуть игровую площадку. Не побежденной же ей уходить, верно?

Сандра простилась с Лавровым довольно холодно и вместе с Дейзи вернулась в свою каюту.

На следующий день Лавров не пришел. То ли обиделся, то ли пересел на малый звездолет, пристыковавшийся к «Академику Валевски» и забравший часть пассажиров для посадки на другую планету.

И только в самом конце путешествия, в подготовке к высадке, в суматохе сборов, Сандре пришла в голову несвоевременная, запоздалая мысль: а откуда простой пассажир круизного лайнера может знать о расследовании, проведенном на Прозерпине уже после того, как этот лайнер с нее улетел?

8 Ничего личного (Собеседование)

Сандра Леман

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

текущее время

— Полагаю, мисс Леман, вы уже убедились, какой у нас тут чудесный воздух. И сила тяжести практически земная. Уверен, вашей матушке и сестре здесь понравится. Удобно ли они устроились?

— Да, мистер Браун, спасибо, все замечательно, — учтиво отозвалась Сандра.

Сандра действительно была благодарна этому статному, подтянутому человеку с седыми висками. Тем более что воздух на Шире действительно был восхитительный, его хотелось... нет, не пить даже, а катать на языке, словно изысканное лакомство. От каждого нового вдоха у Сандры слегка кружилась голова и шумело в ушах — или воздух тут ни при чем и это просто оттого, что она до сих пор где-то в глубине души никак не могла поверить, что все это происходит не во сне?

Но к воздуху Сандра хотя бы была готова заранее. А вот вода...

— Со школой проблем не возникло?

— Никаких, мистер Браун. Директор была очень любезна, связалась с мамой сама, и с завтрашнего дня Дейзи приступает к занятиям.

— Это хорошо. В Понивилле отличная школа, хоть и муниципальная. Думаю, вашей сестре там понравится.

— Не сомневаюсь в этом, мистер Браун.

Ответ Сандры прозвучал очень учтиво, но немного автоматически. Девушка не сразу смогла выбросить из головы мысли о здешней воде.

Сандра с большим трудом могла представить себе, что воздух может быть не просто вкусным и полезным, но еще и бесплатным. Эти два слова — «полезный» и «бесплатный» — как-то очень плохо совмещаются в одном понятии для выросшего на Прозерпине. Но все-таки совмещаются, хоть и со скрипом.

Но чтобы бесплатной была еще и вода?!

Ну ладно, ладно... почти бесплатной. Потому что называть всерьез платой тот мизер, который она тут стоила...

...Сандра поначалу решила, что ослышалась. Даже переспросила:

— *За литр?*

— *Нет, — ответила ей молодая улыбчивая сотрудница мэрии, помогавшая оформить документы. — За месяц пользования общественной системой водопровода и канализации. Но если вы пробьете скважину на участке, то платить будете только за электричество. Правда, так мало кто делает, с водой у нас перебоев не было с тринадцатого года. И она вкусная!*

Вкусная, да. Сандра успела попробовать и оценить. Как и то, что портативный анализатор показывал одни лишь синие деления: эту воду можно было пить прямо из-под крана, безо всяких сложных фильтраций и даже кипячения.

Так не бывает...

Бывает. Точка.

Вон даже за огромным, во всю стену, окном кабинета — вид на пруд, поверхность которого покрыта широкими листьями какого-то водяного растения. Рядом изящная скамейка, вокруг — кусты... Вода — для красоты! И ведь это не заурядная роскошь! В Понивилле у некоторых домов есть декоративные маленькие прудики!

Сандра очень благодарна улыбчивому мистеру Брауну (как бы там его ни звали на самом деле) за возможность перетащить семью в эту сказку. И готова отработать. Пусть только объяснит, что именно от нее потребуется, она все сделает.

А он все ходит вокруг да около, этот улыбчивый мистер со стальными висками и такой же холодной сталью во взгляде. Ничего не объясняет и пока что условия ее будущей работы сформулировал весьма туманно — слишком расплывчато для любящего отца, озабоченного воспитанием и благополучием обожаемых деток.

— Мисс Леман, вы предупредили мать и сестру, что сможете навещать их не чаще раза в две недели?

— Да, сэр.

С этим улыбчивым мистером наверняка придется еще и спать. И хорошо, если только спать... Пусть. Не такая уж высокая цена за здоровье двух самых близких людей. Сандра не девочка, знала, на что шла.

— Вам понадобится все ваше время и все силы. Круглосуточно. Я предупреждал, что работа будет сложная.

Сандра кивнула.

Да, конечно, она помнит их первый разговор по сети. Работа сложная, тяжелая и... опасная. Возможно. Подробности — при личной встрече, после подписания договора.

Договор Сандра подписала еще на Прозерпине. Личная встреча — вот она, в одном кабинете, их разделяет только массивный стол темного дерева. А он все равно тянет, словно бы не решаясь...

Мысли скользили по привычному кругу. Вероятно, один из детей болен. Наследственная патология... склонность к жестокости... Может быть, отставание в умственном развитии, отсутствие социализации, низкая эмпатия... Все это может быть скорректировано, да, но без синяков и травм вряд ли обойдется. Большая разница, лупит ли тебя погремущкой по голове четырехлетний карапуз или физически вполне созревший мужчина лет этак двадцати, остановившийся в умственном развитии на уровне четырехлетки...

Плевать. Она согласилась. Согласилась тогда и, не раздумывая, согласилась бы и сейчас, предложи ей кто перерешать. Мистер Браун уже выдал такой аванс, за который расплачиваться и расплачиваться. У выросших на Прозерпине есть собственные понятия о чести и гордости. Сандра отработает.

— Именно по этой причине, мисс, я был вынужден расстаться с вашей предшественницей, — продолжил меж тем мистер Браун. Голос его стал жестким, глаза сурово сощурились. Показалось даже: сверкнули.

«Кинжальные зрачки... — вспомнила Сандра совершенно некстати, — У кого же из классиков докосмической эры это было? Господи, о чем я думаю, при чем тут литература...»

Надо сосредоточиться. Мистер Браун, кажется, переходит к главному... Это ведь важно, за что выгнали предыдущую учительницу... не повторять чужих ошибок.

Если бы еще голова не кружилась при каждом вдохе.

— Очень легкомысленная особа, — продолжал мистер Браун, хмуро разглядывая Сандру. — Она была довольна тем, что ей досталась в подопечные умненькая, послушная девочка, которая часами сидела с книжками в домике на дереве. Или делала уроки в своей комнате, вся такая правильная и прилежная. А учительница проводила это время в тренажерном зале. Или в бассейне. Или в глобалнете. И пока она развлекалась и *самосовершенствовалась*... — Браун выплюнул это слово, как ругательство, — моя Викки играла в опасную игру. Можно сказать, забавлялась с гранатой без чеки. Разумеется, я уволил эту особу с черным билетом, как только узнал.

Браун говорил, не повышая тона, но у Сандры мороз прошел по коже от этого негромкого спокойного голоса. Мистер Браун — не тот человек, которого можно рассердить безнаказанно. И далеко не факт, что сейчас он говорит всю правду. Вряд ли прежняя учительница отделалась всего-навсего увольнением и отсутствием рекомендаций...

Мистер Браун еще раз царапнул Сандру лезвиями зрачков, словно прочитал ее мысли и отнесся к ним неодобрительно...

И вдруг улыбнулся, искренне и широко. И вот уже рядом с Сандрой вновь радушный хозяин:

— Холодного чаю, мисс? Или соку? Рекомендую вишневый: не химия, здесь прекрасно прижились вишни.

— Да, спасибо. — Сандра чуть подалась вперед, и спинка кресла тут же изменила форму, подстраиваясь под ее новую позу.

— Мэй Ли, два стакана вишневого сока, пожалуйста, — негромко сказал Браун.

Дверь кабинета отъехала в сторону практически сразу, словно за ней только и ждали сигнала. В комнату вошла миниатюрная китаянка с подносом, на котором стояли два высоких стеклянных стакана с соком.

Служанка подошла сначала к Сандре, с поклоном протянула поднос. Из подлокотника кресла тут же выползло щупальце — и застыло, свернув кончик колечком и превратившись в подставку для стакана.

— Спасибо, — машинально сказала служанке Сандра... и осеклась.

Да, приветливая улыбка, естественный поворот головы... но глаза пустые, стеклянные. Разом вспомнилось, как во время первой беседы Браун спросил, нет ли у нее киборгофобии. А теперь вот так, на первой же беседе... проверка? Еще одна, последняя? *Последняя ли?*

Сандра взяла холодный стакан. Киборгов на Прозерпине ей приходилось видеть часто. Хотя и не таких изящных и улыбчивых. Прозерпина — планета рабочая, шахтерская, и умение улыбаться — последнее, что может потребоваться тамошним рудокопам.

Браун угадал ее мысли.

— Хорошая программа имитации личности, верно?.. — Он взял свой стакан. — Мэй Ли, это мисс Леман, она получает право управления.

— Да, сэр. — Голос киборга был нежным и певучим, как журчанье ручейка. — Добро пожаловать в «Зеленые холмы», мисс Леман.

— Когда наша беседа закончится, покажешь мисс Леман ее комнату.

— Да, сэр.

— Спасибо, Мэй Ли. Ступай.

Когда за киборгом закрылась дверь, Браун усмехнулся:

— С недавнего времени я не забываю говорить киборгам «пожалуйста» и «спасибо». Потому что кто знает... Мисс Леман, вам попадались в глобалнете споры о возможной

разумности киборгов?

«Вы про эту чушь?» — хотела было спросить Сандра, но промолчала, лишь пожала плечами. В новом доме лучше не говорить ничего такого, что может не понравиться работодателю. Тем более такому работодателю.

Как тут же выяснилось, она поступила благоразумно.

— Ну, сомнения у меня были и раньше, — вздохнул Браун. — Я думал: программа программой, но мозги-то им не ампутируют, верно? И кто знает, что в этих мозгах шевелится! А теперь... Видите ли, мисс, у одного из наших соседей случилось... э-э-э... происшествие. Чрезвычайное, да. Сбойнул киборг.

— Какой ужас! — Сандру пробрала дрожь, невольно вспомнились залитые кровью стены зала ожидания. — Были... жертвы?

— Нет, обошлось. Мой ближайший сосед, фермер Мак-Рой, известен в округе тяжелым характером. Со всеми соседями он перессорился уже давно, а месяца два назад от него сбежал единственный сын, причем полдороги до космопорта отец гнался за ним с топором. Наемные работники у Мак-Роя не удерживались, потому что он имеет привычку распускать не только язык, но и кулаки. А в одиночку на ферме не справишься, поэтому Мак-Рой приобрел на распродаже армейского имущества гарда. Самое то для сельской местности и тяжелых физических работ. Местные остряки хихикали: мол, у Мак-Роя не выдержит и киборг. Накаркали: гард проломил изгородь и ушел на все четыре стороны. Это не понравилось не только фермеру, но и соседям: по окрестностям бродит боевой механизм без тормозов. Они объединились и пошли его ловить. Киборг укрылся в маисовом сушняке... Видите ли, мисс, у здешнего маиса собирают початки в пищу и листья на корм скоту. Высоченные стебли оставляют на корню, а когда они высохнут — рубят на топливо. Но раз такое дело... Фермеры подожгли сушняк со всех сторон, чтоб беглый киборг точно не ушел.

Сандра повела плечами, скрывая невольную дрожь. Нет, никаких фобий у нее не было (никаких, слышите, мистер Браун?), но пожар... Огонь в замкнутом помещении страшен, он распространяется со скоростью взрыва, сметая все на своем пути. На Прозерпине ролики по противопожарной безопасности крутили чуть ли не чаще, чем о правилах пользования респираторами.

И это никак нельзя считать фобией! Просто... разумная осторожность.

— Фермеры не смогли проверить, завершилась ли их операция успехом, потому что налетела гроза. Это единственный недостаток здешнего климата: грозы просто чудовищные. Ливень спас порядком обгоревшего киборга, а молнии повредили генератор, который создавал силовое поле вдоль ограды моей усадьбы. Киборг довольно далеко забрался на мою территорию, а когда почувствовал, что вот-вот впадет в гибернацию, — заполз подальше в кусты, замаскировался и только там отключился. Военный опыт!

Сандра бросила на собеседника быстрый недоуменный взгляд. Ей померещились нотки гордости в его голосе.

— Наутро генератор починили, силовое поле восстановили, охрана прошлась по территории. Киборга не заметили даже при помощи сканирования: он был в отключке. Обход делали без особого тщания, потому что не верили, что в такую грозу кто-то полезет к нам на участок. Они вообще расслабились на этой мирной планете, о чем, уверяю вас, тогдашний начальник охраны позже очень пожалел.

И вновь та жесткая интонация, которая недавно испугала Сандру!

— Словом, позже выяснилось, что беглец прятался на игровой территории, неподалеку

от домика. И утром туда пришла моя Викки — с книжкой в сумочке и с термосом какао. А теперь, мисс Леман, внимание! Я хочу, чтобы вы поняли, с каким ребенком вам придется иметь дело. Девятилетняя девочка видит обгоревшее чудовище, лишь отдаленно похожее на человека. Чудовище открывает глаза и смотрит на девочку. Какова реакция ребенка? Ребенок спрашивает у чудовища: «Хотите какао?»

Теперь нотки гордости были настолько явственными, что их заметил и сам рассказчик. Он смущенно кашлянул:

— Безобразия, разумеется... Ладно, сокращу рассказ. Викки прятала беглеца в домике, воровала для него еду и обезболивающую мазь, читала ему вслух «Маугли». Наконец этот идиот Уориш, начальник охраны, все-таки обнаружил киборга и, не поставив меня в известность, вызвал для скорости полицейских, а не авангардистов: филиал «АванGARDa» на Шире один и далеко. За киборгом явился заместитель начальника с двумя констеблями. Прибыли быстро, сработали чисто и профессионально, приняли управление киборгом. Я застал как раз момент, когда обгоревшего гарда уже заводили во флайер. И увезли бы, если бы не Викки. Она появилась на балконе второго этажа и заявила, что спрыгнет вниз, если ей не вернут братика.

Браун на минуту замолчал. Очень серьезно взглянул в глаза Сандре:

— Она нас не особо испугала. Под балконом стоял наш Грег, я успел ему сказать: «Если спрыгнет — поймай!» А у Грега реакция уж как-нибудь получше нашей, он тоже гард, но из брусков. Выглядит не так внушительно, как шварцы, зато по скорости и мобильности обставит влегкую. Так что сама по себе угроза Викки меня не испугала. Тут в другом дело... понимаете, я видел ее лицо... Клянусь вам, это было не требование избалованной девчонки: «Если не купите игрушку — умру всем назло!» Видите ли, в ней моя кровь. А мы уж такой чертов род... простите, мисс... что если всерьез чего-то хотим — будем добиваться, пока живы. Не примем неудачи. Голову разобьем — или пробьем ею стену. У меня, когда я был чуть постарше Викки, тоже было очень серьезное желание. Я тогда дважды убежал из дому — и все-таки добился своего. И я понял: ну, уедут полицейские, им-то все равно... а мне Викки что, на цепь сажать, чтоб не отправилась на поиски братика?

Сандра слушала очень внимательно, запоминая все, что относилось к будущей воспитаннице. Если Браун не преувеличивает, ей, Сандре, еще придется столкнуться с их милой фамильной чертой...

— И еще я заметил важную вещь: этот киборг, стоя лицом к флаеру, ухитрился повернуть голову и посмотреть на балкон, на Викки. Под приказом! Это, знаете ли, впечатляет... Словом, никто никого не увез и с балкона тоже никто не прыгнул. С полицейскими и гардистами, которым те все-таки успели сообщить о сбое, я разобрался быстро. Это здесь я живу под скромной фамилией Браун. А гардисты знали, с кем имеют дело. И понимали, что моя корпорация уж как-нибудь не беднее их занюханного «АванGARDa»...

Сандра и бровью не повела. Всем своим видом она старалась выразить как можно более одобрительное внимание и готовность немедленно приступить к работе. Идеальная воспитательница для вашей дочери, мистер Браун или как вас там, и даже не вздумайте думать иначе!

— Киборг остался у нас. У меня нет сомнений в его разумности. Я купил его у Мак-Роя — попробовал бы тот не продать! Викки назвала его Рэнди и ни на шаг не отходит от братика. Ожогов уже нет: мы пригласили хорошего мастера сделать ему пластику. Сейчас

дети играют в саду.

Внезапно Сандру пронзила резкая неприязнь к этому человеку, настолько беспечному, что оставляет своего ребенка наедине с неуправляемым киборгом. Сам-то он может доверять этому Рэнди, но рисковать дочерью!.. Ведь говорил же — «все равно что забавляться с гранатой без чеки»...

И вдруг ее словно кольнуло: дети! Он сказал «дети». Не дочь, не ребенок, а...

— Думаете, все уладилось? — продолжил Браун с мрачноватой усмешкой, лишь подчеркивающей серьезность тона. — Как бы не так! Все стало еще сложнее. Потому что у меня тоже появилось желание. Свое. Я уже сказал, что делают в нашей семье, если чего-то хотят. А я хочу сына. *Этого* сына — да-да, мисс Леман.

Его взгляд налился тяжестью:

— Ваше право — считать меня рехнувшимся фантазером. Но прошу не забывать, что за спиной этого рехнувшегося фантазера стоит некоторое количество миллиардов. Рэнди вызывает во мне сильное отцовское чувство. И я сделаю все, чтобы Рэндольф Браун — ну, пусть пока Браун — был официально, юридически признан человеком, моим сыном и одним из наследников. И он получит часть моего состояния — а если у человека есть хотя бы пара миллиардов, то кому какое дело, сидит ли у него в голове чип с какой-то программой? У меня есть уже два плана на этот счет, оба требуют хороших затрат, да мне плевать. Но в любом случае надо, чтобы мальчишка — а это мальчишка! — научился быть человеком. Это и будет вашей работой, мисс Леман.

Сандра онемела. Ей придется воспитывать и обучать киборга?! Да еще и киборга со сбоем, неуправляемого, в десять раз более опасного, чем любой маньяк с бензопилой?

Этот человек — сумасшедший...

Но он прав. Он — сумасшедший с миллиардами. Спорить с ним невыносимо. И разве Сандра после первого разговора с ним не сказала себе, что ради мамы и сестры будет заниматься хоть с бронежабой?

А сумасшедший с миллиардами сказал доброжелательно:

— Вероятно, мисс Леман, вы хотели бы взглянуть на ваших подопечных. Ко мне в кабинет сходятся изображения всех внутренних камер. Сейчас сделаю запрос...

И небрежно погрузил пальцы в виртуальную клавиатуру — и почти сразу воскликнул:

— Вот они, полюбуйте!

Разом изменился вид за окном. Исчез пруд, возникли яркие клумбы, окруженные высокими деревьями.

Сандра глянула на стакан в своей руке (как только не выронила на ковер!), аккуратно поставила его на подставку и подошла к окну.

В саду метрах в трех над клумбами на игровом гравикресле летала девочка в шортах и маечке. Рыжие волосы растрепались, щеки покраснелись, улыбка до ушей: девочка старалась поймать золотистую птичку.

А на земле с пультом в руке, управляя движениями птички, стоял... не человек, нет. Гард. Причем явный шварц, если судить по росту, ширине плеч и рельефной мускулатуре, отчетливо прорисовывающейся под тонкой футболкой. Будь он человеком, его бы приняли за культуриста или тяжелоатлета.

Мысли метались, словно золотая птичка в саду. Почему мистер Браун не сказал, что его киборг из шварцев? Почему Сандра сама об этом не подумала, сразу записав его в брюсы или джекки? Шварц — модель не новая, на Прозерпине таких как раз было больше всего. Брюсы

мельче, и хоть по тактико-техническим характеристикам шварцев и превосходят, но при этом не такие громоздкие и... пугающие? Почему мистер Браун не сказал?..

А это что-нибудь изменило бы? Нет? Ну так какие проблемы?

Никаких проблем!

Губы растянулись в привычной улыбке сами, на рефлекс. Дышать ровно. Смотреть. Улыбаться.

Тот, из зала ожидания № 2, тоже был шварцем... Ну и что с того? Это не станет проблемой. Не должно. Бронежаба, помнишь? Всё. Проехали.

Дышать. Улыбаться. Смотреть.

Это — твой ученик. тебе нужно его узнать. Рассмотреть. Запомнить. Изучить во всех подробностях. Тебе с ним работать.

Шварцу, что управлял хаотичными метаниями золотой птички, на вид было лет двадцать с небольшим. Темноволосый, накачанный. Синий спортивный костюм сидит в облип, словно вторая кожа. Лицо с крупными чертами, брови сдвинуты, выражение остается серьезным и сосредоточенным.

Типичное такое выражение гарда при исполнении...

— Все время старается быть под креслом, видите? — довольно сказал Браун. — Страхует. Он всегда ее страхует, хотя приказа никто не давал.

Игрушечная птичка метнулась к дереву и скрылась в кроне. Викки направила гравикресло туда же, но ветви мешали ей добраться до добычи. Киборг мгновенно вскарабкался на дерево и, вынырнув из листвы, протянул птичку Викки. Хоть он и выглядел массивным, но передвигался легко и стремительно.

И точно так же легко и стремительно мог бы не схватить птичку, а оторвать голову смеющейся рыжей девочке... без приказа... Раз он уже действует без приказов, то что его остановит?

Как раз в эту минуту Браун провел рукой сверху вниз по раме окна. «Картинка» приблизилась, увеличилась, и мисс Леман увидела прямо перед собой два лица. Девочка хохотала, наморщив веснушчатый нос. А киборг оставался серьезным...

Нет! Чуть шевельнулись, раздвигаясь, брови, что-то блеснуло в темных глазах, дрогнули уголки губ...

Улыбка? Нет, только тень ее, намек на улыбку. Но это было!

Только что Сандра видела, как улыбается Мэй Ли. Широко, приветливо... И при этом не оставляя ни малейших сомнений, что действует программа имитации личности.

Но то, что успела увидеть Сандра сейчас... Оно было другим. Совсем другим. Неуверенным, некрасивым, хрупким, длившимся долю секунды...

Оно было настоящим.

Сандра обернулась к мистеру Брауну:

— Благодарю вас, сэр. Я с удовольствием берусь за эту работу.

9 Знакомство

Сандра Леман

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Первый рабочий день. Утро

Над джунглями вставало солнце. В кронах деревьев просыпались птицы, пробовали свои утренние распевы. С пронзительными криками над головой Сандры пронеслись по ветвям испуганные обезьяны. Пахло утренней свежестью и чем-то сладким, гниловатым. Раздвигая высокую, тяжелую от росы траву, к водопою вышел тигр. Хозяин джунглей оглядел берег и неспешно спустился к воде — освежиться после удачной ночной охоты. Он прошел в двух шагах от Сандры, и та почувствовала острый запах хищного зверя.

В пение птиц вплелся восхищенный детский голосок:

— Ой, какой!.. Это Шер-Хан! Как в «Книге джунглей», помнишь?

Мягкий мужской баритон негромко ответил:

— Помню. Поправка. Шер-Хан был хромым.

— Не придирайся. Все равно Шер-Хан.

Словно услышав человеческие голоса, тигр поднял голову и грозно рявкнул.

Девочка взвизгнула. Сандра, стоя по пояс в перистом папоротнике, улыбнулась.

Мужской голос произнес поспешно и успокаивающе:

— Не бойся. Опасности нет. Это фильм.

— А я и не боюсь! — оскорбилась девочка.

— Ты держись за мой локоть. Очень сильно держись.

— Ты зануда... Видел, у Шер-Хана кровь на морде? Сожрал кого-то! Правда, круть?!

Тигр, успокоившись, опустил голову и принялся локать воду. Снова робко подали голоса обезьяны, притихшие было от грозного рявканья хищника.

— А давай попросим папу и слетаем туда? На Старую Землю! В Индию! Чтобы живьем!..

— Опасно. Агрессивные формы жизни.

— Да, к тиграм не пустят... — Девочку, похоже, это обстоятельство всерьез огорчило. — Туда только в кабинках для туристов. Я на Парадизе была в такой кабинке, они прозрачные...

Картина вокруг начала потихоньку меркнуть. Джунгли растаяли, открыв круглый кинозал и два кресла посередине, в которых сидели ребенок и киборг.

Завидев стоящую у порога Сандру, Викки вскочила:

— Ой!.. Вы мисс Леман, да? Я рада, что вы приехали. Вам тут понравится, вот увидите. Я Виктория, можно Викки... Но зачем же вы стояли? Вызвали бы себе кресло! — Она кивнула на пульт управления рядом с дверью.

— Здравствуй, Викки. Можешь называть меня Сандрой, — улыбнулась учительница, отметив, с какой уверенностью и непринужденностью девочка чувствует себя в роли гостеприимной хозяйки.

Викки обернулась к киборгу, который подошел и встал за ее плечом такой гранитной глыбой в образе человека (какой же он все-таки огромный!). Затем перевела взгляд на

Сандру — и в карих глазах блеснул вызов.

— А это Рэнди, — отчеканила она. — Это мой брат. Он был на войне, вот!

«И только посмей сказать про него что-нибудь плохое!» — считала подтекст Сандра и усмехнулась при мысли о том, что, кажется, при работе с этой парочкой труднее всего ей придется вовсе не с не подчиняющейся приказам боевой машиной...

Сандра перевела взгляд на киборга, стараясь не очень задирать голову. Хотелось отступить, хотя бы на шаг... и даже не для того, чтобы он перестал нависать, а просто чтобы не смотреть на него настолько уж снизу вверх...

Но Сандра не шагнула назад. Вместо этого она улыбнулась киборгу — той спокойной, отстраненной улыбкой, которой часто пользовалась во время уроков:

— Здравствуй, Рэнди. Уважаю фронтовиков.

— Здравствуйте, мисс Леман. — Голос киборга был нейтрально-вежлив, лицо безразлично-спокойное.

— А у вас есть дети, Сандра? — тут же вклинилась в разговор Викки.

Девчонка определенно привыкла, чтобы мир вращался вокруг нее. А может, и неплохо, что теперь у нее есть «брат».

— У меня нет детей, Викки. Но есть сестра Дейзи, твоя ровесница. — И тут же вновь переключила внимание на киборга. — Сколько тебе лет, Рэнди?

— Пять.

— А мне девять, — встряла «маленькая хозяйка большого дома», но Сандра, проигнорировав ее ответ, продолжала расспрашивать «братца»:

— Тебе нравится в «Зеленых холмах»?

— Да, мисс Леман.

Отвечает мгновенно, без паузы. Но это ни о чем не говорит, это же боевой гард! У них скорость обработки информации выше в сотни раз, если не в тысячи... Похоже, немного опасается незнакомых людей. Зажат. Немногословен. С девочкой во время фильма говорил куда свободнее. Что ж, с этим уже вполне можно работать...

— А я читаю братику вслух книжки! — не унималась Викки.

Сандра улыбнулась ей, но продолжила, обращаясь к киборгу:

— И какая книжка понравилась тебе больше всех, Рэнди?

— Страшная. Про Винни-Пуха.

Викки хихикнула.

— Страшная? — искренне удивилась Сандра, припоминая книгу. (Что там могло испугать боевого шварца, не слонопотамы же!) — Что там страшного, Рэнди?

Киборг помедлил с ответом:

— Уточнение формулировки. Не страшная. Тревожная.

— Почему тревожная? — А с речью у «братика» проблемы, причем серьезные. Или даже не с речью? Одни существительные и определения, никаких глаголов... Случайность? Или подсознательный отказ от активных действий?.. Впрочем, в чем бы ни была причина, речь придется развивать в первую очередь, без этого невозможна никакая социализация, не говоря уж об обучении...

Киборг ответил медленно, словно тщательно подбирая каждое слово:

— Викки сказала: «Это книжка про мальчика Кристофера Робина и его игрушки». Я знаю игрушки. У Викки много. В книжке игрушки разговаривали. Ходили в гости. Ели мед. Сами. Без приказа. Неуправляемые. Тревожно. За них. Кристофер Робин мог узнать

Активировать черный код. Самоликвидация. Винни-Пуху и Пятачку.

Сандра словно раздвоилась: молодая впечатлительная девушка едва не охнула, услышав жутковатую интерпретацию с детства любимой книжки, а холодный профессионал продолжал анализировать. Фразы короткие, простые. Единственная больше четырех слов — четкое повторение ранее услышанной конструкции, даже интонации Викки проскользнули... Ну, оно и понятно, все дети учатся именно так, сначала повторяя за старшими или более развитыми сверстниками... Личностные местоимения использует, это уже хорошо, значит, самоидентификация присутствует. Правда, обычные пятилетки якают непрерывно, а этот всего один раз... Низкая самооценка? Скрытность? Повышенная тревожность?.. Это у боевого-то киборга? Суперсовременной машины для убийств?!

— Я не хотел, — продолжил киборг. — Они добрые. И веселые. Кристофер Робин узнал. Никого не убил. Больше не боюсь. Хороший хозяин.

— Ты смешной! — покровительственно заявила Викки. — Зачем кому-то убивать свои игрушки?..

Из скрытых в углу динамиков поплыл низкий протяжный стереозвук — удар гонга.

— Ой, всех к обеду зовут!.. — вскинулась Викки. — Сандра, Рэнди, пойдемте скорее! Сегодня с нами обедает папа, а папа не любит, когда опаздывают к столу!

Она схватила учительницу за руку и потащила за собой.

Сандра подчинилась, со скрытой усмешкой подумав: «Хорошо, что эта своенравная юная леди считается хотя бы с отцом! Хотя немного, но проще будет... Но киборг-то, киборг! Вот уж такие рассуждения наверняка не предусмотрены никакой программой имитации личности!..»

10 Испорченный обед

Сандра Леман

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Первый рабочий день. Обед

Сандре все-таки удалось стряхнуть с рукава энергичную девочку, объяснив ей, что учительница хочет помыть руки перед едой.

В туалетной комнате девушка привела себя в порядок, махнула расческой по соломенным волосам, состроила насмешливую гримаску своему отражению. Отражение ответило тем же.

Курносый нос, короткая стрижка — да, Сандра выглядит куда моложе своих двадцати семи лет. Максимум тянет на двадцать один. Директор, помнится, возмущался: мол, мисс Леман выглядит несолидно для преподавательницы, просто неприемлемый вид, подрывает у учеников уважение к учительскому составу!.. А ученики постарше подбрасывали Сандре записочки с признаниями в любви. Это было не только трогательно, но и весьма полезно. В школе учились дети с разных ярусов. И когда приходилось спускаться вниз — скажем, в поисках школьника, который перестал приходить на занятия, — внизу учительницу сопровождали старшеклассники, бдительно заботясь о ее безопасности. Местная шпана, гроза своего сектора, верные рыцари мисс Леман... как-то они сейчас?.. Когда здесь все уладится с работой, войдет в привычное ежедневное русло, обязательно надо будет выбрать время и написать на Прозерпину...

Сандра тряхнула головой. Не о том она сейчас думает! Прозерпина осталась далеко, это

все в прошлом. А сейчас ей нужно поторопиться, раз уж здешний хозяин не любит, когда опаздывают к столу.

Она уже успела расспросить Мэй Ли о заведенных в доме порядках и знала, что обедать ей предстоит в малой столовой — вместе с, так сказать, «высшими эшелонами власти». В большой столовой едят охранники, работники и прислуга. Учительницу, стало быть, не причислили к прислуге — уже лестно, глубокое им за это мерси...

Хотя... дело тут, скорее всего, не в демократичности или вежливости мистера Брауна, а в его же сугубой рациональности. Он же успешный бизнесмен, и он не собирается спускать деньги в вентиляционную шахту. А приравнять столь дорого обошедшуюся учительницу к прислуге было бы вот именно такой бессмысленной тратой средств: маленькая мисс Браун, будучи истинной дочерью своего папы, вряд ли проникнется уважением к служанке и уж точно не станет ее слушаться...

* * *

— Прошу любить и жаловать, господа и дамы. Сандра Леман, новая учительница Виктории и Рэндольфа. Надеюсь, ей у нас понравится...

Ответом на слова мистера Брауна был негромкий приветственный гул: мол, рады знакомству, и любить будем, и жаловать...

— Это наш управляющий Шарль Нодье и его очаровательная супруга Филлис.

Шарль Нодье, кудрявый блондин с лицом мечтателя и фантазера, легко пожал Сандре руку. А та подумала, что выражение милой рассеянности и отрешенности от мира сего наверняка обманчиво. Вряд ли удержался бы симпатичный улыбчивый чудак на должности управляющего в богатой усадьбе. Во всяком случае, не у мистера Брауна точно!

Филлис Нодье, платиновая блондинка с кукольным личиком, прошебетала, что ей очень, очень, очень приятно познакомиться, она просто в восторге!..

— Вальтер Вайс, наш доктор, — продолжал Браун представлять тех, кто собрался на обед.

Доктор, грузный человек с седой стрижкой и с лицом печального доброго бульдога, сразу понравился Сандре. Ладонь его была мягкой, но сильной.

— Говард Крейн, начальник охраны.

Могучий мужчина лет сорока, с бритой головой и шрамом через щеку, сжал пальцы Сандры осторожно, словно боялся их сломать.

— Дороти Дженкинс, она руководит прислугой.

Шатенка средних лет тепло улыбнулась Сандре.

— Гай Честер, наш бог электроники, отвечает за компьютерную сеть.

Взъерошенный молодой человек, услышав свое имя, вздрогнул, словно только сейчас понял, где находится, и неловко кивнул.

— А со своими воспитанниками вы, полагаю, уже познакомились?.. Вот и хорошо. Прошу всех к столу.

* * *

Подсознательно Сандра ожидала, что обеденный стол миллиардера будет ломиться от деликатесов вроде икры рыбацера с Новой Астрахани или, например, желе из райскофрутти. Но еда оказалась простой, хотя и великолепно приготовленной. Очень вкусный суп из местных овощей, отбивное куриное филе в сухарях, несколько салатов и

творожный крем с ягодами на десерт. И ничего спиртного.

— Всё здешнее, — с удовольствием подчеркнул мистер Браун, — и только свежее. Эти куры еще утром кудахтали.

За столом никто не прислуживал обедающим — ни люди, ни дживсы. Большой круглый стол (узорная пластиковая поверхность которого имитировала кружевную скатерть) имел два внутренних концентрических поворотных кольца, на которых располагались кушанья, и каждый из сотрапезников сам накладывал себе еду на тарелку. Сандра незаметно поглядывала на то, как держались за столом другие: досадно было бы попасть впросак, хотя бы даже и в мелочах. Здесь не Прозерпина. На каждой планете — свои правила хорошего тона.

Удивило Сандру и то, что дети ели за одним столом со взрослыми.

Киборг держался за столом спокойно, со столовыми приборами управлялся уверенно. Впору было подумать, что для него скачали программу по этикету... Интересно, есть ли такие?.. Наверное, есть — для многих категорий дживсов уж точно... скажем, для высшей услуги. Определенно есть для сексуальных линейек... А что? Сандра читала, что такая киберподружка может сопровождать хозяина в ресторан, никто и не догадается, что она не человек... А для фло?.. Ну, может быть. Сиделка в престижном доме должна знать, чем ее подопечный может подавиться или порезаться... А вот для гардов-то зачем?.. Хотя... наверняка есть и для гардов, для линейки элитных телохранителей...

Как бы там ни было, подчиняясь закачанной программе этикета или с машинной точностью повторяя то, что наблюдал, шварц держался за столом с достоинством и невозмутимостью истинного аристократа. Или... киборга? А вот Викки вертелась на стуле, нетерпеливо выглядывала в окно, сердито отодвинула тарелку с супом. Быстро сжевала курятину, гарнир почти не тронула.

— Виктория, солнышко мое, — ласково сделал ей замечание сидевший рядом доктор, — ты зря не кушаешь суп, он ведь такой полезный...

Маленькая нахалка, повернув голову так, чтобы не видел отец, быстро показала доктору язык. Затем попробовала десерт, фыркнула и спрыгнула со стула.

— Рэнди, пошли к бассейну, в кораблики поиграем!

— А ну сядь! — рыкнул мистер Браун. — Дай брату нормально поесть!

Киборг под общими взглядами спокойно дожевал кусочек филе, обернулся к мистеру Брауну и благовоспитанно произнес:

— Спасибо, я сыт. Можно выйти из-за стола?

Мистер Браун с легкой досадой кивнул. Викки победно вздернула веснушчатый носик и за рукав потащила гарда из столовой.

Когда за ними закрылась дверь, мистер Браун сказал негромко:

— Вот паршивка! Лет через пятнадцать она устроит веселую жизнь нашему совету директоров!..

Но в голосе его при этом возмущения было куда меньше, чем гордости.

«А пока, для тренировки, она устроит веселую жизнь мне!..» — мрачно подумала Сандра.

И тут в тишине звякнула ложка, брошенная на стол доктором.

Все обернулись к Вайсу.

Доктор был бледен, губы его дрожали.

— Ричард! Я так больше не могу, я скажу!.. Я же пятнадцать лет твой домашний доктор,

я принимал Викторию, когда Люсиль рожала! Я тебе не чужой. И я не могу смотреть... как ты с девочкой... Да пойми же ты: он — боевая машина! И без тормозов! Кто знает, что придет в эти нелюдские мозги?.. Ты знаешь?.. Я знаю?.. Может быть, он вот сейчас убивает Викки!

Мистер Браун затвердел лицом. Смял в кулаке салфетку и ответил — очень ровным голосом, тяжело впечатывая каждое слово:

— Ты прав, Вальтер, ты мне не чужой. Ты не служащий, а друг. Поэтому тебе — и только тебе! — сойдет с рук то, чего я не позволю никому другому: оскорблять членов моей семьи.

Все окаменели. Сандра, оказавшаяся на «линии огня», с трудом подавила желание юркнуть под стол.

— Ричард, у тебя дочь! Ты за нее отвечаешь.

— Вальтер, у меня двое детей! Я отвечаю за обоих.

Мистер Браун отбросил скомканную салфетку, поднялся из-за стола, оттолкнув кресло, пожелал всем приятного аппетита и вышел из столовой. Сандре показалось, что даже шаги он впечатывает в наборный паркет точно так же ровно, размеренно и тяжело, как до этого — слова.

Все тихо и быстро закончили обед и без лишних слов разошлись. Лишь доктор не проглотил больше ни куска. Он сидел неподвижно, глядел перед собой, и в глазах его стояли слезы...

11 И никакой смородины!..

Сандра Леман

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Первый рабочий день. Вторая половина дня и вечер

Покинув малую столовую после столь скандально завершившегося обеда, Сандра хотела сразу же направиться на поиски своих подопечных — к бассейну. Но на веранде ее перехватила Филлис Нодье и принялась жизнерадостно щебетать:

— Ах, моя дорогая, я так рада, так рада, что вы приехали в усадьбу, мисс Леман — вы ведь позволите называть вас Сандрой? Конечно же, я для вас тоже Филлис, просто Филлис! Ведь нас тут с вами только две женщины, мы должны держаться друг друга, иначе нам будет так одиноко, так одиноко!

Сандра подумала, что даже за столом с ними сегодня сидела Дороти Дженкинс, не говоря уже о женщинах из числа прислуги. Но спорить с супругой управляющего не стала. Со своими инструкциями в чужую шахту не лезут.

А Филлис принялась довольно неуклюже, но жадно выпрашивать Сандру о ее прошлом. Сандра предусмотрительно не стала вдаваться в подробности. Она подозревала, что с этой назойливой куколкой разоткровенничаетесь — потом сорок раз об этом пожалеешь. Была у них в школе методистка с таким же милым голоском и сладкими манерами — первостатейная сплетница...

На всякий случай Сандра перешла в контракаку — поинтересовалась, давно ли сама Филлис живет в «Зеленых холмах». Оказалось, что недавно.

— Ах, мы с Шарлем только два месяца назад сыграли свадьбу, всего два месяца! И я здесь как в сказке, клянусь, как в сказке! — Филлис воздела ввысь свои ухоженные ручки — то ли из восхищения, то ли с целью показать безупречный маникюр. — Вот только этот ужасный киборг... Он же просто чудовищен! Как зыркнет своими гляделками, как скажет что-нибудь вроде: «Уточните запрос, миссис Нодье», — так у меня просто мороз по коже! Неужели вам рядом с ним не страшно, моя дорогая?

Сандра промолчала. Она не собиралась обсуждать своего воспитанника с посторонними... ну или пусть даже не совсем посторонними. Совместная трапеза, может, и сближает (как, видимо, решила Филлис), но это отнюдь не повод, чтобы откровенничать с этой настырной особой о Рэнди и Викки...

— А его костюм! — всплеснула руками Филлис. — Вы видели, моя дорогая, что на нем надето? Это же просто уму непостижимо! Просто неприлично!

Сандра честно восстановила в памяти одежду киборга. Вполне пристойный полуспортивный костюм. Ну да, облегающий, но такое вроде как сейчас даже модно...

— А что не так? Нормальный костюм, — пожалала она плечами. — Такие сейчас многие носят. Отлично на нем сидит. Удобный, наверное. Такая ткань не мнется, не портится от воды, не...

Сандра осеклась. В расширившихся глазах супруги управляющего она прочла, что ляпнула сейчас нечто кощунственное. И рухнула в глазах Филлис ниже подвала.

— Это же костюм от Фиорелли! — дрожащим то ли от негодования, то ли от

благоговения голосом произнесла Филлис. — Из последней коллекции! Мне и не выговорить, сколько он стоит! И надеть такое на... на... на *киборга!*

* * *

Вырвавшись из цепких ухоженных лапок Филлис, Сандра отправилась на поиски бассейна — и не сразу его нашла. Вилла могла поспорить размерами с большим поселком. Пожалуй, такая была бы впору любому из Ванделеров или Рокфеллеров!..

Пройдя мимо четырех ярких клумб с местными цветами, «пяточка» для неизвестной Сандре спортивной игры, вольера с голосистыми птицами и декоративного грота, увитого фиолетовыми лианами, а также мимо синего купола непонятого назначения и без единой двери, девушка выбрела к посадочной площадке для флаера — и поняла, что заблудилась.

Пришлось сдаться, позвать охранника (человека... ну, во всяком случае, буквы «А» на лацкане его форменного комбинезона не было) и спросить дорогу.

Охранник весьма любезно объяснил, что бассейн недалеко. «Во-он там, за деревьями, синий купол — видите, мисс?.. Это танцзал, он сейчас заперт, его открывают очень редко — только во время большого заезда гостей, а гости тут бывают нечасто... А вот за куполом, по вон ту сторону — сразу бассейн...»

Сандра поблагодарила, отложив в памяти информацию: «Зеленые холмы» — вилла не для бурной светской жизни. Уютное местечко. Дом...

То есть Викки не контактировала даже с теми детьми, которые — теоретически — могли бы приехать на виллу в гости. Ребенок в золотой клетке. Надо будет серьезно побеседовать об этом с мистером Брауном. Разумеется, позже, когда к слову «учительница» перестанут добавлять прилагательное «новая».

* * *

Бассейн был огромен, он сверкал лазорево-голубым светом так, что у Сандры на миг закружилась голова. К этому тоже придется привыкать: на Прозерпине никто и вообразить бы не смог такую массу чистой пресной воды. Окружен был бассейн кустарником с очень густой сине-зеленой листвой. Аккуратно подстриженные ветки изображали, должно быть, морские волны.

Два недавних флотоводца — девочка и киборг — сидели рядом на мраморном бортике. Сохли на солнышке. У их ног чуть покачивались на воде следы недавней морской баталии — опрокинутые парусные кораблики. Прекрасные модели, настоящие парусники, как на иллюстрациях к историческим книгам!

Сандра подошла к ним, села рядом, хотела начать разговор. Но несносная Викки опять ее опередила:

— А мне скоро купят кошку! Настоящую! Живую! Земную! Я их в кино видела, вот! А вы кошек видели?

Сандра насмотрелась на кошек на три жизни вперед. Эти зверьки на Прозерпине прижились и расплодились. Люди их не трогали, потому что кошки истребляли грызунков. Впрочем, жители нижних ярусов ели и грызунков, и кошек...

Но говорить об этом девочке, конечно, не стоило, поэтому Сандра ответила дипломатично:

— Приходилось видеть. А когда тебе ее купят?

— Теперь уже скоро! Я давно прошу, но папа говорил, что я маленькая, я ее затискаю и

замучаю. Что я без-от-ветствен-ная, вот! Но это раньше было! А теперь я большая! Так что теперь уже скоро!

Викки соскользнула в воду и легко, как рыбка, поплыла вдоль бортика.

Сандра мельком глянула на сидящего рядом киборга. То ли сидящим он выглядел не таким огромным, потому что не нависал, то ли сказался инцидент за столом, но эта неуправляемая машина для убийств пугала ее уже не так сильно, как при первой встрече. А может быть, Сандра просто начала привыкать?

Киборг смотрел на плывущую Викки. Упорно так смотрел. Будь он человеком, Сандра бы решила, что он просто не хочет встречаться с ней взглядами. Но он же гард!.. Возможно, у него сейчас просто работает режим телохранителя? Хотя он же неуправляемый, какой режим... Или режимы все же остаются? Сбоит только подчинение приказам? Как же мало она знает о киборгах...

Кажется, или он действительно сейчас напряжен куда сильнее, чем пока между ними сидела Викки? Когда такие мышцы, попробуй тут угадай, напрягся он или это обычное для него состояние... Он словно бы чуть отодвинулся — или ей показалось? Нет, вроде бы действительно, хотя и почти незаметно.

Внезапно у нее вырвалось:

— Рэнди, ты боишься меня?

Сказал бы ей кто-нибудь еще вчера, что она задаст этот вопрос боевому гарду, да еще и шварцу, этакому живому танку! Вот уж он удивится... если умеет.

Киборг не удивился. Ответил мягко:

— Не вас. Боюсь не сумею. Не понять. Не научиться правильно. Отец сказал: мисс Леман научит тебя главному. Тому, что ты должен знать в этой жизни.

Научить главному в жизни! Ничего себе запросы у этих Браунов!

Слово «отец» он произнес легко и без запинки, хотя Сандра по опыту работы с неполными семьями или усыновителями знала, как трудно и долго обычно дети в подобных семьях привыкают называть так чужого им дядю. Впрочем, Рэнди не человек, он киборг, и об этом нельзя забывать. Для него слово «отец» — просто слово. Оно записано в строке обращений к хозяину и за ним не стоят никакие воспоминания, никакие эмоции. Программное обозначение — как приказали, так и называет...

Голос на переходе к длинной и явно мистерабрауновской конструкции почти не изменился, это хорошо. Значит, не транслирует запись, а именно что повторяет, пусть и чужое, но — сам. Старается сам проговаривать. Как ребенок. Это хорошо, это ценно. Четкий показатель активного желания впитывать новое и применять его на практике. Хотя бы эту стену ломать не придется, уже радуется...

Гард меж тем продолжал:

— Отец сказал: учительница поможет тебе, мой мальчик, разобраться с тем, что тебе трудно понять.

Он вел разговор с Сандрой, но не отводил взгляда от Викки. И было понятно: если девочка случайно хлебнет воды и начнет тонуть, она даже не успеет испугаться. Киборг сразу окажется рядом и подхватит...

— А что тебе трудно понять, Рэнди?

И опять гард помедлил с ответом, то ли обдумывая вопрос, то ли составляя новые фразы из уже усвоенных слов:

— Трудное понятие «понарошку». Вчера были в саду. Викки сказала: «Это джунгли

Ириди, они кишат чудовищами, мы будем на них охотиться». Я просканировал. Отрапортовал: «Агрессивные формы жизни не обнаружены». Викки сказала: «Это же понарошку!»

Сандра не позволила себе улыбнуться. Даже мысленно. Хотя взгляд киборга следовал за девочкой, как приклеенный, это все-таки был киборг, а кое-что про них Сандра уже знала, спасибо глобалнету! Ему вовсе не обязательно смотреть на человека в упор, чтобы его видеть. Ему вообще для этого не обязательно смотреть на человека, даже боковым зрением. Он же ходячий детектор лжи! Легкое изменение гормонального фона — и все, доверие утрачено, контакт потерян. Так что никаких негативных мыслей, никаких внутренних иронизирований и усмешечек — только внимание, только открытость и желание помочь. Слово при работе с эмпами...

— Садовник резал ветки, — продолжал гард. — Викки сказала: «Джо, на том дереве сидит змеекраб!» Садовник взял ветку. Направил на дерево. Сказал: «Бабах! Змеекраб убит!» Викки сказала: «Какой ты меткий стрелок, Джо!» Я сказал: «На дереве не было змеекраба. Змеекраба нельзя убить веткой». Садовник сказал: «Это же понарошку!»

Стоп... Что это? Интонационная окрашенность? У киборга?..

Сейчас в голосе Рэнди определенно звучала обида, которую ему просто неоткуда было скопировать. Человеческая... нет, не просто человеческая, а детская такая обида. И это очень хорошо, что именно детская, потому что про киборгов мисс Леман знает только то, что успела краем глаза просмотреть в сети, а вот дети — совсем другое дело...

— Викки понимает. Садовник понимает. Отец понимает. Я не понимаю.

Другое дело, да? Ох, мисс Леман, нет ничего опаснее поспешных умозаключений.

«Понарошку»..

Понятие, знакомое любому малышу с ясельной группы. Как объяснить его тому, кто никогда в жизни не играл? Как объяснить это мальчику, знавшему только войну, только реальные боль и смерть — и объяснить так, чтобы дошло, чтобы он мог соотнести его со своим личным опытом? Боевым опытом... На примере фильмов, может быть? Он же наверняка смотрел здесь, в «Зеленых холмах», боевики. Там все палят друг в друга — однако при этом никто из актеров не гибнет...

Но Сандра не успела сказать ни слова: подплыла Викки, по лесенке вскарабкалась на бортик и сразу приказала:

— А теперь пойдём на поле для гольфа. Там смородина такая вкусная, у ограды!

Ну уж нет! Больше Сандра собой командовать не даст.

— Нет, Викки. Мы сейчас не пойдём на поле для гольфа. Тебе отец сбросил на комм расписание дня? Сейчас время занятий, и поэтому мы идем в учебный класс заниматься математикой. И никакой смородины!

Тем же вечером Сандра стала невольным (и никем не замеченным) свидетелем еще одного разговора, показавшегося ей не только крайне неприятным, но и весьма примечательным.

То ли новое место было тому виной, то ли сказалось общее перевозбуждение, но она никак не могла уснуть и решила прибегнуть к многократно испытанному действенному методу борьбы с бессонницей — обстоятельной прогулке на свежем воздухе. Тем более что теперь у нее появилась возможность прогуляться не по коридору вдоль длинного настенного

газона, именуемого в их секторе «парковой зоной», а по самому настоящему саду с самыми настоящими цветами, травой и даже деревьями. К тому же сегодня, во время поисков бассейна, она с садом уже неплохо ознакомилась. Надо думать, не заблудится даже в темноте.

Сандра уже выяснила, что от ее комнаты, расположенной на втором этаже и в самом краю правого крыла, до боковой лестницы намного ближе, чем до центральной, ведущей в парадный холл первого этажа, да и меньше шансов кого-либо случайно потревожить, а потому предпочла воспользоваться именно ею. И возвращаясь — тоже, когда в охотку пробежалась по извилистым садовым тропинкам, до одури надышалась ароматами ночных цветов, налюбовалась серебристыми струйками фонтана, насиделась на парковой скамейке возле пруда, слегка продрогла и начала безудержно зевать...

Сказка! Настоящая сказка — что днем, что ночью!.. Сандра догадывалась, что сегодня ей будут сниться удивительные сны. Хотя, конечно бы, лучше не видеть никаких сновидений, чтобы крепче выспаться и завтра быть готовой к любым сюрпризам, которые наверняка преподнесут ей многообещающие детишки мистера Брауна...

Голоса Сандра услышала, когда была уже на нижних ступеньках, — и замерла не потому, что хотела подслушивать, а просто не сразу поняв, откуда они доносятся, и побоявшись вклиниться в чужой разговор. Но почти сразу сообразила, что ошиблась, и дважды, — собеседники находились не впереди Сандры, выше по лестнице, а сбоку, за углом веранды. И был это вовсе не разговор, а самый настоящий выговор. Нотация о неподобающем поведении, с точки зрения жены управляющего особенно возмутительном и совершенно недопустимом в присутствии посторонних.

Филлис Нодье в свойственной ей назидательно-безапелляционной манере отчитывала доктора Вайса.

Доктор был добрым и искренним, и уж никак он не заслуживал подобной выволочки, тем более от нахалки, которая годилась ему в дочери. Он нравился Сандре, и девушка совсем уже собралась вмешаться, и даже первый шаг в сторону угла сделать успела (в конце концов, уронить себя в глазах жены управляющего еще сильнее ей уже не грозило, так чего стесняться и мелочиться?), когда выяснилось, что ее вмешательства вовсе не требуется.

Вальтер Вайс, оказывается, умел быть не только добрым и улыбочивым или нервным и сентиментальным. И он не нуждался ни в чьей помощи, чтобы твердо поставить на место зарвавшуюся блондинку.

Обжигающе холодным тоном и с безукоризненно-вымораживающей вежливостью он посетовал на девичью память «миссис Нодье», которая, очевидно, совсем упустила из виду то обстоятельство, что в этом доме по определению нет и не может быть никого из категории «посторонний». И уж тем более не может считаться посторонним любой, допущенный мистером Брауном в ближний круг и приглашенный к совместной и, можно сказать, почти семейной трапезе. После чего, игнорируя попытки опешившей блондинки что-то возразить, доктор тем же ледяным тоном пожелал ей приятных снов и попросил позволения откланяться...

Поднимаясь на цыпочках по узкой лестнице и бесшумно закрывая дверь в свою комнату, Сандра улыбалась.

Значит, не только мистер Браун не считает ее тут посторонней. Милый доктор Вайс тоже принял новую учительницу своей обожаемой Викки. Лестно и весьма приятно... Только вот сентиментальный доктор немножко не в ладах с логикой: Рэнди-то мистер Браун

тоже в свой «ближний круг» принял, сыном назначил, куда уж ближе...

Или, с точки зрения доктора, киборги выходят за рамки любого круга?..

12 Будни

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Сандра Леман

Конец первой недели новой работы

Работа с настолько разными учениками оказалась действительно интересной. И действительно сложной.

Как и предполагала Сандра, главные проблемы создавала Викки, девочка избалованная, привыкшая к общему вниманию и с трудом переносящая запреты — кроме отцовских. Сандра сразу постаралась взять ее в ежовые рукавицы, понимая, что это единственный способ. Жесткий распорядок дня, никаких внеплановых прогулок и игр, строгая проверка домашнего задания, холодноватая доброжелательная вежливость. А на уроках больше внимания уделяла Рэнди. Это злило девочку, та явно ревновала, даже во взгляде читалось: мой братик, а не твой!

А вот с учебой, как ни странно, хлопот почти не было. Викки каждое задание воспринимала как вызов лично ей, не делала резкого деления предметов на любимые и нелюбимые. Сначала имела скверную привычку после удачно решенной задачи показывать учительнице язык: дескать, ты думала, я не справлюсь? Но Сандра каждый раз хихикала, а потом ласково извинялась: «Ох, прости, Викки, не хотела тебя дразнить, но у тебя такой уморительно нелепый вид с высунутым языком!» Подействовало. Викки озадачилась и гримасничать прекратила.

С Рэнди проблемы возникли тоже, но несколько другого характера.

Киборг был старателен, серьезен и послушен, но его речь... о, его речь! О, эти попытки если и не оперировать одними существительными, то хотя бы уложить все вокруг в связку существительного и глагола!

Поначалу Сандра бодро решила воспользоваться старинным методом Марии Монтессори — воздействие на речевые центры мозга путем развития мелкой моторики пальцев. Лепка из пластилина, вышивание, сборка игрушек из небольших деталей, плетение из шнурков. А тут как раз в игровой комнате Викки (настоящая сокровищница!) обнаружилась коробка с огромным паззлом, вот Сандра и предложила своему воспитаннику попробовать ее собрать.

Это было достойное зрелище! Рэнди вытряхнул содержимое коробки на широкий стол. В мгновение ока перевернул все кусочки вверх изображением. Стремительно рассортировал кусочки по цветам. И пошел их соединять — пальцы так и летали над столом! Не успела Сандра сообразить, что надо бы засечь время, как на столе уже переливался красками полностью собранный чуть ли не метровый постер модной в прошлом сезоне вирт-бродилки.

Викки хлопала в ладоши и приплясывала. Сандра похвалила Рэнди, осознавая свою ошибку. Да-а-а, хорошо, что она не предложила вышивание! Перед мысленным взором сразу встал гард, со скоростью швейной машинки творящий гобелен.

Рэнди не человек. Он киборг. И подход к нему нужен соответственный. С мелкой моторикой у него все в идеальном порядке. А речь... с ней проблемы в другом.

Если Рэнди повторял чью-нибудь фразу, он слово в слово произносил длинное предложение, даже копировал чужие интонации. Перестав подчиняться приказам, он и архивные базы чистить перестал, наверняка сохраняя там все, что могло пригодиться. И пользуясь этим, сохраненным. Полфразы отсюда, полторы оттуда...

А вот создать собственное речевое сообщение ему было гораздо сложнее.

Когда фантазерка Викки опять затевала игру «в джунгли», киборг мгновенно откликнулся своим «агрессивные формы жизни не обнаружены». И другие словосочетания «от программы» произносил без запинки. Может быть, даже и не сам произносил, а просто программно реагировал, на одном встроенном чипе, без осмысления, кто их, этих киборгов, знает. А вот фразы, не предусмотренные программой, Рэнди практически всегда обдумывал, полторы-две секунды, совсем крохотная заминка для человека, но просто огромный промежуток времени для боевого киборга.

Сандра начала тренировать «мозговую речь». «Что в руках у Викки?.. Да, цветок, а какой?.. А какого цвета?.. А какого размера?.. Викки пробует приколоть его к волосам, потому что он... какой?.. Виктория, не подсказывай... Правильно, красивый!» Для киборга открылся мир прилагательных — и он с трудом осваивался в нем.

Еще одной сложной задачей была социализация воспитанников. Викки и Рэнди жили в золотой клетке, общаясь только с обитателями усадьбы. Конечно, они смотрели фильмы о большом мире вокруг, но этого было мало. Большую пользу принесли бы поездки в ближайший город, но это Браун запретил твердо. Он позволял лишь недолгие прогулки на флаере по красивым ненаселенным местам (благо таковых на Шире хватало), да и то редко.

Поэтому Сандра решила с помощью кукол разыгрывать бытовые сценки: в ресторане, в парикмахерской, в космопорту, в туристической поездке...

Кукол в игровой комнате обнаружилось великое множество. На взгляд Сандры, игрушек у Викки вообще было слишком много. Судя по всему, они девочке очень быстро надоедали. Ухватится за новый отцовский подарок, повертит, позабавится — и забудет. И валяются по углам куклы, меняющие внешность, куклы с радиоуправлением, куклы с речевым блоком и сотнями фраз на все случаи жизни.

Иногда у Сандры возникало опасение, что Виктория и «братика» воспринимает как новую игрушку — сложную, интересную. Что будет, когда Викки с нею наиграется? Да, Браун не бросит приемного сына, но...

Эти мысли были тяжелыми, тревожными. Казалось бы, какое дело Сандре до киборга? Но она уже не могла воспринимать его как вещь — этого сдержанного, молчаливого, вежливого громилу (а по сути — ребенка), который с одинаковой серьезностью относился и к урокам, и к играм.

Первое время Сандру царапала мысль о том, что во время войны ее тихий и послушный ученик убивал людей. Вспоминались страшные кадры военных хроник. Однажды она не выдержала и спросила:

— Рэнди, кем ты был на войне? В каких войсках... был приписан?

Фраза получилась немного неуклюжей: Сандра чуть было не спросила, где он служил.

Она уже привыкла, что перед ответами на те вопросы, на которые в архиве не находилось готовых конструкций, гард делал небольшую паузу. Вот и сейчас пауза была почти незаметной, но все же была. И радовала. Значит, не берет готовое, значит, конструирует сам. Без давления, по собственной воле. Не ученик, а просто мечта преподавателя!

— Обоз, — сказал наконец киборг с какой-то странной интонацией (опять интонационная окраска! Отлично. Понять бы только еще — какая...). — Называлось подразделение. Люди — обозники. Их называли.

Нахмурился. И, помешкав, уточнил:

— Смеялись.

Эмоциональная окраска, похоже, была недоумением. Он и сейчас не понимал, почему смеялись те военные.

Но Сандра-то тоже хороша, навоображала себе разных ужасов! Ее ученик на войне был среди каких-то снабженцев или транспортников, над которыми потешались другие солдаты. Подумаешь, смеялись! Вот и хорошо, вот и пусть смеются, вот и не надо учительницам-паникершам придумывать всякие ужасы, которых вовсе и не существовало.

* * *

Усмехнувшись, Сандра отогнала воспоминания и вернулась к очередному представлению домашнего кукольного театра.

Рэнди, стоя на коленях рядом с сидящей на полу Викки, помогал ей расставлять игрушечную мебель. Сейчас это был концертный зал на курорте.

— Отлично! — оценила Сандра декорации. — Выбирайте, кто кого играет.

Викки, деловито оглядевшись, с решительным видом ухватила небольшую куколку с диадемой на золотых кудрях.

— Сильмарианец! — сказал Рэнди, беря фигурку эльфийского лучника.

Повторение пройденного? Сандра уже рассказывала воспитанникам про различные расы — и как раз вчера речь шла о сильмарианцах. («И запомните: никогда не просите их объяснить что-нибудь более простыми словами, иначе вы успеете состариться прежде, чем они закончат с введением!»)

Сильмарианец и принцесса учтиво поздоровались и завели беседу о погоде. Для представителя своего вида сильмарианец был на редкость немногословен и на монологи принцессы отвечал «да» или «нет». После возмущенного восклицания Викки: «У тебя ученый неправильный!» — эльф сменил свои реплики на «научно» и «не научно».

Идея пришла в голову неожиданно, но показалась удачной. Сандра отступила к стоящему в углу военному звездолету, вокруг которого выстроилась пластиковая команда, и взяла две фигурки с бластерами наперевес.

И вот на пороге концертного зала возникли двое вооруженных мужчин. Грозный голос учительницы прогремел сверху:

— Ни с места! Это налет! Всем лечь на пол!..

Договорить она не успела: эльф выбил у нее из пальцев обоих «налетчиков». Фигурки разлетелись по комнате.

— Неправильно, Рэнди! — вздохнула Сандра. — Ты же не киборг, ты интеллигентный ученый с высокоразвитой планеты. Ученый нарвался бы на плазму при первом же резком движении. Лучше лечь на пол, чтобы негодяи не начали стрелять. Давайте попробуем еще раз.

Налетчики вбежали, заорали. Курортники понятливо залегли.

— Смотри-ка, принцесса! — гнусным голосом сказал один из налетчиков. — Давай увезем ее с собой и потребуем выкуп в миллион!

— А я буду царапаться и кусаться! — азартно заявила Викки.

— Неправильно! — не выдержал Рэнди, который редко критиковал сестренку.

— Конечно неправильно, — кивнула Сандра. — Они вооруженные и сильные. Любой из них кулаком может разбить принцессе лицо. Но они не знают, что принцесса у нас умная и хитрая. И отлично умеет притворяться.

— Ой, дяденьки, я боюсь! — мило зашебетала сообразительная принцесса. — Вы же добрые, правда? Вы меня не обидите?

И добавила заговорщическим шепотом:

— А сама нажала на комме «Вызов полиции»! Вот! Он у меня на быстром наборе поставлен!

— Умница! — искренне восхитилась Сандра.

Среди вороха игрушек нашелся флаер с надписью «Полиция» на борту. Он тут же подлетел к курортному залу — и налетчики в два счета оказались «упакованы». Сандра еще раз напомнила, что при перестрелке мирным гражданам лучше не вставать, не соваться под выстрел и не мешать полиции делать свою работу.

На этом можно было бы и закончить. Но Викки возбужденно сверкала глазами — явно разыграет на пару с братиком налет безо всяких кукол, только отвернись. Требовалось срочно переключить ее внимание на что-то мирное. И тут взгляд Сандры зацепился за коробку в углу. Ее, похоже, до сих пор не распаковывали.

Вытащив коробку из-под сидящего на ней дракона, Сандра прочла надпись на боку: «Счастливая ферма». Вынула наугад розовую фигурку свинки. Деревянная, что ли? Набор не привозной, сделан в соседнем городе. Да, среди сложных современных устройств смотрится простовато...

— Это мне няня подарила, — пояснила Викки. — Миссис Уэстли.

Как ни странно, дешевенький набор пробудил в Викки интерес, и они вдвоем с Рэнди проворно расставили на полу домики, ограды, деревья.

— Это что?

— Дождевальная установка. Полив. Сюда. На огород.

— Ага, поняла. А это корова, да? Милая какая... Она будет пастись? Где?

— Вот тут. Загон. Для крупного рогатого скота.

— Ой, ей тут тесно. Вот, смотри. Она повалила ограду и пошла гулять.

— За это бьют. Шлангом, — спокойно уточнил Рэнди.

— Корову? Такую милую? Да как же можно ее бить...

— Не корову. Меня.

— Тебя?! — Викки попыталась засмеяться, явно поначалу сочтя слова киборга какой-то странной шуткой и ожидая, что он засмеется тоже. Но Рэнди оставался абсолютно серьезным, и она осеклась. Спросила, все еще улыбаясь, но уже как-то неуверенно: — За что?

— Не уследил.

Рэнди чуть наморщил лоб, взгляд его стал растерянным и встревоженным. Но волновало его явно не воспоминание, к нему он как раз отнесся совершенно спокойно и даже буднично, как к чему-то абсолютно естественному. Его беспокоила реакция Викки, которую он не понимал.

— Кто?! — Викки это почти рывкнула. Маленькие кулачки яростно сжались, глаза метали молнии.

— Хозяин, — быстро сказал Рэнди таким тоном, словно это должно было Викки все

объяснить и успокоить. Но на всякий случай поторопился добавить: — Мак-Рой. Он имел право. Он хозяин. Все в порядке.

— Тебя?! Шлангом?!

В карих глазах вскипели яростные слезы. Викки мотнула головой, смаргивая и оскаливаясь. Сандра не успела вмешаться: Рэнди кинулся утешать сестру со всей деликатностью боевого гарда:

— Не плачь. Шлангом — не страшно. Синяки. Система быстро восстанавливается. Велосипедной цепью — плохо. Хуже всего — тросом. Колючий. Рвет кожу. А шлангом — не страшно...

Он не закончил свою успокоительную речь. Расплакавшись, Викки бросилась его обнимать. Киборг замер, явно боясь пошевелиться. Через плечо девочки бросил на Сандру затравленный взгляд.

— Я этому Мак-Рою!.. — рычала Викки, давясь слезами и обеими руками вцепившись в живую машину-убийцу. — Я ему такое... такое еще устрою...

Сандра с трудом успокоила девочку, сделав для себя заметку: в ближайшее время следить за нею в оба глаза. Как бы не сбежала из усадьбы — мстить соседу...

13 Новая училка

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Виктория Браун

Конец первой недели учебы

Что ж, новая училка кое за что заслужила плюсики. То, что она бегаёт по ночам, оцениваем на отлично. То, что не шарахается от Рэнди — на отлично с похвалой.

Новый материал объясняет толково. Тут тоже плюсики. Учится Викки с удовольствием, потому что понимает, зачем это нужно. Папочка однажды сказал: учеба — это знания, а знания — это инвестиции в будущее. Хорошо сказал! Про инвестиции Викки все понимает.

Хуже другое: училка отвлекает внимание Рэнди от Викки. Нет, понять-то можно: Рэнди маленький, ему всего пять лет, ему надо догонять Викки. Но как-то обидно слышать, как братик говорит своим красивым голосом: «Да, мисс Леман... Хорошо, мисс Леман...»

А самое досадное: Викки никак не может понять, где у новой училки кнопка! Ведь есть же, как у всех, должна быть! Вот только — не на виду...

Ничего. Викки упорная, Викки эту кнопку найдет...

У большинства людей есть близкие. Родня. И некоторые за эту самую родню крепко держатся. Может быть, зайти с этой стороны?

Викки подслушала разговор Сандры с ее сестрой Дейзи... Да-да, подслушала, информации много не бывает. Но не весь разговор, лишь самый его конец. Но стало интересно. Пришлось идти к мистеру Честеру, просить поделиться результатами прослушки — он наверняка пишет все, он же самый главный по компьютерной безопасности!

Мистер Честер потрепыхался, но согласился: Викки давно уже нашла его кнопку. Главное, давить осторожно и не слишком часто. И никогда не требовать ничего, что могло бы причинить вред папочке. Викки хоть и не пробовала это делать, но понимает: тут сисадмин будет тверд, словно брандмауэр галактобанка. Папочка умный, он не взял бы на эту должность человека, которым совсем уж могли бы вертеть всякие девочки... Ну так Викки папочке вреда и не хочет! Наоборот!

А запись разговора — это так... пустяк... Да и не оказалось там ничего любопытного. Училка соскучилась по своим, ждет выходного дня...

Еще бы она не ждала! Она же поедет на выходной в Понивилл! Как бы хотела Викки тоже поехать в город, просто походить по улицам... посмотреть на детей: что они делают, о чем разговаривают, во что играют? Да и просто на людей взглянуть. Ведь тех, кто работает на вилле, Викки уже наизусть выучила, а тут другие, новые лица...

Словом, из разговора Викки почти ничего не извлекла. Кроме одного: чувствуется, что училка любит сестру. По голосу заметно, не по словам даже. И всё. Но и это имеет смысл запомнить: Сандра Леман любит сестру. И, кажется, маму тоже. Уж очень тепло передала маме привет. Тоже следует учесть. Пригодится.

Заодно Викки напомнила сисадмину про другое его обещание. Он помялся, но согласился поторопиться. Сказал, что сделает все прямо завтра.

15. Тревога

Шир, Второй Экваториальный округ, водопад в пятнадцати милях к северо-востоку от усадьбы «Зеленые холмы»

Сандра Леман

Начало второй недели новой работы

Так и шли день за днем, и работа казалась Сандре Леман всё привычнее — и в то же время всё интереснее. Всеми мыслями она была с новыми... да какими уже новыми!.. учениками. И так продолжалось до тех пор, пока однажды судьба не преподнесла девушке горький и опасный сюрприз.

А ведь начался этот день прекрасно — с экскурсии к Радужному водопаду. Место исключительной красоты, региональные власти стараются разрекламировать его для туристов. Наверное, у властей это получится, потому что красотища же несказанная!

В первый прилет сюда Сандра нащелкала голографий (да таких, что хоть в глобалнет выкладывай!), скинула их на комм маме и размечталась: надо бы в ближайший выходной свозить сюда семью. А выходной, кстати, уже через шесть дней, всего-навсего, и невероятно радостно думать об этом, любуясь на водопад и предвкушая удовольствие, которое она разделит с семьей...

Сейчас Сандра уже почти привыкла к этому дивному пейзажу. Расположилась себе на краю невысокого обрывчика, глядела, как Викки с визгом носится по мелководью, поднимая веер брызг и распугивая мелких безобидных крылатых лягушек, а киборг сидит на песке и следует за ней взглядом.

Надо будет напомнить Дейзи про золотистых птиц с черными хохолками — с каким восхищением девочка разглядывала их на рекламных стереографиях там, на Прозерпине!.. Один раз даже усомнилась в том, что такие красавицы существуют на самом деле — мол, их придумывали, чтобы заманивать туристов на Шир! Вот через шесть дней и увидит, они тут всегда бывают. Вот и сейчас две птицы сидят над Сандрой на ветке и караулят. Если беспечная лягушка поднимется на прозрачных крылышках слишком высоко и не успеет плюхнуться в воду, ее перехватят на лету...

А неплохо бы искупаться, ведь и купальник с собой, догадалась прихватить...

Но эта мысль скользнула уже по краешку сознания, ее (как и воспоминания про Дейзи) отодвинули более серьезные размышления — и притушили радость.

Сандру грызли подозрения. Она упорно сопоставляла два события, вроде бы никак между собою не связанные.

Сегодня за завтраком Филлис Нодье, упоенно собиравшая окрестные сплетни, рассказала, хихикая, о том, что вчерашний день здешние фермеры уже успели окрестить «черным днем Мак-Роя».

Оказывается, вчера рано утром на ферму соседа нагрязнул грузовой флаер фирмы «Щедрая нива», привез полтонны органических удобрений — проще говоря, навоз. Фермер в весьма грубой форме заявил, что навоз не заказывал, у него и своей скотины хватает — и он вам не какой-нибудь Ванделер или там Рокфеллер, чтобы зря расшвыриваться деньгами налево и направо... На это сотрудники «Щедрой нивы» ответили, что заказ принят с его,

Мак-Роя, домашней компьютерной системы, надлежащим образом подтвержден и оформлен. Так что пусть заказчик изволит забрать свою покупку, рассчитаться и не задерживать грузовоз.

Возможно, недоразумение быстро бы разъяснилось. Но Мак-Рой на потеху соседям учинил скандал, крыл последними словами и прилетевших к нему сотрудников, и всю их «Щедрую ниву». В итоге те разобиделись, призвали в свидетели любопытствующих соседей, вывалили навоз у ворот Мак-Роя и пригрозили судом, если тот не оплатит покупку.

Пока фермер, ругаясь с зеваками, разбирался с навозом, примчались два пожарных флаера, обнаружили полнейшее отсутствие возгорания и выписали Мак-Рою штраф за ложный вызов.

Фермер, едва не лопаюсь от злости, пытался разогнать «соболезнующих» зевак, но те упорно не расходились, любуясь на попавшего в передрагу неприятного типа и предчувствуя, что будет что-то еще... И оказались правы.

У ворот фермы приземлились еще два флаера. Один был набит видеокорреспондентами с их аппаратурой, а из второго выбрались четыре человека с плакатами «Браконьера — к суду!» и «Позор убийце!» На вопрос Мак-Роя, какого-растакого им надо на его земле, те четверо, оказавшиеся зоозащитниками, обвинили фермера в массовом истреблении редких золотистых лисохвостов, находящихся под охраной закона. Им, мол, анонимный доброжелатель прислал сообщение, подтвержденное голографией. И свирепая тетка-зоозащитница увеличила снимок, чтобы было видно и корреспондентам, и восхищенной толпе, как Мак-Рой, зверски ухмыляясь, стоит рядом с деревянной рамой, на которой распялены для просушки два десятка шкур лисохвостов...

Соседи уверены, что снимок этот — подделка, монтаж. Просто потому, что последнего лисохвоста в округе видели лет сорок назад. Где бы Мак-Рой их столько настрелял? Но свирепый фермер вместо разумных доводов учинил мордобой. Последним флаером, приземлившимся около злосчастной фермы, была полицейская машина. На разошедшегося Мак-Роя надели наручники и увезли так быстро, что он только успел попросить соседку загнать коров в стойло и включить автодойку...

Сочувствовать Мак-Рою Сандра Леман не собиралась. Но рассказ Филлис Нодье четко накладывался в ее памяти на недавнюю сценку: Викки рыдает на груди у брата: «Я этому Мак-Рою!.. Я ему такое... такое еще устрою...» А семейка псевдобраунов, судя по всему, слов на ветер не бросает...

И еще учительнице не давал покоя разговор, случайно подслушанный позавчера. Вернее, самый конец разговора. Она искала улизнувшую от занятий девочку — и нашла ее на веранде. Викки беседовала с Гаем Честером, здешним «богом электроники». До Сандры долетел обрывок фразы:

— Папа считает, что его сотрудники должны работать только на него, и мне бы очень не хотелось ему рассказывать, но если вы мне не поможете...

Тут Викки увидела учительницу — и расцвела в прелестной улыбке:

— Я иду, мисс Леман, уже иду! Я только попросила мистера Честера, чтобы он установил мне на планшет «Бамс-8», а то я сама скачала, но у меня краски какие-то блеклые и взрывы не бабахают...

«Бог электроники» сам имел вид какой-то блеклый и даже несколько прибабахнутый. Он неубедительно пообещал, что обязательно посмотрит планшет Викки и выяснит, что же там с игрой не так...

Угу. Вот прямо Сандра и поверила. Неужели Викки из-за такого пустяка угрожала бы о чем-то рассказать отцу?

«Папа считает, что его сотрудники должны работать только на него...» А не попробовал ли компьютерщик параллельно с работой на Брауна «левачить» на какую-то фирму? А не поймала ли его за этим неблаговидным делом милейшая Викки, которая так любит греть свои маленькие ушки и невинные глазки тем, что для них вовсе не предназначено? Поймала — и угрозами завербовала в союзники против Мак-Роя? И эта боевая парочка организовала соседу «черный день»?

Если так, то с мелкой шантажисткой и интриганкой надо срочно что-то делать...

Только вот что? Да и какие у Сандры доказательства? Викки будет стоять насмерть, отрицая все и глядя на учительницу чистыми карими глазами... Эти Брауны, как бы их там ни звали на самом деле, люди весьма опасные. В любом возрасте...

Сандра усмехнулась, легко спрыгнула вниз, на мягкий песок, и пошла к подопечным:

— Эй, народ, будем морс и бутерброды?

— Будем, будем! — кинулась к ней Викки. Рэнди тоже поднялся на ноги.

Тут-то и прозвучал сигнал вызова.

Над коммом возникло перепуганное, бледное лицо мамы:

— Доченька, беда!.. Дейзи не пришла из школы!

— Стоп, без паники! Ты уже была в полиции?

— Была! Они тут какие-то... Сандра, они смеются! Говорят: ребенок заигрался...

— Так... Ты не волнуйся, тебе нельзя волноваться...

— Да как же не волноваться... Пойду по соседним улицам... поищу...

Связь оборвалась.

Сандра вскинула руки к вискам, унимая панику.

Не волноваться. Хороший совет. Врачу: исцелися сам...

Да, тихая планета. Да, полицейские смеются над пропажей школьницы. Ребенок заигрался. Здесь, на Шире, это нормально, это в порядке вещей. Здесь это бывает. Здесь...

Может быть.

Спокойно, спокойно...

Но как успокоишься, если только в ее, Сандры Леман, классе за годы ее учительской практики четверых ребят похитили на донорские органы и в тайные бордели для педофилов?! Четверых! И это только те, которых Сандра знала сама...

Спокойно. Там была Прозерпина. Да и даже на Прозерпине похищали детей преимущественно из нижних ярусов. Здесь нет нижних ярусов. Здесь вообще нет ярусов! Это совсем другая планета. Мирная.

Мирная... На которой фермеры поджигают поле, чтобы избавиться от того, кто показался им опасным... А очень богатый и очень непростой человек почему-то не пускает свою дочь в город — и даже в сопровождении учительницы и боевого гарда...

— Ох, что же делать? — выдохнула вслух Сандра, ни к кому не обращаясь.

Ответила Викки — непривычно серьезная и собранная:

— Как — что делать? Лететь и разбираться на месте.

— Да-да, лететь... завезу вас домой, а потом...

— А потом вам придется получать разрешение на вылет, — напомнила Викки.

Увы, это было правдой. Браун жил словно в осажденной крепости. Каждый выход за пределы усадьбы должен был быть оформлен у начальника охраны и согласован с хозяином.

Заранее. Об этом Сандра прочла еще в договоре — мелким шрифтом, но вполне внятно и вразумительно. И потом ей дали расписаться еще в нескольких уточняющих инструкциях по технике безопасности...

— Папа когда прилетит? — спросила Викки у киборга.

— Вечером, — отозвался тот.

— Это что же — меня до вечера не выпустят? — с трудом дошло до Сандры.

— Могут не выпустить... Да чего тут думать-то? У нас же флаер, а до Пониленда пять минут лету!

— А вы? Куда я вас дену?

— А мы с вами. Во флаере посидим, мисс, куда денемся... А, Рэнди?

— Запрещено, — твердо откликнулся киборг.

— Вот, — тяжело вздохнула Сандра. — Запрещено!

— Слушай, ты сестра или кто?.. У тебя Дейзи пропала или зонтик потерялся?.. — Викки от волнения перешла «на ты». — Да если бы с моим Рэнди что-то плохое случилось, я бы тогда на другую планету пешком добежала!

— Девяносто пять процентов правды, — удивился гард. — Пешком? На другую планету?

Конечно, хитрая девчонка уговаривает Сандру не только из сочувствия. Определенно и сама хочет слетать в город, запретный плод сладок... Но все же... Дейзи! Может, как раз сейчас ей нужна помощь старшей сестры? Может быть, девочку надо спасти?..

Нет.

Это другая планета. Точка. Мирная планета. Тут не похищают детей. Вообще никого не похищают, тут такое не принято. И, если уж на то пошло, Сандра — педагог, отвечающий за двух других детей...

Сандра втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

— Я не могу взять вас в город без охраны. Нет.

Викки закусила губу и нахмурилась, но промолчала. Похоже, она исчерпала все аргументы, казавшиеся ей безотказными.

И тут неожиданно вмешался киборг:

— Сандра Леман — объект охраны. Виктория Браун — приоритетный объект охраны.

Нейтральным таким голосом, подчеркнуто механическим. Словно намекая... или действительно намекая?

А ведь и правда. Сандра уже привыкла воспринимать Рэнди как ребенка, ученика. А ведь их и к водопаду-то отпустили, потому что с ними гард, сам по себе вполне боевая единица...

Но куда важнее, что Рэнди впервые проявил инициативу! Вмешался в разговор по собственной воле, а не когда его спрашивают. Правда, спрятавшись за программу... но все же вмешался! Сам. Впервые. От такого ни в коем случае нельзя отмахнуться, такое нужно поощрять, это же азы педагогики...

Или это в ней сейчас говорит не педагог, а обезумевшая от тревоги сестра?

В конце концов, это же не Прозерпина, и что с ними может случиться в мирном городе на мирной планете?..

— Ладно... Но имейте в виду: вы оба будете сидеть во флаере и ни в коем случае, что бы ни произошло, оттуда не выйдете!

15 Проверка смелости

Шир, Второй Экваториальный округ, Пониленд

Сандра Леман

тот же день

— Я ничего не знаю, мисс... Мы гуляли после школы все вместе, а потом разошлись по домам...

— Врешь. — Голос Сандры был тих и страшен.

Этим голосом она однажды прекратила драку между отпетыми хулиганами с нижнего яруса, к которым даже прозерпинские полицейские опасались приближаться без электрошокера. Чем сильнее злилась Сандра Леман, тем тише она говорила — и все вокруг умолкали...

Вот и этот чистенький, аккуратный мальчик испугался. Вжался лопатками в забор у своего дома, словно надеялся, что родные стены придадут ему отваги.

— Мы просто ходили... немножко поиграли в «три змейки»... потом Дейзи рассказывала про свою планету... тоже немножко... потом мы ушли.

— Врешь, Стивен Лоррис. По глазам вижу. По голосу слышу.

— Мы... ой, ну мы немножко поссорились.

— Из-за чего?

— Ну... она это... хвасталась очень. Ее послушать, так все на той Прозерпине такие крутые. Мы начали ее дразнить. А потом ушли.

— Что вы ей сказали?

— Да ничего...

— Что. Вы. Ей. Сказали. — Голос Сандры был ровным, как у киборга. И таким же страшным.

— Ну... я сказал: мол, если ты такая крутая, то чего бы тебе на вон ту трубу не залезть? А потом мы ушли. Мы ее даже пальцем не тронули, честное слово! — Белобрысый Стивен задохнулся от волнения.

— На какую трубу?

— Ну, там завод комбикорма, да вы видели наверняка, за оврагом. Он не работает. Давно уже... Там дыра в заборе, мы туда играть...

— Где этот завод? Прыгай во флаер, покажешь дорогу!

— Но я еще не обедал... мама рассердится... — Серые глаза Стивена округлились.

— Ты не понял. Если тебе очень повезет, сегодня ты не станешь убийцей. В кабину. Быстро!

* * *

— Да что вы так переживаете, мисс! — робко говорил Стивен Лоррис, сидя рядом с Сандрой на переднем сиденье и глядя на бегущие под крылом улицы. — Вы же не думаете, что она и впрямь полезла на ту трубу! Да фигня же это! Никто бы не полез...

Мальчик положил руки себе на колени, выпрямился и сидел, как в классе. Словно ожидая, что его сейчас вызовут к доске — а он не знает ответа.

Викки притихла сзади. Киборг сидел рядом с нею, прямой, молчаливый, со стеклянным, пустым взором. Сандру трясло, но, к счастью, только внутри: вцепившиеся в штурвал руки не дрожали. Голос тоже был ровным и уверенным:

— А вот ей пришлось ползть. Вы не оставили ей выбора.

— Мисс! — протестующе взвыл Стивен, когда она заложила особенно крутой вираж, сворачивая к тому району, что в Пониленде гордо именовался промышленной окраиной. — Да вы бы видели эту трубу! Да на нее из наших — никто никогда...

— Никто никогда — из ваших!.. — Сандра подавила нервный смешок. — А Дейзи... Она родилась и выросла на Прозерпине. Она рассказывала вам о родной планете, да? Думаешь, сочиняла что-то ради красного словца? Нет. Это суровая планета, на которой слабые не выживают. Там ценятся сила и смелость. И там никому нельзя сказать: «Ты не сумеешь сделать то-то и то-то». Потому что человек пойдет это делать. Чтобы всем доказать: он может!.. Или сдохнуть.

Сандра бросила быстрый взгляд на сжавшегося в комок Стивена.

— Будь здесь такие же обычаи, как на Прозерпине... знаешь, что было бы? Дейзи полезла бы на эту трубу. И если бы осталась в живых — тебе пришлось бы безвылазно сидеть дома. Потому что на улице тебя били бы все встречные ровесники. Твои друзья, твоя компания — били бы тебя везде, где поймают. Тебя травили бы до тех пор, пока Дейзи не сказала бы: «Хватит!..»

— А... а если бы она не полезла? — не удержался Стивен.

— Тогда били бы ее...

* * *

Заводик они увидели издали, и у Сандры все внутри оборвалось. На торчащую над ним трубу и смотреть-то было страшно... но еще страшнее было увидеть внизу толпу народа. И в центре толпы — флаеры полиции и «скорой помощи»...

Сандра охнула и чуть ли не камнем бросила вниз свою скоростную машинку...

16 Не по программе

Шир, Второй Экваториальный округ, Пониленд

Сандра Леман

тот же день

Сандра распахнула дверцу, еще не успев приземлиться, и вылетела наружу. Взволнованный Стивен выскочил вместе с нею. Следом вылезли Викки и Рэнди. Что им вообще-то было запрещено обоим, но об этом Сандра подумала лишь мельком, потому что — вот она, Дейзи, живая, живая!

И вроде бы целая... ну, почти. Брюки в ржавчине, свитер разорван, руки ей перебинтовывает врач, вся толпа хором на нее орет — а она улыбается во всю свою круглую родную физиономию! Первым увидела Стивена, а не сестру. Замахала ему забинтованной рукой:

— Я долезла до самого верха!

Сандра растолкала всех на своем пути:

— Ах ты мелкая паршивка! Мама там с ума сходит...

— Вы ее родственница, мисс? — обернулся к Сандре полицейский, совсем молоденький и старательно компенсирующий недостаток возраста и солидности суровым выражением лица

— К сожалению, сестра.

Сандра постаралась улыбнуться ему как можно более мило и приветливо, но полицейский на улыбку не ответил. Лишь еще больше нахмурился и смерил Сандру подозрительным взглядом. Словно родственные отношения с нарушительницей общественного порядка превращают и Сандру в такую же преступницу.

— Мне пришлось снимать эту юную особу с самой верхушки трубы. Приготовьтесь к выплате штрафа.

— Мы заплатим, конечно, заплатим!

Улыбка Дейзи слегка подвыщела, во взгляде мелькнуло виноватое выражение: гордость гордостью, но штраф... штраф — штука порою ничуть не менее серьезная. Полицейский посопел, супя светлые бровки. Но, кажется, миролюбивое поведение Сандры его слегка смягчило.

— И знаете, мисс, — сказал он почти примирительно, — будь это моя сестра, я бы ее выпорол.

Сандра хищно оскалилась, рассматривая Дейзи много чего обещающим взглядом:

— Интересная идея, офицер. Я ее серьезно обдумую.

За всеми этими переглядываниями и переговорами Сандра не заметила, что Викки подошла к ним почти вплотную и теперь ревнивым взором рассматривает собравшуюся толпу.

Столько суеты — и вокруг кого? Вокруг какой-то девчонки, которая даже и пропасть-то толком не умеет! Смотрят на нее, словно она героиня какая! Это на Викки все так смотреть должны. а не на какую-то там... Хорошо бы мисс Леман ее действительно выпорола бы! Прямо тут. Все бы сразу поняли, что вовсе она и не героиня и не надо на нее так смотреть. И

этот мальчишка, которого Стивен зовут... Уставился, рот раскрыв, глаза восторженные.

Не то чтобы этот городской придурок был Викки интересен... вот еще не хватало! К тому же дурак, хоть и симпатичный. Нашел на кого пялиться! Подумаешь, на трубу она влезла... Викки бы тоже могла, если бы захотела. Подумаешь! Было бы о чем говорить!

— Да было б о чем говорить, чего там лезть-то? — довольно громко и вроде бы ни к кому не обращаясь, заявила Викки. — Скобы удобные, прямо ступеньки...

Дейзи не позволила себе огрызнуться: «Сама попробуй!» С великолепным презрением она проигнорировала слова незнакомой девчонки и сказала звонко, тоже словно бы ни к кому не обращаясь:

— А зато оттуда видно город прямо до ратуши!

Вот этого Викки уже вынести не смогла. Ее, Викторию Браун, в упор не замечают?

В два прыжка она оказалась у кирпичной стены и, подпрыгнув, уцепилась за нижнюю ступеньку пожарной лестницы, что вела на крышу...

К счастью, девочке не дали повторить подвиг Дейзи Леман. Не дали даже влезть на крышу, на которой красовалась тонкая высокая труба. Подскочивший Рэнди сдернул Викки с лестницы одним плавным и совершенно нечеловеческим движением и, крепко держа за плечи, рывкнул с интонациями Ричарда Брауна:

— Ты что вытворяешь, сумасшедшая девчонка?!

Показательно так метнулся, и захочешь — с человеком не перепутаешь. И рывкнул хоть и не своими словами, но громко. Сандра услышала. Молодой полицейский, после фиксации штрафа потерявший к Сандре интерес и теперь уговаривавший толпу зевак разойтись, — тоже. Обернулся. Нахмурился еще сильнее, оставил толпу и целеустремленно двинулся к новым нарушителям спокойствия.

Сандра ринулась следом, словно бы ненароком вклиниваясь между и улыбаясь полицейскому самой ослепительной из арсенала своих прозерпинских улыбок.

— Киборг? — спросил полицейский Сандру. Но взгляда при этом от Рэнди не отрывал. И взгляд этот Сандре очень не нравился.

— Да, офицер. — Запыхавшаяся Сандра продолжала сиять улыбкой в сторону полицейского, переключая на себя внимание, и одновременно пыталась прожечь строптивую подопечную взглядом. Получилось не очень.

— Ваш?

— Да, офицер! — Ну посмотри же ты на меня!

Полицейский по-прежнему смотрел на Рэнди. И рука его машинально уже тянулась к карману...

— Мэм, с вашим киборгом явно что-то не в порядке. Вы слышали, что он сказал девочке?

Викки перестала трепыхаться, поняв, что этот коп недоволен ее братиком. Предостерегающий взгляд Сандры она, конечно же, проигнорировала. И, конечно же, не поняла, почему вдруг замер Рэнди...

— Эй, сэр, — заявила она с вызовом, — да вы хоть знаете, с кем имеете дело? Вы знаете, кто мой папа?

Нет, она вовсе не была глупой, эта маленькая благополучная дочка богатенького папочки, привыкшая, что деньги решают все и, кроме папы, закона нет. Просто она никогда не жила на Прозерпине. И ни разу еще не попадала в ситуации, когда от умения вовремя промолчать зависит жизнь.

Иногда — не только твоя собственная...

— Нет, мисс, — с вежливой насмешкой ответил полицейский. — Но узнаю, когда ваш папа приедет в наш участок за своим киборгом. А мы тем временем его как следует протестируем. Во избежание.

Его рука скользнула в карман. Тот, где обычно копы хранят жетоны. Вытащит, вскинет, отдаст приказ о перехвате управления и...

— Ох, офицер! — пропела Сандра, добавив в голос чувственного придыхания и вцепившись в его запястье обеими руками.... ну как вцепившись? Вроде бы просто пальчики возложила, тонкие девичьи... Вроде бы и не держит совсем, вроде бы и не препятствует правосудию... А почему при этом полицейский никак не может выдернуть руку из кармана... ну кто же его, полицейского, знает? — Ох, офицер! Не надо, прошу вас! очень-очень вас прошу, пожалуйста!

Она цепко держала взглядом его глаза, изо всех сил отведя плечи назад, чтобы ее не слишком оптимистичные достоинства выглядели повнушительнее. «Да заметь же ты, дубина, что перед тобой хорошенькая синеглазая блондинка, которая из блузки выпрыгивает, чтобы произвести на тебя впечатление!»

Заметил. Моргнул. Чуть расслабился.

Ободренная Сандра продолжила умоляюще:

— Боюсь, офицер, что все из-за меня. Я воспитательница девочки, а этот шварц — наш охранник. И я надиктовала ему в память несколько речевых блоков, которые он должен воспроизводить этой непослушной барышне, если она ведет себя... нестандартно.

И, полуобернувшись, метнула на Викки свирепый взгляд. Хорошо, что та хотя бы сейчас поняла опасность и промолчала.

Рэнди стоял неподвижно, таким гранитным монументом, памятником самому себе. Глядел прямо перед собою. Глаза у него были совершенно стеклянные, лицо застыло кукольной маской, как и положено у правильного киборга. Вроде бы все нормально. Вроде бы как и должно быть...

Говорят, каждый хороший учитель со временем становится эмпатом. Хотя бы частично. Может быть. Сейчас, во всяком случае, Сандра кожей ощущала идущую от гарда волну ледящего ужаса и тоскливой обреченности. Он не просто выглядел памятником самому себе. он им был. Похоронив себя заранее. Не собираясь сопротивляться. Не собираясь... что? Нарушить обещание? Стать причиной неприятностей? Подставить?..

Полицейский колебался. Но уже не пытался выдернуть руку с жетоном из кармана (вот и правильно, вот и не надо, вот и хороший мальчик...).

— Если она балуется в бассейне, — продолжала щебетать Сандра, лаская полицейского горячим взглядом, — он говорит: «Викки, горе ты мое, вылезай немедленно...» Ну, понимаете, я устаю повторять такие вещи по сорок раз в день, а от его механических «не разрешено» у меня просто скулы сводит. Да и зачем тогда нужна техника, если она не облегчает нам жизнь, ну правда ведь, офицер? А так он в полном порядке! Мы за этим строго следим!

Обернувшись к Рэнди, она рявкнула командным голосом:

— Гард, отведи Викки во флаер и не давай ей из него и носа высовывать! Охранный режим повышенной активности!

— Слушаюсь, мисс Леман! — четко ответил киборг и повел девочку к флаеру. Той хватило ума не сопротивляться.

— Прошу вас, офицер... — Сандра добавила в голос еще порцию умоляющих ноток. — Если вы заберете хозяйское имущество в участок, меня могут уволить. Без рекомендаций! Вы же знаете, какие эти богачи! Девчонка, конечно, не сахар, но где я еще найду такую работу? Ну, пожа-а-алуйста! А с киборгом и правда все в полном порядке, ну вы же знаете этих богачей! Они на собственной безопасности помешаны. Они его каждый месяц тестируют!

И снова сжала его запястье. Так, самую чуть (и надеясь, что не оставит там синяков).

Губы полицейского тронула улыбка:

— Раз вы ручаетесь, мисс, что сами научили киборга этой фразе... про сумасшедшую девчонку...

— Ручаюсь-ручаюсь! Не сам же он ее придумал, право слово! А теперь насчет моей сестренки. Какой, вы сказали, нам светит штраф?..

Штраф оказался не таким большим, как поначалу опасалась Сандра. Конечно, по меркам Прозерпины просто чудовищным, и в первый момент она внутренне ахнула (снаружи продолжая ослепительно улыбаться), а потом сама же себя встряхнула за шкуру, тоже мысленно.

Соберись! Это в прошлой жизни такой штраф мог показаться неподъемной суммой, а тут... всего лишь двухнедельная зарплата. Не новые легкие, не домик с садиком...

Совсем уж смешно становится, если вспомнить, что сама Сандра живет на всем готовом (когда она заикнулась о размере вычетов за еду и проживание, на нее посмотрели так странно, что отпало малейшее желание затрагивать эту тему в дальнейшем).

И чувствуешь себя просто одной из Ванделеров, когда подумаешь, что за аренду мамино домика проплачено на год вперед и у мамы еще осталась почти половина из выданного мистером Брауном аванса.

Как, однако, быстро меняются понятия о ценностях... Хотя... почему меняется? Вот они, вечные ценности, зла на них не хватает, застыли на заднем сиденье, прижавшись друг к другу, и у обоих глаза как блюдца. Ладно Викки, она действительно жила в золотой клетке и ни разу серьезно не обжигалась, но уж Ренди-то, боевой гард, пусть и обозник, он-то должен понимать, чем чреваты нарушения приказов?! Впрочем, если их подразделение было чем-то вроде богадельни для разных оболтусов, куда нормальные командиры отправляли разный человеческий мусор. чтобы не путался под ногами у нормальных бойцов... Чему он там мог научиться? А все боевые программы ему стерли при списании, оставили лишь базовую прошивку... А она-то, дура, еще радовалась, что мальчик не убивал и вообще благополучно прошел мимо всех этих военных ужасов...

Ну да. Прошел. Мимо обязательности выполнения приказов мальчик, как выяснилось, прошел не менее благополучно.

У кого бы занять кусочек зла? А то Сандре его что-то катастрофически не хватает...

* * *

Когда Сандра преувеличенно аккуратным маневром (мы не лихачим, офицер, как вы могли такое даже подумать, мы соблюдаем все правила воздушного движения) выводила флаер в полетный коридор, она последний раз глянула вниз. На поредевшую толпу и молодого копа. Так, на всякий случай. Вдруг тот все еще проявляет служебный интерес?

И облегченно выдохнула сквозь зубы: интереса коп не проявлял, ни служебного, ни какого иного. Вообще. Стоял полубоком, вслед не смотрел, вцепился в какую-то новую жертву и полностью сосредоточился уже на ней: грозно нависал, размахивал руками и вроде

как даже угрожающе хватался то ли за жетон, то ли за кобуру.

Вот и славно. Тем более что новой жертвой полицейского оказался мужчина, вот и пусть решают свои мужские проблемы подальше от нее, Сандры. С нее и своих проблем хватит.

Которых, конечно же, нет.

Улыбаться. Держать марку... Ну и что, что никто не смотрит? Смотрят сидящие сзади дети, в зеркало заднего вида им отлично все...

На какой-то миг мужчина, на которого наступал молодой полицейский, показался Сандре смутно знакомым. Было что-то вроде бы узнаваемое, где-то она уже видела эту широкую спину, полувоенную стрижку и манеру поворачивать голову, чуть склоняя ее набок.

Мысль мелькнула и пропала.

Наверняка показалось.

интерлюдия

Шир, Второй Экваториальный округ, Пониленд

Граф Монте с Крита

тот же день

Мечь — это блюдо, которое подают холодным.

Он услышал эту фразу давно, еще когда был наивен, счастлив и верил в лучшее. И уже тогда восхитился ее правильности. Вот так, да.

Правильно. Мстить сгоряча нельзя, мечь не какао с зефирками. Только холодный расчет, только ледяная продуманность и кристальная выверенность намерений. Только так, и никак иначе. Иначе вся твоя бешеная ярость брызгами уйдет в песок, горячими солеными брызгами...

Хороший мститель не имеет права ни на что горячее, тем более на горячее сердце. У него вообще нет сердца. Только холодные руки и чистый разум. Только продуманность и умение выждать подходящий момент. Хороший мститель не имеет права даже на имя.

Он сам потерял свое в тот же день, когда обрел новую цель и ценность, новый смысл жизни: мечь.

В тот день он взял себе иное имя.

Граф Монте. С Крита.

Так, кажется, назывался тот остров, где родился первый в истории правильный мститель, выжидавший для осуществления своей мести чуть ли не тысячу лет. Имя — это то, на что правильный мститель теряет право в первую очередь. Так что пусть будет граф. Он отомстил. Он сумел. Значит, он — правильный. Его имя должно принести удачу и новому мстителю.

Дата рождения?

Тот самый день, когда его убили. В тот день он потерял право на прежнее имя и родился для мести. Тот самый день, когда лощеный зажавшийся мерзавец решил, что ему все дозволено. И убил человека, виновного в какой-то ерунде. Равнодушно, спокойно, ни на секунду не задумавшись.

Просто так! Ни за что!

Просто потому, что мог. Просто потому, что деньги решают все. Всегда!

И никто не заступится за уже считай что мертвого человека на планете, где этому

высокомерному гаду принадлежит всё и вся, от вроде бы муниципального космопорта до последнего дерьможора из фермерских компостных баков. Об этом не принято говорить вслух, но знают-то все. Шила правды не спрячешь в заднице!

Богатым все просто. Сломать чужую жизнь — раз плюнуть. Вот этот подонок и плюнул. Чего не плюнуть-то? Кто остановит? Правильно: никто. Он и сам не остановил. Не смог. Побоялся даже вякнуть против, не то что сопротивляться.

И умер.

Умер как человек — и родился как мститель.

В новом рождении все поменялось, в первую очередь ценности и приоритеты. Прежние достоинства оказались недостатками.

Он был верен этой лощенной богатой сволочи! Верен, как пес! И что получил в награду? Пинок сапогом в морду и сломанный хребет за первый же ошибочный гавк не в ту сторону... Ну да, с точки зрения этого гада все правильно: собаке собачья и смерть. Да и жизнь собачья, если на то пошло.

Больше он не будет собакой! Никогда!

А значит — никакой верности. Кроме верности новой цели: отомстить. Так, чтобы этот гад пожалел, что на свет родился. Чтобы сам ощутил, каково это: быть собакой. Чтобы ползал в пыли у ног и скулил, умоляя о прощении. Или хотя бы о пощаде.

Мечь — сладкое блюдо...

Интересный эффект, но он явно стал умнее сейчас, когда его убили. Высокомерная сволочь еще не понимает, какого зверя сотворил собственными руками из бывшего верного пса. Ничего, скоро поймет. И трижды пожалеет. Вдесятеро пожалеет! Только поздно будет.

Достать самого гада не получится, не стоит и пытаться. Мерзавец слишком осторожен, его охраняют не хуже Президента Галактической коалиции.

Что ж, граф Монте никогда не искал легких и прямых путей. Нормальные графы всегда идут в обход, особенно когда они с Крита. Там было еще что-то про лабиринт...

У подонка есть дочь.

И он эту дочь обожает. Носится, словно с принцессой. Все самое лучшее, самое дорогое, самое-самое...

Это удачно, что мерзавец так ее любит. Слабое место. И подобраться проще: она не такая осторожная. Родилась с золотой ложкой во рту и пока еще не обжигалась. Тоже удачно.

Такая же дрянь, кстати, как и папаша, только пока еще мелкая. Видел он, как она уже вертит домашними, с каким презрением смотрит, губку выпятив. Сучка. Мелкая избалованная сучка, которой с рождения можно все, просто потому что родилась в правильной семье. И станет только хуже, когда она вырастет, задатки-то все в папашу. И гены, опять же. И воспитание. Мелкая капризная сучка вырастет в матерую суку...

Не вырастет.

Для того и существуют графы-мстители, чтобы такие дряни не выростали и не портили жизнь другим.

Он знал, что слежка за семьей новой сучкиной учительницы даст результаты. Приятно получить подтверждение собственной прозорливости. Приятно не просто быть умным, а снова и снова убеждаться в этом. Семья. Для дикарей это всегда так важно. Граф-мститель

стоит выше семьи, но выходцам с планет четвертого мира этого не понять.

Единственное, чего он ну никак не ожидал, так это того, что слезка принесет результаты так рано. Что ж. Он оказался еще умнее, чем думал.

Раньше бы он сказал, что это греет. Но теперь его не грело ничего.

Он стоял в редющей толпе и смотрел на мелкую дрянью.

Убить легко.

Самонадеянная дрянь, она опять удрала почти без охраны. Что и требовалось доказать: тупая непуганая сучка, привыкшая к полной безнаказанности и прикрытию папиных денег. Скоро ее ожидает удивительная неожиданность: осознать, что папины деньги могут не все. Какая неприятность! Жаль, она так и не успеет ее заценить по-настоящему.

Подойти поближе, в толпе это несложно, а наглая пигалица всегда собирает вокруг себя толпу. Ногтем сдвинуть защитный кожух с отравленной иголки и царапнуть. Можно даже не вынимая руки из кармана.

Убить легко.

Потом возникнет суматоха, в которой точно так же легко будет и удрать. Все равно на Шире его больше ничто не держит, да и кому сдался этот Шир, когда вокруг целая вселенная?!

Он стоял и смотрел, как мелкая дрянь очаровывает всех вокруг. Снова. Она умеет. Поморгать глазками, подуть губки, улыбнуться, поиграть бровками... сюси-пуси, милая девочка...

Дрянь. Дрянь.

Богатая, зазнавшаяся, высокомерная дрянь, которой все дано по праву рождения. Убить ее легко, но это не будет мстью. Ее отец, конечно, расстроится, но не впадет в полное отчаянье, а тоже кинется мстить.

Нет.

Мы пойдем другим путем.

Мелкая дрянь будет убита. Но не сейчас. А после того, как ее папочка заплатит за нее выкуп. В тот момент, когда он уже решит, что снова победил, что снова все будет по его воле и желаниям, по его хотелкам. И вот тут... да, вот тут она и будет убита. Прямо на его глазах. Чтобы размазать с гарантией.

А пока — снова притворяться незаметным, доброжелательным, улыбчивым, все забывшим... почти живым, наплевавшим на то, что тебя убили и растоптали.

* * *

Тот, кто называл себя графом Монте с Крита, широко улыбнулся, поддакивая возбужденному полицейскому, и осторожно вынул руку из кармана, так и не тронув защитного колпачка.

Мсть — это блюдо, которое подают холодным.

17. Маленькая шантажистка

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Сандра Леман

тот же день

На обратном пути никто не произнес ни слова. Викки свернулась в комочек на заднем сиденье, положила голову на колени киборгу. Тот глядел в окно. Сандра старалась сосредоточиться на управлении. Если крепко вцепиться в штурвал, то можно даже саму себя убедить, что пальцы совсем не дрожат. А убедить хотя бы саму себя в этом очень важно, потому что для мисс Леман этот тяжелый день еще не закончен.

Вернувшись в усадьбу, Сандра отослала Рэнди под тем предлогом, что им с Викки надо переодеться к ужину. Она собиралась устроить девочке разнос — и не хотела, чтобы при этом присутствовал кто-то еще.

— Виктория, — начала она строго, — надеюсь, ты понимаешь, что вела себя возмутительно? Ты обещала не выходить из флаера, а вместо этого устроила нам дополнительные неприятности. Рэнди чуть не попал в полицейский участок из-за твоих... гимнастических выкрутасов!

Викки стояла перед ней, скромно опустив глаза в пол, вся такая скромная и осознавшая. Но почему-то Сандра не верила в ее раскаянье. И нарастала тревога, почти как недавно, перед заброшенным заводом.

— Ты понимаешь, что из-за тебя мы чуть не влипли? Не слышу ответа.

Викки подняла голову.

— Да, мисс Леман, — сказала она почтительно, только вот виноватую гримаску портил самодовольный блеск глаз. — Я понимаю. Я вела себя некрасиво. Обещаю, что в другой раз, когда вы возьмете меня в город, я буду очень-очень послушной.

— В другой раз? — Сандра моргнула. Нахмурилась. — Никакого «другого раза» не будет.

— Да? — Вот теперь Викки позволила себе ухмыльнуться почти в открытую. — А мне кажется, что вы еще много раз возьмете меня в город. Если, конечно, папа вас не уволит.

— Что ты имеешь в виду?

Стало вдруг холодно, словно где-то рядом включили техническую вентиляцию на продув... Впрочем, тут так не делают. Тут нет принудительной вентиляции...

— А он может уволить, — так же учтиво и твердо продолжила Викки. — Если узнает, что вы возили меня и Рэнди в город. И что Рэнди там чуть не забрали на проверку.

Вот теперь холодно стало и изнутри.

Это всегда страшно. Не увольнение, нет, хотя в нем тоже ничего веселого, но... Куда страшнее, когда вместо умненькой, развитой, пусть и не очень послушной, но доброй и милой девочки перед тобой вдруг оказывается чудовище.

— И откуда же он об этом узнает? — поинтересовалась Сандра. Очень спокойно так поинтересовалась, словно о чем-то совершенно незначущем. Разве что голос ее стал чуть тише, но Викки не почувствовала опасности. Она очаровательно улыбнулась, чувствуя себя победительницей:

— Мне бы очень не хотелось ему об этом говорить, мисс Леман...

Фраза заготовлена заранее. Она уже не в первый раз ее произносит. И вряд ли такая сцена обкатана только на компьютерщике Честере. Скольких обитателей усадьбы уже взяла в оборот эта перспективная девочка?

— Очень не хотелось бы? — еще тише сказала Сандра. — А придется!

Сандра ни разу не видела себя в такие моменты, обычно не до того было, чтобы заглядывать в зеркало. Но ей говорили, что глаза ее становятся совершенно жуткими, черносиними, словно перекаленная сталь.

Кажется. Викки успела вздрогнуть и отшатнуться... во всяком случае, попытаться.

Не успела.

Схватив девочку за шиворот, Сандра вытащила ее из комнаты в коридор. Ошарашенная Викки не сопротивлялась.

— Где хозяин? — тем же лютым шепотом спросила Сандра у идущей по коридору Мэй Ли.

Горничная-киборг даже бровью не повела, словно каждый день наблюдала подобные сцены.

— В своем кабинете, мисс Леман, — с поклоном ответила она, продолжая мило улыбаться, и указала на дверь.

Сандра потащила ученицу к этой двери.

Она отлично понимала, что делает: рушит сказку. Не только собственную карьеру. Не только для себя. В договоре, что она подписывала, был пункт — если Сандра Леман будет уволена, не проработав трех лет, ей придется возместить работодателю деньги, затраченные на операцию ее матери и переезд.

И, разумеется, никаких рекомендаций...

Нет, Сандра не вспоминала этот пункт дословно. Внутри словно заледенело что-то, огромная такая глыба, спокойная и монолитная. Заледеневшая, прозрачная, ясная... Отдельные мысли вспыхивают и гаснут искрами на острых гранях. Домик жалко... неважно. Назад не вернут, это главное. В школе, где учится Дейзи, наверняка требуется... кто-нибудь. Да хоть уборщица! Можно будет брать подработки. Выплачивать долг придется до старости. Неважно. Работа есть. Наверняка. Работа есть всегда. Просто не все и не всегда хотят ее работать. Грязная, тяжелая, противная... Тот же Мак-Рой... ему наверняка нужен помощник... или помощница. Жестокий самодур? Неважно. Сандра будет ему улыбаться фирменной прозерпинской улыбкой: «Никаких проблем, мистер Мак-Рой!»

Дверь кабинета она распахнула, не стучась. Плечом. Плевать.

Все это не важно.

Никакая цена не велика за то, чтобы не дать ребенку превратиться в монстра.

Мистер Браун, оторвавшись от экрана компьютера, с недоумением обернулся к возникшей на пороге паре.

— Ну? — тихо и жестко произнесла Сандра. — Что ты хотела рассказать отцу? Говори сейчас! Я не позволю тебе вырасти шантажисткой!

— В чем дело? — Брови мистера Брауна, поначалу было слегка приподнявшиеся, снова сдвинулись к переносице. Происходящее, похоже, вызвало его неодобрение уже заранее.

Но это тоже было не важно.

Викки вырвалась из хватки учительницы, подбежала к отцу, вцепилась в его рукав. И вдруг зарыдала — в голос, скандально, с подвываниями и огромными слезами... стараясь

при этом словно бы спрятаться за папу от нее, Сандры, и тыча в нее же обвиняющим пальчиком свободной руки... вот ведь паршивка!

— Па-а-апа! — рыдала мерзкая врушка. — Ты обещал! А она... Она!!! А ты! А я... я над собой что-нибудь сделаю! Вот!

— Так. Виктория... — Мистер Браун аккуратно отцепил дочь от своего рукава, поставил перед собой. — Отставить рыдания. Что случилось?

— Ты обещал! Что меня никто не обидит! Что я уже взрослая! Что со мной нельзя как с ребенком!

— Если не хочешь, чтобы с тобой обращались как с ребенком, то и веди себя соответственно. Стой прямо. Выражай претензии внятно. И по существу.

Мистер Браун протянул дочери салфетку.

Викки еще разок театрально всхлипнула, потеряла салфеткой уже совершенно сухие глаза и мстительно ткнула пальчиком в сторону застывшей у двери учительницы:

— Она! Она заставляет меня играть в куклы! Как маленькую! И учить сальмарианский! Скажи ей! Я больше не могу! Я не маленькая! А от эльфячьих удвоенных согласных меня тошнит!

И она снова вцепилась в его рукав и задышала быстро и угрожающе.

— Во-первых, не «ей», а «мисс Леман». — Браун с совершенно невозмутимым лицом второй раз аккуратно отцепил от своего рукава пальцы дочери. — Во-вторых, ты же знаешь, что сальмарианский — это моя идея! Когда ты вырастешь...

— Я не вырасту! Я умру от этих удвоенных согласных! Кому это надо, есть же автопереводчики! А она... а мисс Леман... как надсмотрщица, вот! Как в том кино про рабов!

— Виктория, немедленно прекрати! Мне неприятно, что ты начала ябедничать, что это за новости? За безобразное поведение ты на неделю остаешься без десерта... А вас, мисс Леман, я должен поблагодарить. Боюсь, я слегка избаловал дочь. Немного строгости ей, безусловно, не помешает. Полагаю, в порядке награды вам следует дать дополнительный выходной. Завтра... Нет, вы говорили, завтра у детей контрольная работа... Послезавтра возьмите флаер и слетайте провести семью.

Вот это поворот.

Ой, мисс Леман, стыдно-то как... Чудовище, значит, да? Как легко вы развешиваете ярлыки, тоже нашли монстра!

«Ты начала ябедничать», — сказал мистер Браун. Значит, Викки до сих пор ни на кого еще не донесла отцу. Вероятно, те, с кем она проделывала свои фокусы, ломались сразу и делали все, что требовала девочка. И ребенок принял на вооружение этот способ общения, не видя в нем ничего плохого. Как везде и во все времена делают дети, проверяя пределы дозволенного.

Девочка-то хорошая. И сообразительная. А что слегка избалованная, ну так это вполне исправимо.

А выходной — это очень своевременно. Надо спокойно разобраться с Дейзи. Объяснить ей, чем эта планета не похожа на Прозерпину...

18 Котенок без бантика

Шир, Второй Экваториальный округ, Пониленд

Стивен Лоррис

Стивен Лоррис любил подслушивать.

Нет, сам он называл это занятие иначе — прослушкой. Это звучало как нечто из историй про шпионов.

И не надо повторять ему, Стивену, старую поговорку: мол, не подслушивай — и не услышишь плохого о себе. Он и так ничего плохого не слышал. Взрослые считали его хорошим мальчиком, сверстники тоже не говорили ничего такого, что могло бы привести к ссоре... Словом, подслушивать — приятно и полезно.

А недавно Стивен услышал обрывок разговора двух учительниц. Очень интересный обрывок. Про Дейзи Леман.

Одна из учительниц, миссис Горюнова, сказала: мол, Дейзи — умненькая, развитая девочка. В учебе будет не из последних. Может быть, стоит ее нацелить на окружное соревнование школьников по астрономии и астрофизике. А вторая учительница, миссис Штраус, сказала: дескать, Дейзи — ребенок с иными культурными традициями. В школе она — как дикая кошка среди домашних котят с бантиками на шеях. А потому с нею наверняка будут сложности, но это не страшно, это корректируется...

Кто такие котята, Стивен знал. У Деллы Сергеевой есть кошка. И даже котята были. Делла хвасталась, что ее Пусси специально возили за котятами в четвертый округ, там живет кот такой же староперсидской породы... А потом Стивен и другие школьники напрашивались к Делле в гости — поглядеть на котят. И впрямь славные, пушистые такие. Делла не повязывала им бантики, но — почему бы и нет?..

Миссис Штраус права. Девчонки из их класса рядом с Дейзи — как раз такие домашние котята, только бантиков не хватает...

Конечно, к самому Стивену слова про бантик никак не подходят. Какой же он домашний котенок? Он не такой!

Но все-таки слова миссис Штраус запомнились... немножко царапались в душе... Может, поэтому Стивен и начал на вчерашней прогулке поддразнивать Дейзи. Может, поэтому и сказал, что ей не залезть на заводскую трубу. Хотелось убедиться, что Дейзи — такая же девчонка, как и все в их школе. Подумаешь, с другой планеты...

Молодец. Убедился...

Как же было страшно увидеть в окно снижающегося флаера толпу людей, машину полиции, машину медиков... Как зашумело в голове: разбилась... разбилась... разбилась...

Да, Дейзи — крутая. И как же хорошо, что не злопамятная! А ведь ее сегодня на перемене вызывали к директору. Вернулась, ничего не стала рассказывать, только махнула рукой и улыбнулась: мол, пустяки...

Школа разделилась пополам. Одни говорили — дура и самоубийца. Другие — героиня.

А Стивен молчал. Он знал больше остальных. Он помнил то, что старшая сестра Дейзи (та, со страшными глазами и тихим голосом) рассказывала о Прозерпине. И понимал, что Дейзи — не дура и не героиня. Просто он, Стивен, поставил девчонку в безвыходное положение. Ради дурацкой забавы она бы на трубу не полезла. Обязана была — по их, прозерпинским правилам игры. А жить, как на Шире живут, она еще не научилась.

А зла на Стивена она не затаила. Весело поприветствовала его утром, войдя в класс. А ведь на них все таранились: как, мол, эти двое встретятся после вчерашнего?

Нормально встретились. А когда Стивен сказал, что после школы им по пути домой,

согласилась пойти вместе с ним. Стивен постарается, чтобы они пошли вдвоем, без компании. Успеют еще набродиться вместе с друзьями по всему Пониленду, Дейзи же теперь своя...

Но именно сегодня Стивену надо поговорить с нею наедине. И придумать, обязательно придумать, чем ей доказать, что он, Стивен Лоррис, не домашний котенок с бантиком!

* * *

— Наш Пониленд, конечно, городок небольшой. Но тоже можно найти много интересного.

Они стояли у забора, за которым были садик и дом семьи Стивена. Всё разговаривали, не могли разойтись.

— Да? И что, например? — небрежно поинтересовалась Дейзи.

Носик задран вверх, в глазах ну совсем не заинтересованное выражение. А ведь Стивен три дня назад подслушал, как она сказала Марианне, что для нее и небо над головой — чудо. Их, мол, школьными экскурсиями возили на поверхность Прозерпины — поглядеть на небо.

Ужас какой — жить все время под землей...

Но он знает, чем удивить девочку.

— У нас есть Зоополис, — сказал Стивен гордо.

— Зверинец, что ли? На Прозерпине тоже есть, нас водили от школы для ознакомления с аборигенной фауной... — На последних словах Дейзи изменила голос и интонацию, явно подражая кому-то из бывших учителей. — Бесплатно поглядеть было интересно, а так — билеты дорогие. Да и фауна эта аборигенная по шахтам сама шляется. Грымзики бегают прямо под ногами, а один раз я видела скального крокодила, он на наш ярус вскарабкался. Соседи подняли пальбу, крокодил удрал.

Это был сильный удар, но Стивен не показал виду, что крепко задет. Ответил спокойно:

— Нет, не зверинец. Зоополис. К нам туристы ездят. Представляешь, большущий кусок земли огорожен, целый пригород. Там живут разные звери... аборигенные, да. Просто живут. Людей не боятся, потому что привыкли. Часть Зоополиса — туристические зоны, там можно загорать на лежаках, купаться или даже в костровой зоне развести небольшой огонь и приготовить пищу, как первые поселенцы. А животные бродят среди людей. Зацени, я загораю, а ко мне подошла тигровая газель и мордой в бок меня ткнула. Я маленький был, даже немного испугался. А мама дала ей морковку. Животных нельзя кормить чем попало, только тем, что специально продают у входа.

Вот теперь заинтересовалась, глаза заблестели. Но быстро отвела взгляд, поправила шляпку... ага, заметила уже, что в школе все девчонки носят шляпки от солнца, купила и себе такую. Ярко-красную. Ей к лицу. А еще вчера была без шляпки...

Стивен продолжил наступление:

— И птицы там летают стаями, и тоже людей не боятся. А когда купаешься в озере, тебя может ткнуть в бок речной дельфин. Они веселые...

— А хищных зверей там нет?

— Пока нет, но скоро будут. Немного. По видео передавали: строятся большие вольеры для хищных животных, скоро завезут. Сейчас на ремонт закрыто — вот как раз и строят. К ним людям будет нельзя заходить. Над вольерами будут прозрачные дорожки-трубы, по ним посетители будут ходить и сверху смотреть на хищников.

— А если вздумают обижать животных? Скажем, у птиц драть перья на сувениры?

— При входе дают подписку, что не будут делать животным ничего плохого. И чтоб не кормить их человеческой едой. Не знаю точно, что бывает за нарушение, но мама сказала, что мало не покажется... А везде маленькие видеокамеры. И служители ходят, присматривают.

— Дорогое удовольствие?

— Ну...

Удовольствие было дорогое. Хотелось небрежно сказать: вот скоро откроется, я тебя приглашаю! Но Стивен вовремя вспомнил, что надолго лишен карманных денег. Вчера вечером он рассказал маме о событии на старом заводе и о своей роли в нем. Честно. Хотя, по правде сказать, что ему оставалось? Мама все равно узнает, так лучше уж самому... Мама сказала, что оценила его искренность, поэтому меры будут приняты только экономические...

Поэтому Стивен сказал дипломатично:

— Мы с мамой, собственно, не платим, хотя и ходим туда часто. Мама говорит: мы не Ванделеры... Дядя Чарли, мамин брат, работает там оператором автокормушек. Он нас — через служебный вход... На днях водил меня посмотреть, какой вольер отгрохали для хищников. Пока еще пустой. И прозрачные дорожки не проложены.

Дейзи явно оценила полезные родственные связи Стивена:

— Ух ты! А нас с тобою он не проведет?

— Не сейчас... — вздохнул Стивен. Он вспомнил, как вечером мама звонила брату и рассказывала о приключении сына. А дядя ответил, что тут экономических мер мало, паршивцу надо уши оборвать...

— Жаль, — вздохнула Дейзи.

От ее вдоха у Стивена все внутри оборвалось. Он понял: вот подходящий момент, чтобы доказать: Стив Лоррис — не домашний котенок с бантиком!

— Там есть служебный вход. Маленькая калитка, ее никто не охраняет, только автоматика. А я видел, какой код набирает дядя Чарли. Пойдем?

И ведь улыбнулась же! Да не просто улыбнулась, а одобрительно! И с уважением! Но все же немного засомневалась:

— А видеокамеры?

— Когда мы с дядей последний раз ходили, он сказал, что камеры включаются только тогда, когда посетители приходят. А если нет посетителей, то зачем?

Оживилась:

— Пойдем! Только надо маме позвонить, что-нибудь успокоительное сказать. А то опять в полицию побежит...

— Скажи, что ты у Стивена Лорриса в шахматы играешь.

— А это что такое?

— Старинная игра, интересная, потом научу...

И тут шевельнулась одна из досок забора.

Как же мог Стивен забыть, что сам вытащил из этой доски нижний гвоздь, чтобы ее отодвигать и незаметно выбираться из сада, не через входную калитку...

И вот доска сдвинулась. В открывшемся треугольнике показалась сияющая физиономия Берни, младшего братишки:

— Класс! А меня возьмете?

Дейзи хихикнула.

Стивен побагровел и рявкнул:

— Бернад Лоррис Младший! Изволь немедленно удалиться, иначе я тебе задницу надеру!

Подслушивал! Опять подслушивал! И в кого только он, паршивец, таким уродился?..

19. Котята на дереве

Шир, Второй Экваториальный округ, Зоополис

Стивен Лоррис

следующий день после выхода Дейзи

— Ух ты... Посмотри, вон те, с краю... они же спихивают друг друга с ветки!

— Пойдем дальше, там еще пруд, за кустами. Там гуси настоящие, с Земли...

— Погоди, я еще не насмотрелась.

Стивен гордо усмехнулся. Наконец-то он хоть чем-то пронял эту независимую, немного высокомерную девочку. Он чувствовал себя так, словно сам спроектировал Зоополис и лично высадил здесь каждое дерево.

Жаль только, что рядом нет крупных животных. Ни тигровых антилоп, ни радужных птероящеров, ни прыгающих псевдокошек. Дело к вечеру, стада отошли от водопоя дальше, в степной сектор. А псевдокошки уже прячутся в скальных пещерках или под водопадом. Сюда надо днем ходить, вот тогда тут красота.

Но Дейзи залюбовалась стайкой хитиновых зябликов, облепивших чернодуб и скусывающих с ветвей желуди, и не обратила внимания на то, что здешнее зверье не устроило ей торжественную встречу.

— Из кустов не высовывайся, — по-хозяйски предупредил Стивен девочку, разводя перед нею гибкие ветви желтоцвета. — Могут заметить. Нам еще повезло, что в этом секторе ремонт уже закончили и вольер для хищников достроили. Но вдруг кто-то из рабочих все-таки пройдет... Давай кустами — к пруду, гусей смотреть.

— Гусей? — отлипла Дейзи от увлекательного зрелища. — Но это же... их же не бывает... Это такая древняя земная сказка: «Гуси-лебеди». Они еще воровали детей и относили в дом к старой колдунье-людоедке...

— Сказку не знаю, — хмыкнул Стивен, — и лебедей сроду не видал. А гусей фермеры вовсю разводят — на яйца и мясо...

Гуси девочку слегка разочаровали. Нет, они были красивые — иссиня-черные, четырехкрылые, с выгнутыми шеями, с алыми клювами, усеянными шипами. По внешнему виду они вполне тянули на дрессированных домашних питомцев злой колдуньи. Но, увы, были мелковаты. Вряд ли хоть один гусь смог бы поднять человеческого ребенка.

— А если они выродились? — предположила Дейзи. — Может, они в древности были крупнее?

— Может, — согласился Стивен. — А может, их на Шире с местной породой скрестили.

Один из гусей-не-лебедей, делая круги по воде, начал медленно приближаться к тому месту, где стояли Стивен и Дейзи.

Девочка покосилась на птицу и сказала ну совершенно равнодушным тоном:

— Что ты там говорил про вольер для хищников?

— Что там уже работы закончились. А за вольером — скала, там живут псевдокошки. В пещерах.

— Пошли посмотрим.

— Пошли. Они смешные такие, прыгучие, в чешуе. И умеют сворачиваться клубком. А голоса — как у настоящих кошек. Мяукают, мурлычут... Они уже забились в пещеры и легли спать, но оставили часового. Вот на него и посмотрим.

Осторожно, стараясь не качать верхушками кустов, Стивен и Дейзи двинулись к скале, возвышавшейся над зарослями желтоцвета.

— Над Зоополисом летают беспилотники, следят, — для пущей важности сказал Стивен, хотя и знал от дяди Чарли, что слежка с воздуха отменена на время ремонта.

И все-таки, даже помня слова дяди, Стивен украдкой поглядывал в небо. Это было частью удовольствия, частью приключения. Риск! Отвага! Бесстрашие! И всё это — на глазах у симпатичной задаваки с Прозерпины!

У вольера для хищников лихие авантюристы задержались.

Вольер внушал уважение размерами. Полукругом он примыкал к изрытой пещерами скале.

— Псевдокошки живут на другом склоне, — сказал Стивен. — А эти пещеры пока пустые.

Внизу росли три чернодуба, лежали большие плоские валуны. Наверное, здесь будут греться на солнышке удавы-многоножки.

А вот стены вольера казались ненадежно низкими.

— Я бы в два счета туда слезла, — сморщила носик Дейзи. — Стенки неровные, есть за что зацепиться.

— Это сейчас слезть можно, — со знанием дела объяснил Стивен. — Видишь вон те шары по краям? Когда в вольер запустят хищников, будет силовой барьер. Дядя мне рассказал. А пока нет ни людей, ни зверей, то зачем...

Стивен не договорил.

Налетевший порыв ветра сорвал с головы Дейзи красную шляпку, швырнул в вольер.

Девочка ахнула. И тут же доказала, что она не такая, как прочие девчонки из класса. Не запищала: «Ах, я эту шляпку только вчера купила, она такая красивая...» Сказала огорченно:

— Завтра будет шум, когда в вольере найдут шляпку. Наверное, сменят коды. И охрану усилят.

Стивен понял: вот он, его звездный миг! Именно сейчас надо доказать, что и он — не такой, как прочие мальчишки из класса! И не котенок с бантиком, вот!

Он смерил взглядом расстояние до чернодуба, в ветвях которого застряла шляпка, и сказал с небрежностью истинного героя:

— Шума не будет.

И проворно перелез через барьер.

Спуститься по выступам стены оказалось и впрямь несложно. Чернодуб совсем рядом. Теперь уцепиться за нижнюю ветку, подтянуться...

Тут-то и обнаружилась ошибка Стивена.

До нижней ветки было не дотянуться совсем чуть-чуть, Стивен даже касался ее кончиками пальцев. Но зацепиться не мог. И ствол чернодуба, с его гладкой корой, не мог помочь.

Стивен огляделся. Валуны вокруг были слишком большими, их к дереву не подкатишь...

Мальчик несколько раз подпрыгнул, пытаясь ухватиться за ветку. Уши горели при мысли, что за этими обезьяньими прыжками наблюдает Дейзи.

— Не так, — послышалось сзади. — Упрись руками в ствол и пригнись. А я с твоей

спины влезу на ветку.

Пока Стивен штурмовал черnodуб, Дейзи тоже спустилась в вольер. И, между прочим, говорила дело.

Стивен подставил спину, Дейзи ловко вскарабкалась по его плечам на дерево.

Какая девчонка!.. Разве Марианна, Делла или Таня решились бы на такое?..

Дейзи достала из развилки ветвей шляпку, плотно надела ее на голову, вернулась на нижнюю ветку и уже приготовилась спрыгнуть...

Но тут ее лицо исказилось. Она взвизгнула:

— Стив! Наверх!

Стивен оглянулся через плечо... и как очутился на ветке — не запомнил. Кажется, Дейзи подала ему руку.

Из пещеры, ковыляя, выбрел... выбрело...

Эта тварь очень напоминала человека, сторбленного старика. Растрепанная борода шевелилась, словно живая.

— Краб-бородач! — в ужасе прошептал Стивен.

— Людей жрет? — деловито спросила Дейзи.

Ее спокойствие заставило Стивена взять себя в руки.

— Всех жрет, до кого доберется, — хрипло выдохнул он.

— По деревьям лазает?

— Вроде нет.

Краб был уже близко. Теперь его нельзя было спутать с человеком. Закованное в хитин горбатое тело нелепо раскачивалось на ходу, две клешни угрожающе тянулись к дереву.

— Борода... — предупредил Стивен. — Это трубки. Он плюется кислотой. Недалеко, но... Лезь выше!

— А ветки выдержат?

— Они прочные.

Дейзи послушно полезла вверх следом за Стивеном, стараясь держаться ближе к стволу.

Краб остановился у ствола. Пучок стебельчатых глаз шевелился, не выпуская из виду добычу. Клешни попытались вцепиться в ствол, но соскользнули с коры.

Трубки-«борода» поднялись было, прицеливаясь, но тут же повисли.

— Не плюется, — нервно объяснил Стивен. — Сообразил, что высоко сидим. Не хочет зря тратить кислоту.

— Умный какой, — зло прошипела Дейзи.

Уходить тварь явно не собиралась. Всем своим видом краб показывал, что на сегодняшний вечер у него нет абсолютно никаких планов — и он готов уделить гостям сколько угодно времени.

— Втянул я тебя в переделку, — покаянно шепнул Стивен.

— Сожрать нас он не сожрет, — прикинула Дейзи. — У нас коммы. Можем вызвать полицию, спасателей и кого угодно. Но в полиции я вчера уже побывала. Не знаю, как у вас на Шире поступают с отпетыми рецидивистами...

— Я не рецидивист, — уныло откликнулся Стивен. — Но если меня снимет с дерева полиция, здешняя администрация уволит дядю Чарли. А он хороший.

— А мне маму волновать нельзя, у нее недавно была операция. Так что сидим и никого не зовем... Может, отломить сук и попробовать этого гада — по глазам?

— И не думай. Видела, как он пробовал кору клешнями? Черnodуб — самое прочное

дерево на Шире.

— Поняла. А если в него запустить шляпкой? Может, испугается?

Но тут произошло нечто невероятное.

В сумерках, на фоне темной стены, вдруг вспыхнуло пятно света. И из света соткалась фигура человека.

Только через несколько мгновений, полных ужаса и восторга, Стивен понял, что в стене просто открылась неприметная дверь.

Человек, вышедший из двери, твердым шагом двинулся к дереву, на котором сидели пленники.

Краб подался навстречу новой добыче. Стивен не сдержал вскрика и почувствовал, как сильно вздрогнула Дейзи, сидевшая с ним рядом, плечом к плечу.

А человек выбросил руку навстречу крабу. Что было в этой руке — Стивен не разобрал. Что-то маленькое. Но краб, даже не подняв клешней и не попытавшись плюнуть кислотой, поспешно заковылял в пещеру.

Мужчина, обративший хищника в бегство, быстро подошел к чернодубу.

— Слезайте! — сказал он. — Быстро!

Стив и Дейзи поспешно послушались.

Мужчина ухватил их за руки и быстро повел к открытой двери, на ходу пару раз оглянувшись.

Когда дверь захлопнулась, Стивен понял, что они оказались в коридоре — служебном, техническом...

И тут схлынуло облегчение, радость спасения. Навалилась тоска. Сейчас придется расплачиваться за всё. Как же он подставил дядю Чарльза!

Продолжая мягко, но крепко удерживать правой рукой Стивена (в левой руке он держал локоть Дейзи) незнакомец заговорил с вышедшим им навстречу мужчиной в комбинезоне техника:

— Всё в порядке, Сандерс. Сейчас ты выпустишь меня и этих молодых людей и запрешь за нами дверь. Записи об этом происшествии делать не стоит.

— Но... у меня же могут быть неприятности...

— Никаких неприятностей, Сандерс. Ты же меня знаешь, верно?

— Да... но...

— Просто молчи об этой истории, вот и всё. Под мою ответственность. Утром предложи поменять входные коды. Для повышения уровня безопасности... ну, сам сообразишь, как сформулировать...

* * *

Мужчина уже не держал спасенных детей за руки, но Стивен и не пытался сбежать, чинно шагал рядом. Понимал: его запомнили. Причем запомнил человек странный и явно способный на многое. Как он с техником-то, а? «Ты же меня знаешь?..»

— Мистер Лавров, а как вы справились с этим чудовищем? — ангельским голосом спросила Дейзи.

Стивен вскинул голову: они знакомы?.. Это сулило надежду.

— У краба-бородача острое чутье, — объяснил спаситель. — И он боится незнакомых запахов. Очень боится. Я прикинул, что запах мужского дезодоранта — грейпфрут,

кардамон, мускус и кедр — приведет в смятение эту зверюгу, ничего не смыслящую в классической парфюмерии.

— И все же вы очень рисковали...

— Ради вас, юная леди, я готов на подвиги.

— И теперь вы расскажете обо всем маме? — напрямик бухнула Дейзи.

— Неужели вы считаете, что эту чудесную женщину надо огорчать? Полагаю, вы и ваш отважный спутник и сами уже всё поняли и не станете повторять это неудачное развлечение.

У Стивена бухнуло сердце. Он истово закивал, Дейзи — тоже. Мол, как же! Мы все поняли и больше никогда, ни под каким видом...

— Кстати, юная леди, представьте меня и вашего спутника друг другу.

— Это мой одноклассник Стивен Лоррис, — учтиво сообщила Дейзи. — Стив, это Фред Лавров, мы вместе летели на Шир.

— Ах, незабываемые дни полета!.. — воскликнул Фред Лавров. — Только нахлынувшие дела помешали мне навестить вашу семью сразу же после приземления!.. Но это не поздно сделать и сейчас. Кстати, как поживает ваша старшая сестра?

Дейзи задержалась с ответом. Стивен помалкивал, чувствуя, что за обычным разговором стоит что-то еще.

Наконец Дейзи сказала с непонятной осторожностью:

— Сандру не застать дома, она работает почти без выходных.

— Неужели ей совсем не удастся вырваться к семье? — Голос мистера Лаврова почему-то стал строгим. Стивен молча переводил взгляд с него на Дейзи.

Внезапно девочка широко улыбнулась:

— Иногда удается. Мы ждем ее завтра.

— Замечательно! — просиял Лавров. — Пожалуй, и я завтра заверну к вам в гости. Это же такая удачная возможность: застать всё семейство в сборе!

— Адрес вы не спрашиваете? — В голосе Дейзи звенела дружеская насмешка.

— Ах, ах, забыл, не подумал... — изобразил Лавров смущение.

— Да ладно вам, вы же его и так знаете!

— Допустим, знаю... А вы, юная леди, можете не сомневаться: ни для вас, ни для мистера Лорриса сегодняшняя авантюра не будет иметь никаких последствий.

20 Друг семьи

Шир, Второй Экваториальный округ, Пониленд

Сандра Леман

первый выходной на новой работе

Сандра села в кабину флаера, захлопнула дверцу, положила руки на штурвал. Но медлила со взлетом.

Как неудачно прошел день! Совсем не так, как было задумано!

Сандра планировала забрать маму и Дейзи и махнуть на водопады. Мама похвасталась, что соседка научила ее готовить какое-то местное блюдо... что ж, можно взять его с собой и съесть на свежем воздухе. (Сандра, помнится, еще порадовалась, что у мамы появилась в Пониленде подруга.)

А там, у водопадов, можно было побеседовать с Дейзи о разнице в культурных традициях суровой Прозерпины и пасторального Шира...

Но с самого начала всё пошло наперекосяк.

Мама встретила Сандру на пороге и радостно воскликнула:

«Девочка моя, у нас для тебя сюрприз!»

Сюрпризом оказался Фред Лавров, несостоявшийся «прекрасный принц» с борта звездолета, восседавший в гостиной, словно у себя дома. Причем мама порхала вокруг него, светясь от радости. Что особенно странно, Дейзи, которая когда-то сравнивала Лаврова сдохлым гримзиком, изменила свое мнение о госте и была от него явно в восторге.

Надо бы учтиво сплавить гостя и вернуться к задуманной программе. Но Лавров не понимал никаких намеков, а мама торжественно внесла и установила на столе огромную тарелку с неким сооружением, которое явно не возьмешь с собою на природу в качестве перекуса. Мама с гордостью заявила, что основой блюда стал кустик сухарника, веточки которого съедобны и славно хрустят. Этот кустик украшается массой ингредиентов (там и мясо, и яйца, и овощи) и заливается густым соусом, который красиво застывает на всем этом великолепии.

Дейзи тут же сообщила то, что успела узнать в школе: сухарник считается неофициальной эмблемой округа, потому что когда-то эти кусты крепко выручали первых поселенцев в неурожайные годы. Фред Лавров тут же подхватил тему разговора и принялся выкладывать одну за другой истории о первых поселенцах. Истории были забавны, рассказывал их Лавров умело и остроумно, но у Сандры все больше портилось настроение.

Можно догадаться, почему Дейзи крутится вокруг гостя: понимает, что при постороннем человеке не будет неприятного разговора о штрафе за выходку на заброшенном заводе.

Но Лаврову-то что здесь нужно?

Да, он по-прежнему был очарователен и мил, но совсем уже не нравился Сандре — и казался все более и более подозрительной личностью.

Так и прошел день. Сначала — долгая застольная беседа, поедание сухарника и комплименты маме (кстати, комплименты вполне заслуженные: блюдо оказалось восхитительным). Потом Дейзи притащила из своей комнаты настольную игру с большой картой и кучей фишек. Мама и Лавров пришли в восторг, Сандре пришлось составить им компанию. Лавров и Дейзи принялись обучать маму и Сандру игре...

Так и прошел день. С виду — приятно, а на деле — бестолково и бесполезно. Не удалось сделать ничего из задуманного. Да еще и появилась новая задача — вывести этого проходимца Лаврова на чистую воду...

Впрочем, пора лететь. Сандра обещала вернуться в «Зеленые холмы» до темноты.

* * *

Конечно, Сандра отказалась бы от выходного, если бы знала, что, вернувшись в усадьбу, застанет ее обитателей в смятении. И что недобрую, полную страха тишину будет разбивать только потерянный голос доктора: «Я же говорил!.. Я же предупреждал!..»

21 Сказка на ночь

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Сандра Леман

вечер после первого выходного

Сандра не стала кудяхтать, суетиться и строить догадки одна страшнее другой. Она поймала за руку первого, кто подвернулся (это оказался один из слуг), и потребовала объяснений.

Увы, объект допроса был выбран неудачно. Перепуганный слуга выложил то немногое, что знал: киборг взбесился и кого-то убил... Нет, не барышню, барышне удалось спастись, она сейчас у себя в спальне, над нею хлопочет доктор. И хозяин тоже там, у дочки... Где киборг? Этого слуга не знал, но хотел бы знать, чтобы оказаться от него как можно дальше.

Сандра бросила слугу и помчалась в спальню Викки.

В коридоре она столкнулась с вышедшим из комнаты Брауном. Впервые она видела грозного хозяина и повелителя «Зеленых холмов» таким растерянным и бледным. Сандра загородила ему дорогу. Не поздоровавшись, спросила резко:

— Что произошло?

Браун принял ее тон как должное. Ответил расстроено:

— Викки привезли кошку, она давно о ней мечтала. Она так радовалась... танцевала... Когда попробовала взять кошку на руки, та ее оцарапала. До крови. И Рэнди... убил кошку.

— Ох...

— Меня там не было, но служанка сказала, что Викки налетела на Рэнди с кулаками, стала бить. Кричала, что он злой, убийца... что не хочет его видеть... никогда больше... Доктору пришлось выводить ее из истерики успокоительными...

— Так... Где Рэнди, что с ним?

— Я с ним поговорил... то есть попробовал поговорить. Мисс Леман, его нельзя узнать. Прямо манекен с витрины. Смотрит мертвым взглядом и повторяет «прошу переформулировать приказ». Я попробовал ему объяснить, что не сержусь, что он защищал Викки... А он — «оборудование подлежит ликвидации»... Я не выдержал, ушел. К Викки. Ей ведь хуже досталось, первая в жизни смерть на глазах, да еще и любимый братик убил...

— Викки спит?

— Еще нет. Вальтер не рискнул дать ей сильнодействующее лекарство, ограничился мягким седативным. Она перестала плакать, горничная переодела ее в пижаму. Я попробовал ей объяснить, что Рэнди увидел ее кровь — и кинулся спасать ее от хищника. Но она лежит и смотрит мимо меня. То ли слушает, то ли нет, такая равнодушная... Вальтер меня почти вытолкал.

«Ну, меня не вытолкает...» — Сандра свирепо толкнула дверь и вошла в комнату.

В уютной спальне свет был приглушен. Викки лежала под одеялом, видна была только голова с разметавшимися по подушке рыжими волосами и плечо в пижамке из мягкой желтой ткани с медвежатами. Над девочкой наклонился доктор. Он гладил ее по голове и тихо говорил:

— Спи, солнышко мое. Больше не будет ничего плохого. И страшного киборга больше

не будет. А кошку тебе купят другую...

Сандра подошла к кровати и решительно взяла доктора за локоть:

— Спасибо, господин Вайс. Вы свои обязанности выполнили. А теперь оставьте комнату, девочке надо отдохнуть.

— Что вы себе позволяете?.. — начал было доктор — и осекся под взглядом Сандры. Понял, что эта девица с нецивилизованной планеты не постесняется выволочь его в коридор за шкурку. Но все-таки отважился на реплику: — Что вы собираетесь делать?

— Расскажу ей сказку на ночь... Спокойной ночи, доктор!

Выпихнув доктора, Сандра повернула дверную ручку, чтобы тот не вернулся, подошла к кровати и уселась на стоящий рядом стул. Ногой уперлась в ножку кровати, на обтянутое джинсами колено положила руку, поглядела в лицо воспитанницы.

Измученное, но спокойное лицо. Глаза равнодушно глядят то ли на учительницу, то ли сквозь нее. Словно девочка хочет сказать: «Да оставьте вы все меня в покое!» Но не говорит, потому что смысла в этом не видит.

Невольно вспомнились слова Брауна о Рэнди: «Смотрит мертвым взглядом...»

По-хорошему, надо было сначала бежать к Рэнди, потому что Браун ошибался: хуже всего сейчас было именно ему. Его все бросили, он где-то там один и наверняка навоображал уже себе разного... И к нему точно никто не подойдет с утешениями, побоятся. А вокруг Викки все так и вьются, и папочка, и доктор, и сердобольные служанки наверняка... Да толку-то... Ох, обоим детям плохо, обоим она, Сандра, нужна.

Только вот в этой паре Викки — старшая. И не только по возрасту. А значит, и работать сперва надо именно с ней. И надеяться, что Рэнди далеко ушел за свою программу и никаких саморазрушительных действий без прямого приказа не предпримет.

— Я тебе обещала сказку на ночь, — приветливо, но без сюсюканья начала она. — Что ж, слушай. Случилось это на одной далекой планете. На ее поверхности было мало места, где можно жить, поэтому наверху жили только самые богатые люди. И еще наверху были гостиницы, где люди отдыхали во время отпуска. И были красивые парки, куда школьников возили на экскурсии. А жили люди внутри планеты. Они пили очищенную воду и дышали очищенным воздухом. На верхних ярусах воздух был почти совсем чистым, там поселились те, кто побогаче. На средних ярусах воздух припахивал жженым пластиком, там жили люди не очень богатые, но с постоянной работой и приличным заработком. А внизу жила беднота. И чем ниже, тем хуже им жилось...

Быстрый взгляд на Викки: не уснула? Нет, глаза открыты. А вот слушает ли?

— И жила на одном из средних ярусов девочка, которую звали... — Сандра на миг запнулась. — Звали ее Дора. Ее папа и мама были инженерами. Когда Доре было пять лет, они переехали в новый сектор, там еще не построили детский сад. Нанять няню они не могли, денег не хватало. И никто из них не мог оставить работу, чтобы сидеть с дочкой. Первые два дня с Дорой согласилась побыть добрая соседка. Чтобы девочка хорошо себя вела, соседка рассказывала ей сказку...

Сандра буквально кожей ощущала, как утекают секунды. Но голос ее оставался безмятежным:

— Сказка была о том, что самая дальняя вентиляционная шахта ведет в пещеру, где живут добрые гномы. Там светло, потому что растут светящиеся кусты с вкусными ягодами. И еще там растут цветы-бубенчики, они вызывают красивые мелодии. Сами гномы — ростом с Дору. Они добрые, сильные и смелые. В горных трещинах, пещерах и старых

шурфах водятся разные скальные чудовища, но гномы их не боятся. А еще у них есть мюмзики — такие золотистые пушистые зверушки, со скальными чудовищами бьются грозно и бесстрашно. Но вообще-то мюмзики добрые, они любят, когда их чешут за ушами. Они тогда от радости катаются по полу и кувыркаются. А главная у гномиков — старая тетушка Тюша, ее все уважают, она строгая, но справедливая и прекрасно варит на всех кашу из волшебных ягод...

Еще один быстрый взгляд на Викки. Уснула? Нет. Слушает...

— Дора влюбилась в эту сказку. Уже и соседка с нею не сидела, а девочка, ложась вечером в кроватку, придумывала гномикам имена, представляла, как чешет за ушами веселых мюмзиков, слышала музыку цветов-бубенчиков, чувствовала во рту вкус волшебной каши. Она прикидывала: взяла бы строгая тетушка Тюша ее жить в пещеру? Нет, она бы прибежала навестить папу и маму, приносила бы им цветы в подарок, но жить насовсем ушла бы к гномам. И девочка дала себе слово: обязательно добраться до дальней вентиляционной шахты и спуститься в нее... Тебе не мешает свет? Может, приглушить его?

Викки раздраженно мотнула головой — мол, не отвлекайся!

Отлично...

— Отец сказал маме: раз няня им не по карману, можно нанять для присмотра за Дорой ребенка с нижних ярусов, это выйдет гораздо дешевле. Мама была против, но что еще им оставалось делать? И папа привел мальчика немногим старше Доры, чумазого, в комбезе с чужого плеча, с закатанными рукавами и штанинами. И сказал, что мальчика зовут Роберт, Робби. У него в семье четверо детей, они там почти умирают с голоду. Им дают пособие на детей, но такое маленькое, что и на одного малыша не хватит. По закону они должны посылать детей в школу, но не посылают...

Во взгляде Викки мелькнул вопрос, и Сандра поспешила объяснить:

— У них не было денег, чтобы купить детям приличную одежду, в которой не стыдно было бы пойти в школу. Отец Доры пообещал платить за то, чтобы мальчик гулял с Дорой, разогревал ей еду и следил, чтобы она не шалила. Он пообещал небольшие деньги, но родители мальчика обрадовались. Кроме того, договорились, что Робби будет завтракать и обедать в семье Доры. И еще ему сразу купят рубашку и штаны — и осенью он в них пойдет в школу. Тут родители Робби обрадовались еще больше, потому что в школе детям давали завтраки. А тем, кто на продленке, еще и обеды... Когда Робби отмыли и одели в джинсы и синюю рубашку, он оказался симпатичным мальчуганом. Тощим до невероятия, вечно лохматым, с глубоко запавшими глазами — но все-таки очень славным. А что прежде ходил чумазым, так это потому, что на Прозерпине очень дорогая вода...

Викки приподняла голову с подушки. Сандра усмехнулась:

— Да, на Прозерпине — а я сразу не сказала?.. Дети подружились. Робби был жилистым, крепким и смелым. Он водил Дору гулять на детскую площадку, где стояли качели, деревянная карусель и много разных лестниц, чтобы по ним лазать. И если кто-то из мальчишек постарше пытался отобрать у Доры игрушку или пакет с бутербродами, Робби отважно бросался в драку. А Дора рядом с ним чувствовала себя очень умной — ведь она знала много такого, о чем мальчик и представления не имел. Он в их доме впервые увидел настоящее кино, а не рекламные ролики, которые бесплатно крутили всем. Дора читала ему вслух книжки, рассказывала про другие планеты. Однажды даже открыла свой секрет — про шахту и гномов. Робби поднял ее на смех. Он сказал, что излазил уже столько этих шахт, что и считать до таких чисел не умеет. И нигде никаких цветов-бубенчиков, одни проржавевшие

скобы, такие, что под пальцами ломаются... Дора обиделась, но ненадолго, и это была единственная их ссора.

Глаза Сандры затуманились, но голос оставался ровным:

— Однажды мама сказала, что им придется переехать в соседний сектор, совсем новый — там много работы для них, инженеров-строителей. Робби огорчился, что потеряет работу, но отец сказал, что он может ходить к ним и туда, может даже оставаться с ночевкой, чтобы не тратить время на дорогу домой. Робби обрадовался. И Дора обрадовалась, что не разлучится с другом. А потом сообразила: ее же увезут от таинственной дальней шахты! От гномов! От забавных мюмзиков! И решила: бежать из дома надо сразу же, сегодня!

Викки выскользнула из-под одеяла и села на кровати, глядя в лицо рассказчице.

— Робби догнал девочку у шахты. Она уже забралась на ограждение. Еще немного — и перебралась бы туда, где страшная высота и ржавые скобы. Он вцепился девочке в плечи, стащил ее с ограждения. Дора вырывалась, кусалась, кричала, что хочет к гномам. Отчаяние придало ей силы, она дралась с мальчиком на равных. Они катались по камням, по щебню. Когда подбежали взрослые, оба уже ободрались в кровь. Мама подхватила Дору на руки. Девочка поняла, что пропала последняя надежда, что ее навсегда разлучают со сказкой, с волшебным миром ее друзей-гномов. И от горя, от гнева Дора закричала: «Он меня бил!» Даже не соврала — бил ведь... чтобы удержать...

Глаза Викки не отрывались от лица Сандры.

— Мать унесла дочку на руках, и через ее плечо Дора увидела, как отец схватил мальчика за шиворот и поволок прочь. И больше Робби к ним не приходил...

Викки коротко вздохнула.

— Через несколько лет, когда Дора подросла и немножко поумнела, она ненароком услышала разговор родителей. Отец случайно узнал о печальной судьбе Робби. Оказывается, его родители поняли, что четверых детей им не прокормить. Чтобы не умерли с голоду все четверо, чтобы спасти хотя бы троих, они решили кинуть жребий — и одного продать.

— Продать? — охнула Викки. — Кому?

— На нижних ярусах жил бандитский главарь по кличке Заточка. Злодей и негодяй. Он покупал и крал детей.

— Зачем?

Сандра замешкалась. Ни про продажу детей на органы, ни тем более про тайные бордели для извращенцев девочке рассказывать было нельзя. Следовало срочно придумать что-то страшное, но сказочное.

— У Заточки был злобный скальный крокодил по кличке Клыкарь. Такие водятся на Прозерпине. Похож на обычного крокодила, но лапы гибкие и с присосками, чтобы карабкаться по отвесной стене. Заточка кормил своего зверя человечинной... Когда Дора узнала о смерти Робби, она тайком плакала. Потом прошло много лет, Дора повзрослела, у нее появились новые друзья, но она всегда помнила, что самый первый друг погиб из-за ее глупой обиды. И никогда-никогда себе этого не простила...

— А что было с Заточкой? — придиричиво спросила девочка.

Да, сказку надо было завершить по сказочным законам.

— Однажды Заточка напился и забыл накормить своего крокодила. И тот съел хозяина, а сам удрал в скалы...

— Ну и поделом ему, этому Заточке! — буркнула Викки и, не сказав больше ни слова, вновь нырнула под одеяло и накрылась с головой.

Сандра немного постояла у кровати, держа на губах безмятежную улыбку.

Похоже, не получилось. Единственное, что заинтересовало Викки, — это судьба злодея. Вернее — его наказание. Скверно, очень скверно, хреновый из вас педагог, мисс Леман.

Однако педалировать и давить сейчас нельзя ни в коем случае, иначе сопротивление окажется куда активнее и результат выйдет противоположным желаемому. Вы свое дело тут сделали, мисс Леман, сказки тем и хороши, что откладываются на подсознание даже у тех, кто их вроде бы не понял или не запомнил, и могут сработать позже. Вот и будем надеяться, что и эта сказочка тоже сработает, и сработает вовремя. А сейчас остается лишь пожелать спокойной ночи и поспешить к другому ребенку — надеясь, что хотя бы там еще не слишком поздно.

22. На ступеньках

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Сандра Леман

вечер после первого выходного

О судьбе Рэнди Сандра узнала от Дороти Дженкинс. Оказывается, во время общей паники некий героический лакей по имени Финеас Белл решил запереть опасный механизм в подсобке для старого хлама. Киборг пошел за Беллом безропотно, хотя у того и не было прав управления.

— В подсобке? В какой подсобке?

— В той, что возле пожарной лестницы. Там у нас хранятся пылесосы.

— Пыле... Так. Поняла. И еще одна просьба. Финеас Белл — это такой... с ушами, да? Помню... Будьте добры, предупредите его, чтобы в ближайшие несколько дней он обходил меня как можно дальше. Я ему не киборг, я и прибить могу!

И, оставив ошарашенную Дороти беззвучно открывать рот, ринулась по коридору.

Бедный мальчик. И Браун его бросил, ушел к Викки. И она, Сандра, девочке сказки рассказывала. А Рэнди тем временем торчал в подсобке со старыми пылесосами и окончательно проникался мыслью, что он — оборудование, причем оборудование бракованное, никому не нужное, которое подлежит только лишь утилизации...

Дверь подсобки была пластиковой и такой хлипкой, что киборг смог бы ее выбить плевком. И закрывалась, смешно сказать, на щеколду.

Коридор освещался крохотными лампочками-ночниками. Когда Сандра распахнула дверь в подсобку, первое, что бросилось ей в глаза, — белое пятно рубашки. Лицо Рэнди было серым, сливалось со стеной — во всяком случае, так показалось в первое мгновение.

— Пойдем, — хрипло сказала Сандра и потянула воспитанника за рукав.

Тот подчинился молча... хорошо, что молча! Если бы он произнес хоть одну «программную» фразу, она бы разрыдалась. А реветь сейчас было никак нельзя.

Сандра сделала несколько шагов от подсобки — и почувствовала, что подкашиваются ноги. Не дойдет она ни до какой комнаты!

Ну и ладно, ну и плевать. И не нужна ей вовсе никакая комната. Рядом есть лестница, такая удобная, с широкими ступеньками...

Опустившись на третью ступеньку уходящей вверх винтовой лестницы, Сандра приглашающе хлопнула по ней ладонью: садись, мол... Вроде как она села не потому, что боится упасть. Вроде как она с самого начала именно тут и собиралась поговорить.

Помедлив долю секунды, огромный боевой киборг опустил с ней рядом так легко и бесшумно, словно сухой лист спланировал. Уставился в стенку перед собой и замер, словно бы и не дыша. Наверное, в подсобке он сидел точно так же, не шевелясь, не моргая... не думая?

Если бы...

Они сидели рядом и молчали. Сандра до боли вцепилась правой рукой в левую. Руки опять дрожали, а штурвала поблизости не было.

О чем думал Рэнди в темноте, среди этих распроклятых пылесосов? Что его отправят назад, в «АванGARD»? Что ему активируют черный код? Бедный отчаявшийся мальчишка, готовый к тому, что вот сейчас его будут убивать, но при этом все равно не желающий убивать сам...

Только вот оказалось, что думал он совсем о другом. Не о будущем и собственной неминуемой близкой смерти, а о том, что ему представлялось намного более важным.

Очень ровно и очень спокойно киборг сказал:

— Я освоил понятие «понарошку».

Сандра замерла. Впервые Рэнди заговорил с нею сам. До сих пор он всегда лишь отвечал на ее вопросы, а сейчас... Да еще такая гладкая фраза! И с местоимением! Он же эти местоимения пропускает, где только можно...

А киборг продолжил, тщательно подбирая слова, не торопясь (а куда теперь торопиться-то):

— Викки играла в братика понарошку. Потом ей подарили другую игрушку. Более продвинутую. Системы «кошка». Я хуже кошки. Викки надоела прежняя игра. Старая игрушка не нужна. Я... не нужен.

И вновь замолчал.

Ужасно хотелось обнять его, сказать, что все это ерунда и пройдет, что Викки вовсе не это имела в виду, что люди иногда кричат друг другу в запале такие ужасные вещи, за которые им потом бывает стыдно. Но главное — обнять, прижать к себе, погладить по голове, приласкать, утешить...

Нельзя. Браун уже утешал — а толку?..

Детские ссоры только со стороны и только взрослым кажутся пустяком. Поссорились, помирились...

Но на самом деле все далеко не так просто. Если Викки простит киборгу убитую кошку... Если Рэнди простит сестре ее крик: «Больше никогда...» Если оба они снизойдут друг до друга...

Это не будет настоящим примирением.

Настоящий мир наступит лишь тогда, когда каждый из двоих почувствует себя виноватым и попытается исправить свою ошибку. Свою, а не чужую. С Викторией Сандра уже поработала... кажется, не получилось. Теперь надо попытаться — с мальчиком.

Ровно и твердо, как о чем-то само собой разумеющемся, она сказала:

— Понятие «понарошку» ты освоил. Молодец. А такое понятие, как ревность, ты тоже освоил?

Рэнди не вздрогнул. Не шевельнулся, не вздохнул даже. Просто не ответил — и это молчание было красноречивее любых слов. Вот и отлично, вот с этим и будем работать.

Теперь можно спросить и о важном, о том, на что он сможет ответить, и спросить точно так же ровно и спокойно:

— Рэнди, была ли кошка хищником, угрожающим жизни человека?

— Нет.

Быстро, без паузы. Отлично. Щупаем грунт дальше...

— Правильно. Иначе отец не купил бы ее для своей дочери... Получила ли Викки опасные повреждения?

— Нет...

Четвертьсекундная задержка? Или показалось?

— Ты освоил понятие «понарошку». Кошка могла драться только понарошку. Она не тигр из диких джунглей. Просто кошка! А ты ее убил. Вовсе не «понарошку».

Короткая пауза. Ровным машинным голосом:

— Оборудование подлежит ликвидации...

— Рэнди, я не с программой разговариваю! Изволь отвечать сам.

— Извините, мисс Леман. Я... виноват. Я должен был остановить агрессию кошки нетравматическим способом.

— Вот именно. Уж боевой гард как-нибудь справился бы с домашней муркой. Скажи уж прямо, что ревновал. Викки так обрадовалась кошке... А тебе стало завидно.

Молчание...

— Вот и подумай об этом, — завершила свою мысль Сандра, поднялась на ноги и пошла прочь.

У поворота она оглянулась.

В позе киборга ничего не изменилось. Не опустил плечи, не спрятал лицо в ладонях. Ни одного человеческого движения. Словно окаменел. Нет, даже хуже: словно никогда и не был живым.

«Гнать меня из учителей. В шею и без выходного пособия. На что я гожусь? Кажется, пора идти спать. На сегодня я испортила все, что могла...»

Сандра повернулась, сделала пару шагов — и тут же метнулась в нишу, где стояла ваза с цветами. Спряталась там, куда не достигал свет лампочки-ночника. Потому что впереди в коридоре показалось привидение.

Маленькое привидение в желтой пижамке с медвежатами.

Викки прошла мимо ниши, не заметив учительницы, и скрылась за поворотом. Сандра бесшумно скользнула следом — и услышала восклицание девочки:

— Я тебя нашла! Я знала, что найду!

Осторожно выглянув из-за угла, Сандра увидела, что Викки села на ступеньку рядом с Рэнди, обеими руками вцепилась в его рубашку и снизу вверх заглянула в лицо:

— Молчишь? Ты меня так наказываешь, да? Хорошо... наказывай... молчи, если хочешь... Только не бросай меня насовсем. Я была плохая... я больше не буду... я... Я не хочу, чтобы ты умер!

Тут она горько разревелась, припав к его груди.

Киборг ничего не ответил, не повернул головы... но его правая рука поднялась и обняла девочку за плечи, прижимая к себе, защищая и... утешая?

Сандра облегченно выпустила воздух сквозь стиснутые зубы — и подавила беззвучный нервный смешок, поняв, что все это время не дышала. Ничего. Теперь можно. Теперь все можно. В том числе и идти спать. Дети сами договорятся.

И... может быть, не такой уж хреновый она педагог?

23 Беда

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Сандра Леман

день после первого выходного

К завтраку дети пришли вместе. Викки держала брата за руку.

Рэнди выглядел совершенно невозмутимым: учтиво поздоровался с напряженными людьми, пожелал всем приятного аппетита, неспешно принялся за еду. Сандра подумала, что программа этикета — хорошая броня.

А вот Викки нервничала заметно. Усевшись за стол, она обвела всю компанию свирепым взглядом. На ее веснушчатой грозной мордашке было четко написано: «Кто попробует сказать хоть одно плохое слово про братика, в того полетит моя тарелка!»

Завтрак прошел в теплой и дружественной атмосфере до зубов вооруженного нейтралитета, поддерживаемого не столько даже красноречивыми взглядами, которые постоянно бросала на всех присутствующих Викки, сколько внушительной фигурой ее отца во главе стола.

Мистер Браун выглядел абсолютно спокойным. Невозмутимо орудовал столовыми приборами, поглощая нечто, что наверняка носило какой-нибудь вычурный и труднопроизносимый титул родом еще со Старой Земли, а на деле показалось Сандре чем-то вроде плова или рисовой каши с курицей, овощами и морепродуктами. Мистер Браун ни на кого не смотрел — но Сандра была уверена, что каждый из присутствовавших за завтраком ощущает его взгляд именно на себе. Тяжелый такой взгляд, задумчивый и многообещающий.

Наверное, поэтому почти никто из обитателей поместья в то утро не отдал должного искусству повара. Хотя оно того и стоило. Вкусная штука оказалась, просто на языке таяла, одновременно нежная такая и в меру остренькая. Сандра своей порцией насладились сполна и подумала, что надо будет обязательно как-нибудь ненавязчиво узнать, как эта вкуснотища называется.

Настроение у нее было просто чудесное. И его не смогли испортить ни тяжелое молчание мистера Брауна, ни похоронные лица доктора Вайса и управляющего, ни даже милое чириканье его жены Филлис, которую всеобщее молчание не только не смутило, но и, скорее, обрадовало. Никто не говорил о скучных делах или не менее скучной политике (в которой Филлис явно ничего не понимала и понимать не желала), и можно было вдоволь нащебетаться о предстоящем показе мод в столице Шира и о том, как Филлис хочется туда попасть, потому что там будут все-все-все, кто хоть чуть-чуть хоть что-то хоть где-то да значит...

* * *

Сандра была так счастлива, что утратила бдительность, не исчезла вовремя из-за стола и позволила Филлис подкараулить себя и взять в плен.

— Ах, моя дорогая, — защелкала супруга управляющего, цепко ухватив Сандру за локоть, — какой ужас, настоящий ужас мы все пережили вчера! Я заперлась в своей спальне, а Шарль вообще не ложился! В сложных ситуациях управляющему надо быть готовым ко

всему! А сегодня я боялась выйти к завтраку, уверяю вас, боялась!

В глазах Филлис Нодье горела жажда подробностей. Подробностей, которыми ей пока не с кем было поделиться, но которые она наверняка пустит в ход в первый же свой визит к кому-нибудь из знакомых, живущих вне усадьбы.

Понимая это, Сандра сказала коротко:

— Вы зря так волновались.

— Ну как же — зря? Ведь наш дорогой хозяин так и не убрал отсюда этого жуткого киборга! Но вы же знаете всю их семейку! Если уж они что-то решат... А киборг нас всех убьет, непременно убьет!

— Всю их семейку? — учтиво переспросила Сандра, прикидывая, как бы снять эту несносную даму с локтя. — Я, видите ли, не знакома со всей семьей мистера Брауна. Собственно, только с ним самим и с Викки...

В глазах Филлис плеснулась радость. Торжество тщеславного человека, которому есть чем похвастаться — и он будет, будет, будет!..

— Как, дорогая моя? — сладко проворковала она. — Неужели вы до сих пор не знаете, вот совсем-совсем не знаете, на кого работаете?.. Так и считаете его Брауном, просто Брауном?.. А я узнала сразу после свадьбы, вот прямо сразу! Когда Шарль рассказал мне, я чуть не упала в обморок, право же, почти упала!

Сандра молчала, прекрасно понимая, что Филлис не надо поощрять и подталкивать — она сама всё скажет. Сейчас помешать ей мог бы только кляп во рту!

И Филлис сказала. Выдохнула, вдохнула, собралась и сказала:

— Ванделер. Один из!..

И всё. Да и что тут добавишь?

Учтивая улыбка замерзла на губах у Сандры.

Она почти не заметила, как проходящий мимо Шарль Нодье окликнул супругу, как Филлис что-то любезно чирикнула и удалилась с мужем. Кажется, Сандра кивнула ей на прощанье... или даже что-то сказала? Не осталось в памяти... Сандра была захвачена давним воспоминанием.

Соседская девочка — старше малышки Сандры, уже школьница — рассказывала, как в классе им объясняли, что такое законность.

«Ха! — высокомерно говорила девочка-соседка. — Совсем нас глупенькими считают! Законы, мол, для всех одинаковы... Ха и еще ха-ха! Я сама слышала, как мой папа сказал: у кого есть деньги, для того любой закон переписется! Вот хотя бы Ванделеры — что захотят, то и возьмут, и никто им не посмеет ничего сказать. Просто загребут — и ничего им за не будет, вот!..»

На маленькую Сандру эти слова произвели сильное впечатление. Даже ночью ей снились большущие руки, которые сгребали людей, дома, планеты... и ничего им за это не будет, потому что они — Ванделеры, вот!..

Сандра Леман тряхнула головой, отгоняя воспоминание детства. Но на его место тут же пришло иное воспоминание, относительно недавнее. Тонкое смуглое лицо Рико Мартинеса, пришедшего проводить ее на космодром.

Перед отлетом с Прозерпины Сандра попросила своего бывшего однокашника узнать хоть что-то про ее нового работодателя. Но у Рико ничего не получилось — а ведь он отличный хакер.

На прощанье Рико сказал ей:

«Если сможешь, откажись от этой работы. А если не сможешь — будь очень осторожна. Я три дня пытался достучаться до этого человека. Пропламывал одну стену — а за нею вставала следующая! Такую защиту не выстроишь без очень больших денег и очень большой власти. Но есть и кое-что еще... У меня было чувство, словно за мной кто-то снисходительно наблюдает. Мол, давай, букашка, давай, ползи... Но если подползешь слишком близко — тебя раздавят... И я отступился, бросил розыски... Будешь смеяться?»

Нет, Сандра не собиралась смеяться. Она со всей серьезностью отнеслась к словам приятеля. Среди их общих друзей ходили байки о невероятной интуиции Рико Мартинеса. Похоже, Сандра могла бы теперь добавить к этим байкам еще одну историю. Но, конечно, она этого никогда не сделает...

Усилием воли Сандра Леман взяла себя в руки.

Так. Спокойно. Она не Филлис, в обморок не упадет. В конце концов, подписывая договор, она знала, что Браун — это псевдоним. Понимала, что ее хозяин — значительная фигура. Как выяснилось, одна из самых значительных в известной людям части Вселенной? Ну и что? Какое это имеет отношение к ее работе?

М-м-м... вообще-то некоторое отношение имеет. Как подумаешь, что ей предстоит воспитать Викторию Ванделер — будущую хозяйку этой самой известной части Вселенной...

Тут Сандра Леман окончательно пришла в себя. Большая ответственность, да... ну и что? Когда она выбирала для себя профессию, она и так знала, какая на нее ляжет ответственность — формировать человеческие души...

Кстати, почему она подумала именно про Викки, а не про... не про обоих детей? Может быть, она не до конца верит в намерение мистера Брауна усыновить киборга... То есть не Брауна, конечно... Ванделера... С ума сойти!

Ладно. В любом случае ей уже пора идти на урок. Что там сейчас? Сильмариллианский язык?

* * *

Занятия сильмариллианским (или, как выражалась Викки, эльфячьим) языком окончательно ввели жизнь в привычную колею.

Учительница умилялась, глядя на Викки: девочка как вцепилась братику в руку, так и не отпускала до самого конца урока. Хорошо, что занятия были устными, а то пришлось бы бедному Рэнди экстренно становиться левшой.

Сегодня Викки даже не строила из себя мученицу, хотя сильмариллианский язык был единственным ее нелюбимым предметом. Остальные предметы для нее были — как головоломки для любителя интеллектуальных игр.

Сандра добросовестно изложила все, что собиралась, и опросила обоих учеников по пройденному ранее материалу, заставляя Викки четко выговаривать удвоенные согласные, которые девочка так не любила. Учительница не делала скидки на вчерашнюю нервотрепку и на то, что в эту ночь ни дети, ни она сама почти не спали.

А потом с чистым сердцем и сознанием хорошо выполненного долга Сандра оставила подопечных одних развлекаться в детском городке (ну, почти одних, доктор, конечно же, бдил из-за ближайших кустов). Не дело, если учительница превратится вдруг в надзирателя, не оставляющего опекаемых ни на секунду, — хватит с них и доктора Вайса.

И еще Сандра Леман приняла важное решение: выбросить из головы сведения.

полученные от этой дуры Филлис. Ее нанимал мистер Браун? Значит, она работает на мистера Брауна. Всё. Точка. Только так она и постарается называть отца своих учеников — даже мысленно!..

* * *

Плачущую горничную Сандра обнаружила, когда возвращалась к себе в комнату за книжкой, на которую скачала в городе массу интересных новинок, но так и не просмотрела их толком из-за всего, что навалилось. Решила пройти напрямик, мимо фонтана, и как раз перед ним на скамейке ее и увидела, рыдающую горько и безутешно. Не безупречную Мэй Ли, конечно, а вторую, Долли, милостивую крупную шатенку с простоватым лицом и детской улыбкой. Вот тогда-то у Сандры и испортилось настроение.

Вернее, еще чуть позже — когда она слегка подуспокоила несчастную девушку и сквозь всхлипывания и иканье сумела разобрать причину столь сильного расстройства.

Причиной оказался младший лакей Финеас Белл. Вернее, не он сам, а то, что сейчас мистер Браун его убивает. Или увольняет. Утащил в свой кабинет и там... А может, как раз и убивает, у него был такой голос!..

Бросив снова зарывавшую Долли заливать слезами скамейку, Сандра метнулась к дому. Нет, она, конечно, не предполагала, что над жизнью ушастого юнца действительно нависла серьезная угроза, но...

Сандра и раньше считала, что мистер Браун — страшный человек. Привыкший, что ему подчиняются беспрекословно. Но только теперь, вспомнив слова Филлис Нодье (которые совсем недавно она искренне решила выбросить из памяти), она осознала, как безграничны его мощь и власть. И как незавидна участь тех, кто поступает вопреки его воле.

О судьбе Лесли Уориша, бывшего начальника охраны, и миссис Сэвидж, предшественницы Сандры, например, служанки говорили только шепотом и пугливо оглядываясь. Сандре так и не удалось толком ничего выяснить. А ведь те двое просто халатно отнеслись к части своих обязанностей. Страшно даже представить, что здешний хозяин сделает с человеком, посмевающим запереть в чулане того, кого мистер Браун во всеуслышание называет своим сыном и наследником!

Как он сказал тогда доктору? «Вы почти что член семьи, и поэтому вам я прощаю то, чего не простил бы никому другому...» А ведь виной доктора были только слова. Просто слова! Пусть и оскорбительные. Физически он Рэнди и пальцем не тронул. К тому же бедный Финеас — всего лишь младший лакей, а вовсе не старый друг семьи и почти что родственник. Если мистер Браун теперь его просто уволит без выходного пособия и рекомендаций — считай, повезло. Бедный мальчик...

Сандра не помнила, что еще вчера искренне была готова прибить «бедного мальчика» на месте и крыла его последними словами. Сегодня бедный мальчик был в беде и нуждался в защите.

Опрометью промчавшись через холл и взлетев по центральной лестнице в левое крыло, где располагался кабинет хозяина, Сандра увидела у темных, плотно закрытых дверей тщедушную фигурку в ливрее — и поняла, что опоздала.

Финеас стоял, привалившись к стене. Похоже, идти не мог, да и стоять самостоятельно тоже. Лицо белое, глаза огромные, верхние пуговицы на униформе выдраны с мясом, словно ее с бедного парнишки пытались содрать, не расстегивая.

— Что он с тобой... — выдохнула Сандра, разрываясь между желанием немедленно

убедиться, что у ребенка нет серьезных повреждений, и боязнь причинить ему боль, если она ошибалась по поводу мистера Брауна и повреждения все-таки есть.

Финеас с трудом сфокусировал уплывающий взгляд, сглотнул. Ответил хрипло:

— Уволил...

— И только?! — успела обрадоваться Сандра, но Финеас медленно покачал головой.

— Не... не только. Еще отправил на курсы. Рукопашного боя. С завтрашнего дня. — С каждым произнесенным словом голос Финеаса креп, а взгляд становился все более осмысленным. — За отвагу, проявленную в сложной ситуации. И сказал, что я — паршивый лакей.

Он вдруг улыбнулся, яростно и ослепительно, и расправил плечи, окончательно отрываясь от стенки. И добавил, гордо вскидывая подбородок:

— И зачислил меня в охрану!

По коридору он ушел, чуть ли не печатая шаг.

Сандра проводила его потрясенным взглядом и подумала, что это никуда не годится. Совсем. Все-таки следовало прибить чертова мальчишку вчера, пока было такое желание. Потому что самое правильное и полезное чувство, которое надлежит испытывать в отношении нанимателя, подобного мистеру Брауну, — это легкая неприязнь и опасливое уважение. Они стимулируют, держат в тонусе и на нужной дистанции и настраивают на рабочий лад, все остальное может лишь помешать.

И совсем уж никуда не годится то, что теперь страшный мистер Браун (да-да, именно Браун, и только так!), похоже, начинает ей нравиться.

* * *

Кажется, первый раз свет мигнул именно тогда...

* * *

Позже, пытаясь расставить события того дня в хронологическом порядке, Сандра так и не сумела понять, действительно ли она заметила первый перепад напряжения, возникший при отключении силового купола, или просто додумала его уже потом. В левом, «деловом» крыле второго этажа, в отличие от правого с его игровым холлом, окна были лишь в самом конце, там освещение шло в основном за счет потолочных панелей. Так что да, она вполне могла и увидеть. И не придать значения.

Но могла и додумать. Потом. Тоже вполне.

* * *

Второй раз свет мигнул, когда Сандра шла через холл первого этажа. И это она заметила точно — из-за большого настенного экрана, на котором в беззвучном режиме шло какое-то музыкальное шоу. Трудно не заметить, когда прямо перед тобой изображение танцующих девиц вдруг схлопывается в точку — и полстены заливают чернота с мелкой рябью помех.

Изображение вернулось через секунду, Сандра не успела даже шага замедлить. Впрочем, она и так шла не быстро.

Сколько прошло времени после первого перепада (если исходить из того, что она его все же видела) до вот этого, уже точно замеченного? Немного. Несколько метров по коридору второго этажа, потом спуститься по лестнице и пройти до середины парадного холла. Она шла медленно, да. Но ведь и расстояние небольшое.

Выйти в сад Сандра не успела — дверь распахнулась резко, чуть не заставив ее отскочить. И в следующий миг отпрыгнуть ей все-таки пришлось — иначе доктор Вайс просто отбросил бы ее со своего пути, словно досадную неодушевленную помеху. Во всяком случае, так показалось Сандре, мимо которой обычно флегматичный немец буквально промчался, будто мимо пустого места. Окликать его и спрашивать, что случилось, было, ясное дело, бесполезно.

Ситуацию немного прояснила вбежавшая следом Долли — запыхавшаяся, бледная, но хотя бы уже не рыдающая. Уставившись на Сандру расширенными глазами и ломая стиснутые перед судорожно вздымающейся грудью пальцы, она выдохнула одно слово:

— Викки...

24 Предательство

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Сандра Леман

похищение

Дальнейшие события помнились Сандре обрывочными фрагментами. Отдельные яркие картинки, словно выхваченные стоп-кадром.

Вот Говард Крейн с налитыми кровью глазами и побагровевшим бритым затылком нависает над мелким взъерошенным Гаем и шипит свистящим шепотом, огромный и страшный в своей тихой ярости:

— Скажи мне, защитничек, — как?! Ты же мамой клялся, что система неприступна! Тогда как им удалось отключить силовой купол?!

А компьютерный гений, которого грозный начальник охраны мог бы шутя заломать одной левой, кричит, срываясь от возмущения на визгливый фальцет:

— Это ты мне скажи — как?! Вернее — кто?!

И тычет пальцем в запутанную схему на экране, и сыплет скороговоркой непонятные термины, между которыми лишь изредка вклинивается что-то относительно осмысленное:

— Вот, смотри! Все по протоколу... Видишь?! Систему не сломать! Извне!.. Внутренний ключ-код... высшего доступа... Видишь? Видишь?!

И огромный начальник охраны на глазах сдувается и словно бы становится меньше ростом.

* * *

Вот Филлис, перепуганная, зареванная, с растрепанной прической и некрасиво размазанной тушью. И дурацкая, обжигающая своей неуместностью мысль, что тушь эту жене управляющего наверняка рекламировали как патентованную и влагостойкую.

* * *

Вот Шарль Нодье, бледный до полной бесцветности, говорящий очень спокойным голосом:

— Я признаю свою вину и готов понести... в полном объеме...

* * *

Вот доктор, застыл у окна, глаза совершенно больные, собачьи. Шепчет почти беззвучно что-то вроде молитвы. Но если подойти, можно разобрать:

— Это я виноват... я... Я не должен был...

Подходить не хочется.

* * *

Вот Дороти Дженкинс, собранная и решительная, деловито сообщает, что начальник полиции обещал быть через семь минут. Все смотрят на Гая, колдующего над планшетом прямо тут, в угловом кресле. Тот досадливо отмахивается, не поднимая головы, и говорит,

что справится и как раз перезапустит, если ему не будут мешать.

* * *

Вот кадры из записей с камер видеонаблюдения, их запустили прямо на огромном экране холла, там, где раньше танцевали красотки в перьях. И короткое имя, выплунутое кем-то сквозь зубы:

— Лесли!

И Филлис, в истерике выкрикающая:

— Нет, он не мог, не мог!!!

* * *

Вот над усадьбой, над еще не снятым силовым куполом, завис полицейский флаер. Сам мистер Браун вышел его встречать. А она, Сандра, стоит рядом и прижимает руки к груди. Ее осенила страшная мысль: Фред Лавров! Вот почему он возобновил случайное дорожное знакомство! Вот что ему надо было на самом деле! Он что-то узнал... он сделал ее, Сандру, своей невольной пособницей...

Сандра еще не знает, какую помощь она оказала коварному Лаврову, но необходимо рассказать об этом типе начальнику полиции — вот прямо сейчас, как только флаер опустится...

* * *

Компьютерный гений справился и снял осадный режим вместе с силовым куполом, и машина полиции припарковалась прямо на клумбе перед ступеньками крыльца, сломав розовый куст. Сандра шагнула к флаеру — и остановилась в недоумении.

Потому что из флаера, распахнув дверцу, вышел вот именно Фред Лавров. Собственной персоной и в полицейской форме.

Обращаясь к мистеру Брауну, успокаивающе вскинул большие ладони:

— Ну вы же знаете моих ребят, сэр, они носом землю роют! Мышь не проскочит! Да будь во мне хотя бы одна целая косточка, я бы и сам, вы же меня знаете... Космопорт перекрыт, а на Шире этим мерзавцам не спрятаться...

И они ушли на второй этаж, в хозяйский кабинет. А в холле стало как-то тесно от полицейских, хотя вроде бы тех всего трое.

Из последовавших затем бесед под протокол (нет, мисс, это не допрос, всего лишь сбор свидетельских показаний, стандартная процедура, подпишите вот здесь и вот здесь, да, спасибо) Сандра вообще не смогла позже вспомнить ни слова.

Силовой купол был отключен на три минуты. Ключ-картой высшего доступа, с комм, стоявшего в павильоне у бассейна, Гаю удалось отследить путь сигнала. Таких карт было три: у начальника охраны, управляющего и самого Ричарда Брауна. Шарль Нодье свою предъявить не смог. Как и не смог точно указать время ее пропажи, поскольку утром забыл забрать ее из сейфа. Да, он помнит, что обязан носить ее при себе все время, но после вчерашнего происшествия был несколько... Нет, код от личного прикроватного сейфа он никому не давал. Да, он признает свою вину и готов понести...

Через три минуты после выключения силовой щит над домом и садом снова заработал.

И вместе с ним автоматически был задействован режим осадного положения с блокировкой всего и вся. Из-за чего пилотам вместе с охраной оставалось только беспомощно материться у бесполезных машин.

Купол был отключен на три минуты. Похитителям, среди которых и слуги, и сам мистер Браун уверенно опознали Лесли Уориша, бывшего начальника охраны, хватило полутора. На то, чтобы преодолеть расстояние от ограды до детской площадки, вырубить Грега блокатором, а Викки — станнером, закинуть оглушенную девочку в салон и покинуть территорию до того, как снова заработает силовой купол. Им хватило времени даже на то, чтобы забрать сообщника.

Рэнди.

— Камера не врет, сэр.

Они сидели в кабинете мистера Брауна — сам мистер Браун, доктор Вайс, Говард Крейн, Шарль Нодье, мистер Лавров... то есть начальник полиции мистер офицер Лавров («только не надо всех этих церемоний, зовите меня просто Фредом, мисс») и сама Сандра, сжавшаяся в уголке диванчика и не очень-то понимавшая, почему ее до сих пор не выгнали, но надеявшаяся, что не выгонят и дальше. С Филлис опять случилась истерика, доктор вколол ей успокоительное, но она все равно всхлипывала, и миссис Дженкинс пришлось ее увести.

— Врать могут только люди. Или киборги. Если им приказано. Но не камеры.

На записи было отчетливо видно, что флаер похитителей на несколько секунд завис в полутора метрах над землей, чуть подрагивая, будто от нетерпения — уже с Викки внутри и даже с захлопнутым блистером. Словно чего-то ждал. Или кого-то. И как метнулась к нему через детскую площадку крупная фигура в спортивном костюме от Фиорелли — тоже было отлично видно. Одним движением ввинтилась под днище, распласталась между полозьями. Флаер выждал еще пару секунд, словно давая последнему пассажиру время закрепиться поудобнее, и лишь после этого стартанул с места в форсаж. Словно действительно только его и ждал, этого последнего пассажира в спортивном костюме от Фиорелли.

Впрочем, почему «словно»? Все обитатели «Зеленых холмов» уверены, что именно его он и ждал. А мистер Браун молчит. После того как сказал, что заплатит за детей любую сумму и это не обсуждается.

Потом говорили другие. Горячо, прочувствованно, аргументированно. А Сандре тоже приходится молчать, закусывая губы изнутри, потому что у нее будет только одна попытка, и глупо тратить ее на тех, кто уже уверен, кого не переубедить. Все здешние обитатели заочно зачислили мальчика в предатели и подписали ему приговор, который обжалованию не подлежит.

Они все в этом уверены! Все...

Даже Говард Крейн больше, похоже, не сомневается. А Сандра сперва так обрадовалась, когда он начал спорить с мистером офицером Лавровым (только так, именно что мистер офицер Лавров, потому что тот, кто считает Рэнди предателем или вещью, недостоин того, чтобы Сандра называла его по имени даже мысленно!). Нет, ну правда же: зачем сообщнику прятаться под днищем машины, словно диверсанту в плохом боевике? Его должны были забрать в салон! Логично же!

«Не логично», — сказал мерзкий мистер офицер Лавров. Еще и вздохнул сочувственно

этак, словно и на самом деле переживает. А потом добавил, что флаер четырехместный, а похитителей как раз четверо, если считать и киборга («ну да, киборга, а вы что, не заметили? Тот, кто орудовал блокатором, явный брьюс из последних модификаций, если сомневаетесь — промотайте запись еще раз на нормальной скорости, сами убедитесь: ни один человек не способен действовать с такой точностью и скоростью»). Так что после похищения Викки в салоне их оказалось пятеро, девочку и так пришлось пристраивать на колени к кому-то из пассажиров. К тому же обратите внимание: флаер конверсионный, так называемая «продукция двойного назначения». Прототипом послужила облегченная десантная модель, на таких гардов часто перевозят снаружи, чтобы места в салоне не занимали — вон, видите, там даже ручки специальные для этого предусмотрены. Да и не только киборгов («я, помнится, по молодости тоже вполне успешно как-то раз... правда, тогда у меня еще все косточки целые были»).

А еще мистер офицер Лавров сказал, что все гарды засекают живые объекты сравнимой с человеком массы на расстоянии до сотни метров, и для их сканера не является существенной помехой даже метровая бетонная стена, не то что тонкое днище флаера. Все, даже древние силвестры, не говоря уж о шварцах и брьюсах. Если бы Рэнди не был для похитителей своим — брьюс его легко обнаружил бы и нейтрализовал, у старых моделей против последней разработки шансов нет ни малейших. Вернее, даже не так: обнаружил-то брьюс его в любом случае. А раз не стал нейтрализовывать...

Вывод ясен.

Вот после этой фразы Сандра окончательно и утвердилась в своей острой неприязни к такому добродушному, такой сочувственному и такому улыбочивому и вроде бы доброжелательно настроенному начальнику полиции мистеру офицеру Фреду Лаврову. Права была Дейзи: гримзик он! Дохлый гримзик.

— Это я виноват, — бормочет доктор. — Я не должен был оставлять малышку одну. Я ведь знал, что именно таким это и кончится...

Мистер офицер Лавров досадливо морщится, но не возражает. Хотя всем понятно, что доктор ничего не смог бы сделать против трех людей, вооруженных станнерами и киборгом. Но доктор все равно не может себе простить, что посчитал более важным проследить за убежавшим с детской площадки Рэнди. Да и за Рэнди он проследить толком не смог, потерял шустрого киборга из виду в зарослях. А когда увидел снова «этого монстра» бегущим обратно и поспешил следом — опоздал. Уже окончательно опоздал.

Доктор верен себе. И уверен в виновности Рэнди. Он всегда в ней был уверен, и теперь, пожалуй, даже чуточку рад тому обстоятельству, что все-таки не ошибался. Один из вариантов той самой горьковато-мрачной мазохистской радости по принципу: «А я предупреждал!» Может быть, ему действительно сейчас стало легче, когда случилось то самое страшное, в чем он был уверен с самого начала: ведь находиться в ожидании неминуемого ужаса гораздо тяжелее, особенно когда ничего не можешь поделать. А теперь самое страшное случилось, Рэнди действительно оказался предателем, сейчас в этом уверен не только доктор — и доктору можно слегка успокоиться.

Они все в этом уверены, им так проще. Ведь иначе окажется, что искать виновного надо среди по-настоящему своих. Что он до сих пор здесь, в усадьбе или даже доме и, может быть, готовится нанести следующий удар.

Они все уверены, что это не так. Они очень хотят быть в этом уверенными. Вот разве что Говард Крейн продолжает хмуриться и ненавязчиво так поглядывать на всех

присутствующих по очереди оценивающим профессиональным взглядом. Словно еще ничего для себя до конца так и не решил. Это хорошо, это дает надежду. У охранников паранойя в крови, ее даже профдеформацией не назвать. С ним обязательно надо будет поговорить. Потом. Наедине.

С Брауном тоже было бы идеально так — наедине. Жаль, не получится. Она тут вообще присутствует на птичьих правах, ее и не выгнали до сих пор лишь потому, что молчит и о себе лишней раз не напоминает.

А напомнить придется, когда они станут принимать решение о вызове спецподразделения и чистильщиков от «АванGARDa».

Пока вопрос поднимался лишь гипотетически и робко, но к этому все идет, ведь ребята мистера офицера Лаврова зря рыли носом джунгли и проверяли заброшенные фермы и подозрительные сторожки, и усиленные проверки в единственном столичном космопорту тоже ничего не дали. Ни один корабль с подозрительными пассажирами или грузом Шир не покидал. Ни на одной близлежащей ферме или фабрике соков, ни в одном поселке лесорубов или сборщиков кукурузы не видели посторонних на флаере. Похитители как сквозь землю провалились, на связь так и не вышли и требований не предъявили.

Однако Браун сказал, что заплатит за детей.

За обеих детей, а не только за дочь...

Но он один, а их вон сколько, убежденных и убедительных. К тому же он не может быть так уж твердо уверен в том, что все они ошибаются, он ведь не видел Рэнди на ступеньках, не слышал слов о «братике понарошку». Ему просто хочется верить в то, что Рэнди хороший. И живой, а вовсе не бездумная кукла, притворявшаяся живым по чьему-то приказу. Ему тоже так легче.

Просто желание верить. И все. А на другой чаше весов — жизнь обожаемой дочери. И мнение всех вокруг. В том числе старого друга семьи. И начальника здешней полиции. И начальника собственной охраны. И...

Он уже колеблется, не случайно же так долго молчит. А раз уже колеблется — это начало конца. Для Рэнди. Слишком недолго Рэнди был его сыном, чтобы...

Они его переубедят. Особенно если Сандра поспешит со своим выступлением и будет изгнана, и не останется никого, кто бы смог им помешать... ну, хотя бы попытаться.

Нет уж.

Ждать.

И заговорить лишь тогда, когда остальные выдохнутся и устанут повторять свои аргументы снова и снова. Ждать и молчать. И следить за Брауном. Чтобы не дать тому заговорить первым. Он упрямый. И если что-нибудь решит и выскажет это решение вслух, то уже вряд ли передумает...

Писк сигнала межпланетной связи показался оглушительным, вздрогнула не только Сандра. Но первая мысль, от которой у нее сердце ухнуло в пятки (как?! все-таки успели проскочить?..), оказалась неверной: звонили не похитители. Мистеру Брауну пришли какие-то деловые бумаги. Застрекотал принтер на правом углу стола. Выплюнул несколько листков. Замолчал.

Брауна документы не заинтересовали — или же он отлично знал их содержание. С непроницаемым лицом взял верхний лист из накопителя и, не глядя, протянул его мистеру офицеру Лаврову, по-свойски рассевавшемуся на углу стола, словно это был его кабинет.

Мистер офицер Лавров взял бумагу, чуть помедлив и с некоторым недоумением, но,

только глянув на шапку, как-то нехорошо обрадовался и разулыбался, сразу перестав выглядеть милым и добродушным.

— Мерзавцы перехитрили сами себя! — С этими словами он протянул бумагу управляющему, а недоуменно вскинувшему голову доктору бросил лишь одно непонятное слово: — Тайга!

Впрочем, непонятым это слово показалось, похоже, только Сандре, все остальные отлично поняли и заметно оживились. Даже Нодье кисло улыбнулся и не стал изучать полученный документ. Он тоже знал, что там.

Узнала и Сандра — немного позже, тем же вечером. Говард Крейн оказался достаточно любезен, чтобы не отдирать от своего лацкана вцепившуюся мертвой хваткой мило улыбающуюся девушку (ну, во всяком случае, Сандра очень надеялась, что улыбка получилась именно милой или хотя бы именно улыбкой). Ну или же быстренько все объяснить и таким образом отвязаться от оскалившейся злобной фурии показалось ему меньшим из возможных зол.

* * *

Улаживая юридические формальности по усыновлению Рэнди, Браун действовал просто и грубо, как танк без тормозов.

Он нашел одну маленькую, но гордую планетку под названием Тайга. В прошлом это была земная колония, но во время войны отстояла свою независимость. Отстояла главным образом потому, что была не только гордая, но и бедная. Было подсчитано: то, что от этой планеты можно получить, стоит дешевле, чем средства, затраченные на войну с ней. По всей планете — буйные джунгли почище иридийских, полезных ископаемых кот наплакал, местное население (которого наплакал тот же кот) экспортирует в основном лекарственные растения и шкуры пушных животных. Если бомбить джунгли, то в итоге победитель не получит ни шкур, ни растений, вот и решили не связываться.

А Браун связался. С президентом. И предложил: я вам построю на выбор или космодром, или роскошный медицинский центр, или отличный туристический комплекс, чтоб вы туризм развивали. А вы за это дадите гражданство моему киборгу. Да, такая вот у меня миллиардерская дурь, имею право, поскольку имею деньги.

Президент, не желая выглядеть смешным в глазах народа, выставил предложение странного богача на всетаежное обсуждение. Как он и ожидал, завязался ожесточенный спор. Но, к его удивлению, спор был не на тему «давать или не давать гражданство», а по вопросу: «что нам нужнее — медцентр, космодром или турбаза»? Сошлись на космодроме.

Это было месяц назад. Еще до приезда Сандры.

А сегодня таежный президент прислал официальный запрос на подтверждение просьбы о предоставлении гражданства Рэндольфу Брауну. И платежный чек на перевод первой суммы на строительство космодрома.

И понятно, почему так обрадовались все остальные, которые наверняка были не в восторге от подобной затеи: теперь Браун вынужден будет отказать таежникам, отозвать свое прошение и свернуть строительство. Даже если он уверен, что Рэнди не предатель и не засланный казачок, сработавший по приказу (а уверен он быть не может, только верить). Просто сын и наследник миллиардера (даже потенциальный сын и наследник) стоит намного дороже, чем принадлежащее этому же миллиардеру оборудование. Глупо давать в руки похитителей еще и такой козырь.

* * *

Все это Сандра узнала и поняла уже потом, вечером. А тогда, судорожно пометавшись взглядом по присутствующим и вернувшись к Брауну, она поняла лишь одно: опоздала. Слишком долго тянула, выжидая наиболее удобного момента, и в результате упустила их все. Браун уже принял решение. И что бы Сандра сейчас ни сказала или ни сделала, это уже ничего не изменит.

— Поторопились, мерзавцы, — удовлетворенно протянул мистер офицер Лавров, когда Браун, ни на кого не глядя, подвинул к себе планшет и прижал большой палец к левому нижнему углу для авторизации. — Выжди они еще немножко — и могли бы...

И замолчал на полуслове. В полной тишине щелкала электронная печать. Браун листал страницы, визируя каждую. Щелчки прекратились. Мяукнул сигнал отправки.

Первым, как ни странно, опомнился доктор:

— Что ты делаешь, Ричард?! Одумайся!

— Я отправил подтверждение запроса о признании Рэндольфа Брауна гражданином Тайги, Вальтер, — ответил Браун спокойно и даже мягко, но было внутри этой мягкости что-то такое, отчего у Сандры по спине побежали мурашки.словно смертоносный стальной кинжал, скрытый в мягких бархатных ножнах. — А сейчас перевожу деньги. Я плачу по своим счетам, Вальтер. Всегда плачу по своим счетам...

На этот раз сигнал отправки мяукнул как-то особенно резко. А может, Сандре это только показалось — по контрасту с избыточно мягким и ровным голосом хозяина кабинета. Браун поднял голову. Обвел присутствующих своим фирменным взглядом. Продолжил так же мягко:

— Я уже говорил это Вальтеру. Повторю остальным. Кто не слышал. У меня двое детей. И оба не понарошку. И ни одного из них я не предаю и не брошу.

На Сандру он, кстати, при этом так и не взглянул.

А она вдруг подумала о камерах. Тех самых, видеонаблюдения системы безопасности. Ее же предупреждали еще в самый первый день, как она могла забыть? Она тогда сначала неприятно удивилась, помнится, а потом решила, что за те деньги, которые платят здешним сотрудникам, некоторое вторжение в личное пространство можно и потерпеть. Издержки жизни представителей высшего общества и тех, кто на них работает. «Зеленые холмы» нашигованы следилками, как сладкая булка изюмом, разве что в душевых и спальнях их вроде бы нет, да и то на самом деле кто знает. А в коридорах они на каждом углу. И в саду.

И над пожарной лестницей — тоже.

Браун не просто верил. Браун знал.

25. Вы же меня не обидите?

Шир, 162 километра по прямой к северо-западу от усадьбы «Зеленые холмы»

Викки

вечер дня похищения

Страшно?

Не очень.

Злости много, хочется ругаться теми нехорошими словами, которые удалось подслушать у охранников. А еще хочется кусаться и царапаться.

Нельзя.

Потому что мысль «царапаться и кусаться» потащила за собой воспоминание: куколка в руках. Маленькая куколка в золотой короне. И голос Сандры: «Царапаться и кусаться — неправильно. Они вооруженные и сильные. Любой из них кулаком может разбить принцессе лицо. Но они не знают, что принцесса у нас умная и хитрая. И отлично умеет притворяться».

Викки совсем не хочется, чтобы ей разбили кулаком лицо. И да, она умная и хитрая.

Пока что она делает вид, что еще не очнулась. Ее же станнером шарахнули — так что она, должна разом очнуться и запрыгать?.. Нет уж, она лежит и ничего вокруг не видит и не слышит... Только чуть-чуть из-под опущенных ресниц оглядела, что могла.

То, что удалось увидеть, не радует. Бандиты не прячут лица. Будь на них маски, было бы спокойнее. Наверное, они и не собираются возвращать ее домой.

Ничего. Папочка их где угодно достанет. И спасет дочку.

Вон Лика Лойс из сериала про супергероев тоже попадала в плен. И не погибла...

— Гля, парни, она очнулась...

Дальше можно не притворяться, да?

Викки поднялась на широкой скамье. Задела рукой что-то небольшое, мягкое, оно упало под скамью. Глядеть, что там упало, сейчас было нельзя. Она же только что пришла в себя. Она ничего не понимает и очень испугана.

— Ой, дяденьки, где я?

«Дяденьки», конечно, гады, но на них, кажется, подействовал жалобный голосок испуганного ребенка. (Викки очень старалась!)

Долговязый патлатый тип сказал мягко:

— Не бойся, малышка. Ты немножко здесь погостишь, а потом вернешься домой. К папе.

— Ой, правда? — обрадовалась наивная-наивная, глупенькая-глупенькая принцесса. — Вы же меня не обидите? Я так и знала! У вас такие добрые лица!

Мерзкие рожи довольно заухмылялись.

И тут от двери донеслось:

— Хватит тут мяукать невинной овечкой!

Похолодев, Викки обернулась на знакомый голос.

Да! Лесли Уориш, бывший начальник охраны!

— Добрый день, мистер Уориш, — учтиво поздоровалась Викки.

— Не называй меня так, паршивка! Так меня называли, когда я был цепным псом твоего

папаши! Теперь у меня другое имя. Граф Монте. С Крита.

Он сошел с ума? Когда его брали на работу в «Зеленые холмы», наверняка проверили... Не мог он быть никаким Монте. И знать бы еще, что это за дыра такая — Крит...

И тут — то ли из сказки, то ли из кино — в памяти всплыло подходящее выражение. Викки заставила себя улыбнуться (сама чувствуя, что улыбка выходит кукольной) и сказала со светской учтивостью:

— Да, ваше высочество.

Кажется, так надо разговаривать с этими графами?

Лесли Уориш замер с раскрытым ртом. Те двое — патлатый и плешивый — захихикали. Отлично! Не так уж они и дружат с этим, с Крита...

Закрепляя маленькую победу, Викки обернулась к плешивому и патлатому:

— Скажите, дяденьки, а мистер граф у вас — самый-самый главный?

Хихиканье перешло в хохот, а у фальшивого графа побагровели уши. Совсем хорошо. Они все опасны для Викки, но, похоже, только у этого Монте — личная вражда. От него надо держаться подальше!

Отсмеявшись, плешивый сказал:

— Девочка, ты тут посидишь немного. Потом мы запишем письмо к твоему папе, ты его попросишь, чтобы...

Его прервал вопль «графа»:

— А это еще что? Смотрите! Смотрите!

Он нагнулся и поднял из-под скамьи маленького игрушечного медвежонка.

Викки ахнула, протянула к графу руки:

— Это моё, это моя игрушка! Это Винни-Пух! Отдайте!

— Откуда он взялся, тварь ты мелкая? — зло спросил «граф».

— Из моего кармана! — ответила девочка, старательно показывая удивление и страх. —

Он же такой маленький... он выпал...

— Не было у нее никакой игрушки! — обернулся «граф» к своим дружкам... и наткнулся на насмешливые взгляды.

Видимо, он сообразил, что выглядит попросту клоуном, и поспешил выйти из нелепого положения:

— Кстати, в игрушке может быть «маячок». Может, этот скот, ее папаша, так следит за дочкой.

Плешивый и патлатый разом посерьезнели. Плешивый сказал:

— Возьми этого зверя с собой и распотроши. А потом приходи сменить меня, я покараулю малышку... Девочка, не плачь. Мы потом зашьем твою игрушку и вернем тебе.

Викки не собиралась плакать из-за игрушки. Несчастное выражение, которое, должно быть, невольно появилось на ее лице, вызвано было тем, что придется остаться наедине с этим скотом Монте, или как его там... Как бы не начал издеваться над Викки, сводя какие-то свои дурацкие счета!

И тут подвернулся отличный случай.

Патлатый посмотрел в окно и воскликнул:

— О, шеф вышел! Он что, часовых решил проверить?

Плешивый тоже повернулся к окну.

Викки ни за что не упустила бы такой подарок судьбы!

Она вскрикнула, словно от боли и ужаса, кинулась к патлатому, вцепилась в его рукав,

словно ища защиты:

— А-а!.. Он меня ударил! Как только вы отвернулись... по голове... Дяденьки, за что?! Я же хорошая!.. Я слушаюсь!..

И ткнула рукой в ошарашенного «графа».

— Да чё ты врешь, дрянь?! — возмутился «Монте с Крита».

Тут у Викки наконец-то сдали нервы, она упала на лавку, лицом к стене, и искренне разрыдалась.

— Кто-то из вас двоих точно врет, — кивнул плешивый. — По-моему, это не девчонка... Знаешь, лучше будет, если ты подежуришь во дворе. А меня сменит Дасти.

— А чего это ты распоряжаешься? — взвился «граф». — Ты у нас шеф, что ли?

— А тебе нужен приказ от шефа? Ладно, пойдем к нему. Расскажешь, как ни с того ни с сего вздумал избить ценную пленницу...

«Граф» коротко ругнулся и вышел, хлопнув дверью.

— А ты, девчонка, не реви, — сказал плешивый, стоя над лавкой. — Он тебя не тронет. И медвежонка тебе потом вернем. Только будь умницей и делай, что велено.

Викки, не переставая всхлипывать и не оборачиваясь, пискнула что-то вроде «угу».

Патлатый оставил ее в покое — и хорошо, и прекрасно. Но Викки все еще не оборачивалась. Не потому, что не сразу удалось унять всхлипывания. Нет, Викки прятала зареванные, но сияющие от радости глаза.

Потому что не было у нее в кармане никаких игрушек. Когда они с Рэнди пошли на игровую площадку, она вспомнила, что забыла медвежонка в классе. И Рэнди вызвался за ним сбегать.

Кто мог подбросить сюда Винни-Пуха?

Только один человек на свете!

Братик нашел свою сестричку!

26. Боевой режим

Шир, 162 километра по прямой к северо-западу от усадьбы «Зеленые холмы»

Рэнди

вечер дня похищения

Локация: квадрат 125-18.

Местное время: 19–34.

Видимость 76 %. Активировать инфракрасный режим? Применить/Отмена.

Отмена.

76 % — вполне достаточно.

Локация — охраняемый вход на закрытый объект. Охрана: люди, киборги, численность отлична от нулевой, точное количество не установлено, предполагаемое на основе визуальной фиксации ≥ 6 для людей и ≥ 1 для гардов модификации брюс. Запустить процесс анализа+уточнения? Применить/отмена.

Применить.

Задание: проникнуть внутрь, не привлекая внимания. Поправка к заданию: попутное сокращение численности живых объектов противника.

В зоне ближнего сканирования обнаружено два живых объекта категории «враг, подлежащий нейтрализации» подкатегории «человек». Вооружены.

Удачность локации: не критично ниже средней.

Вероятность успешной нейтрализации обоих объектов без привлечения постороннего внимания 38 %. Приступить к нейтрализации? Применить/Отмена.

Отмена.

Как говорил Коршун: «Там, где мы, — нет ни шума, ни пыли. Пусть другие пылят и шумят, если им так хочется. А мы слушаем».

Включить удаленный микрофон? Применить/Отмена.

Применить.

Выполнено.

Увеличение расхода энергии: +0,9 %. Пренебречь.

— Ты опять к своему тайнику?

— А тебе что, завидно?

— Смотри, шеф узнает — мало не покажется.

— А я и тебе отсыплю. Чтобы он не узнал. Идет?

— Я за язык не тянул. Но и откажусь хрена с два.

— Заметано!

— Только смотри, меня через полчаса Майк сменяет! Успеешь?

— А мы и ему отсыплем! У меня на всех хватит!

— Он же не курит!

— Тогда стоит поторопиться...

Живые объекты разделились. Первый остался у проходной, второй приближается. Система предлагает нейтрализовать его здесь с вероятностью не привлечь постороннего внимания в 67 %. Не идеально. Во всяком случае, Коршун бы точно сказал, что 67 % — это ровно на 33 процента меньше, чем необходимо и достаточно.

Да что там, он так и говорил. Часто. Правда, потом в половине случаев все же приказывал атаковать. И как-то так получалось, что проценты в итоге всегда округлялись до сотки, причем в нужную сторону. Он был везучий сукин сын, хотя и Коршун. Так про себя и говорил: «Я везучий сукин сын, и пуля для меня еще не отлита». И это заставляло Рэнди зависать, потому что у них не было никаких пуль, только бластеры, и у врагов тоже стрелкового оружия он не видел ни разу. Хотя никакого Рэнди тогда еще и не было. А был Обормот. Тоже хорошее имя. Но Рэнди лучше.

Впрочем, Коршун никогда не рисковал там, где можно было без этого обойтись...

Рэнди бесшумно скользнул по веткам за поворот тропинки. Прикинул расстояние. Пожалуй, теперь достаточно. Риск не более 7 %. Нет, пожалуй, даже 6 %. Приемлемо.

Не хрустнула ни одна ветка, не прощуршали даже листья — несмотря на свои немалые габариты, киборг спрыгнул на тропинку в метре за спиной ничего не подозревающего человека совершенно беззвучно. Короткий шаг вперед, чтобы вплотную, одной рукой придержать подбородок, второй быстрый взмах ножом по горлу — все со спины, чтобы не забрызгало хлынувшей кровью. Забросить тело в кусты, подальше от тропинки. Тоже бесшумно. Вернуться на наблюдательный пункт.

Шесть процентов — это все-таки шесть процентов, а округлять всегда надо до сотки. Чтобы без шума и пыли.

Так учил Коршун.

27. По-походному

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Сандра Леман

вечер после похищения

Обед был подан в половине восьмого.

Впрочем, про него в тот день никто бы, наверное, так и не вспомнил, если бы не миссис Дженкинс. Она подала его сама при помощи безупречной, все так же ослепительно улыбающейся Мэй Ли и двух сервировочных столиков прямо в рабочий кабинет. И извинилась за то, что, сообразуясь с ситуацией, взяла на себя смелость и велела не накрывать в столовой и ограничиться лишь холодными закусками и кофе. По-походному.

Сандра, которая до этого о еде не думала совсем (а если бы и подумала, то отмахнулась бы от таких мыслей, как от полной чуши: все равно ведь в таком состоянии ни у кого кусок в горло не полезет), вдруг, к величайшему собственному смущению, поняла, что ужасно проголодалась. Она никогда ранее не замечала в себе склонности заедать неприятности, однако сейчас есть хотелось просто зверски.

«По-походному» подразумевало, что обедать придется без приборов, а потому все салаты, запечености и паштеты были разложены по тарталеткам и крохотным сэндвичам на шпажках.

Мистер офицер Лавров больше обрадовался огромному термосу с крепким кофе. Тут же набулькал себе большую кружку («нет, молока не надо, спасибо, мисс»), а заодно нагреб и полную тарелку бутербродов, к уничтожению которых и приступил с той же жизнерадостной непосредственностью, с которой, похоже, делал в этой жизни все.

Кто-то вспомнил об отсутствующих, но миссис Дженкинс сообщила, что миссис Нодье еще спит, а о мистере Честере позаботились. Как и о людях мистера офицера Лаврова, он может не беспокоиться.

— Да-да, конечно, спасибо, миссис... э-э-э... спасибо, — сказал мистер офицер Лавров, хотя Сандра что-то не замечала, чтобы он так уж сильно о ком-то беспокоился.

Он вообще выглядел задумчивым и рассеянным, быстро расправился с бутербродами и кофе и первым покинул кабинет, прихватив с собой Говарда Крейна и пробормотав маловразумительное что-то о «сообразности изменившейся ситуации». Мэй Ли собрала опустевшие тарелки и принесла новый термос, которым тут же воспользовался заскочивший Гай, сообщив, что из смотровой его выгнали копы. Ричард Браун, потягивая кофе, раскрыл несколько вирт-окон и сосредоточенно листал какие-то графики: то ли делал вид, то ли действительно предпочел погрузиться в повседневную привычную работу. Похоже, он не возражал против того, что его кабинет превратили во что-то типа временного штаба. Во всяком случае, не требовал освободить столь нагло занятое всеми помещение. Даже дверь закрыть не требовал, она так и стояла нараспашку.

И Сандра рискнула отправиться на поиски Говарда Крейна, с которым ей обязательно надо было поговорить: ведь кто-то же должен выяснить, кто отключил купол! А кому это сделать, как не начальнику охраны, который знает тут всех и по долгу службы просто обязан хоть немного, но разбираться в ведении расследований? Не на полицию же надеяться, в самом-то деле! Особенно если руководит этой полицией мистер офицер Фред Лавров, рядом с которым даже червонец из пенопласта выглядит не такой уж фальшивкой.

Часы на первом этаже пробили восемь.

28. Как учил Коршун

Шир, 162 километра по прямой к северо-западу от усадьбы «Зеленые холмы»

Рэнди

вечер дня похищения

Локация: квадрат 125-19.

Местное время: 20–04.

Видимость: 57 %. Задействовать инфракрасное зрение? Применить/отмена.

Применить.

Выполнено.

Увеличение расхода энергии — +1,2 %. Принято.

В инфракрасном режиме погруженный в вечерние сумерки двор заброшенного завода выглядел совсем иначе. В первую очередь не таким уж заброшенным. Засияли трубы теплотрассы и нагретые решетки вентиляционных выходов, металлические детали и части пришедших в негодность производственных механизмов, разбросанные бессистемно по всей территории и успевшие остыть, на фоне светлой относительно теплой земли казались почти черными.

И радужно переливался силуэт человека, что брел, чертыхаясь, вдоль ограды и ругался на разных возомнивших о себе придурков, не поверивших на слово честным людям и поотбиравших у них фонарики, отчего честным людям теперь приходится спотыкаться на каждом шагу. А ведь честные люди честно обещали, что не будут ими пользоваться!

До объекта четыре метра. Объект категории «враг, подлежащий нейтрализации».

Удачность локации: высокая.

Вероятность успешной нейтрализации без привлечения постороннего внимания: 98 %.

Приступить к нейтрализации? Отменить запланированное действие?

Приступить.

Принято.

До объекта два метра. Один метр. Пуск.

Выполнено.

Свернуть шею человеку нетрудно, тем более если прыгаешь на него сверху. Куда сложнее сделать это бесшумно. Особенно когда весь задний двор засыпан хрусткой щебенкой.

Но киборг справился.

Приземлился аккуратно, на носочки, присел, гася инерцию, и успел подхватить начавшее заваливаться тело бывшего часового вовремя, не дав ему упасть и наделать шума. Оттащил в угол, к цеху первичного брикетирования, и запихнул в щель между стеной и оградой, куда, казалось, не могла бы протиснуться и кошка. Тоже абсолютно беззвучно.

«Вокруг нас шума нету, — говорил Коршун. — Шум поднимается, когда мы уже ушли».

Вокруг Рэнди нет шума. Коршун был бы доволен.

На подлежащей зачистке заводской территории осталось восемь объектов категории «враг, подлежащий нейтрализации» и один объект приоритетной значимости, подлежащий

изъятию в неповрежденном виде.

Рэнди моргнул. Не объект. Викки. Но... Пусть лучше пока остается для системы именно что объектом приоритетной значимости. Так надежнее. И системе привычнее.

Система не может испытывать эмоций. Она не человек. И даже не киборг. Она — система. Но если бы могла, то, Рэнди в этом уверен, сейчас она была бы счастлива: она наконец-то снова делала то, для чего была создана.

На 11–30 два живых объекта категории «враг, подлежащий нейтрализации». Не первые в списке принятой очередности. Удачность локации средняя. Вероятность нейтрализации без привлечения постороннего внимания 54 %. Приступить к нейтрализации? Отмена запланированного действия?

Отмена.

Коршун учил, что заданную очередность нейтрализации объектов менять следует лишь в экстренных обстоятельствах или при очень удачном их стечении. В данный конкретный момент признаков ни первого, ни второго не обнаружено. Значит, менять не будем. Первыми по списку идут часовые. Их дольше всего не хватятся. Остальные — потом.

Пусть шумят. Послушаем.

— *Да не трогал я ее!*

— *Я сказал. Чтоб и близко.*

— *Стив, да ты что, не понимаешь?! Эта мелкая дрянь нас просто поссорить хочет! Я ее и пальцем!..*

— *Пальцем, да? А кто ей полный заряд вкатил? Всех же предупреждали, чтобы поделикатнее, на минималке... а ты шарахнул по максимуму. Еще бы чуть, и она бы вообще не очнулась!*

— *Мы были на операции, а не на прогулке! И что мне оставалось делать?! И медвежонок этот ее...*

— *Ну да, теперь еще к медвежонку привяжись.*

— *Откуда она его взяла? Не было при ней сначала игрушки, вот чем хошь клянусь, не было!*

— *Лес, прекращай. Все знают, что у тебя зуб на ее папашу, вот ты на дочке и отыгрываешься...*

— *Да не отыгрываюсь я!*

— *Лес, я сказал. Еще раз рядом увижу — сам урою. Нам не нужны неприятности. Нам нужны деньги. Понял, сраный граф Монте!*

— *Да пошел ты!*

Объект «Стив» ушел в направлении гаража. Хлопнула дверь. Объект «Лесли» остался топтаться у стены цеха, невнятно матерясь. Вжикнула молния. Зажурчало.

Перерасчет ситуации. Выявлена крайняя степень удачности сложившихся обстоятельств. Принять коррекцию списка очередности? Продолжить/отмена.

Продолжить.

Принято.

Приступить к нейтрализации объекта первой очередности? Приступить/отмена.

Приступить.

Принято.

Выполнено.

В щель между цехом и оградой вполне упихнется и еще одно тело.

Викки пришла в себя. Это хорошо. И Винни-Пух у нее. Еще лучше. Значит, она знает что Рэнди рядом. Значит, не будет делать глупостей и отыграет ситуацию правильно, как учили.

Уже отыгрывает.

Хорошо, что Рэнди не надо отыгрывать ученого сильмарианца: у них слишком сложная манера говорить.

29. Разгадка

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Сандра Леман

вечер дня похищения

— Да, мисс... Я благодарен вам за предоставленную информацию, мисс, и мы обязательно...

Но Сандра слишком хорошо знала этот тон вежливой отмашки, чтобы купиться на произнесенные им слова.

— Нет, мистер Крейн, — сказала она специально отработанным для подобных случаев учительским голосом, старательно улыбаясь и цепко удерживая начальника охраны за рукав пиджака. — Боюсь, что вы как раз не понимаете. Потому что не слушали. Я просила всего лишь пять минут вашего внимания, но вы не дали мне и секунды. Все ваше внимание устремлено вслед мистеру офицеру Лаврову и мистеру Нодье, а на меня вы даже не смотрите. И не слушаете. Сможете повторить мои последние слова, мистер Крейн?

Говард Крейн посмотрел вдоль коридора — уже опустевшего, поскольку оба шедшие по нему мужчины давно свернули на лестницу, — обернулся к Сандре, обреченно вздохнул и... повторил ей все, что она говорила ему последние две минуты. Не дословно, но очень близко к тексту. И даже мерзкий учительский тон финальных фраз скопировать умудрился.

— Извините... — пискнула Сандра, разжимая пальцы и смущенно пряча руки за спину. — Но я и правда думала... то есть хотела... то есть... извините. Но ведь это и правда важно!

— Конечно, важно, мисс Леман. — Говард Крейн снова вздохнул и на этот раз сам взял Сандру под локоть. — И раз уж вы меня все равно задержали, давайте пройдем в холл, там есть удобный диван.

Диван действительно оказался удобным, а начальник охраны заговорил раньше, чем они уселись.

— Думаю, совсем замять это не удастся, вы все равно узнаете если и не все, то большую часть... Даже если не будет предъявлено официальных обвинений, а их, скорее всего, предъявлено не будет, мистер Браун не любит публичности... Да вы бы уже все узнали, если бы оставались в кабинете: мы с комиссаром как раз шли предъявить мистеру Брауну виновного и доказательства, когда вы так решительно вцепились мне в рукав.

— Нодье?! — охнула Сандра, вспомнив, каким растерзанным и несчастным выглядел блондин управляющий: ни дать ни взять мокрая белая мышь рядом с толстым довольным котом.

— Его жена. Стоило отследить по записям перемещения обитателей, и это стало очевидным. Просто ей пришлось снова вколоть успокоительного. Впрочем, вина самого Шарля тоже немалая, по крайней мере, в идиотизме и разгильдяйстве: если уж делаешь кодом своего сейфа дату свадьбы — не стоит сообщать об этом новобрачной.

Часы в холле пробили девять.

Шир, 162 километра по прямой к северо-западу от усадьбы «Зеленые холмы»

Рэнди

вечер дня похищения

Локация: квадрат 125-21.

Местное время: 21–08.

Нейтрализация часового завершена. Периметр зачищен. Первые четыре пункта списка очередности нейтрализованы успешно.

«Мы не пехота, — говорил Коршун, — мы пленных не берем». Если бы система могла, она бы сейчас улыбалась.

Составить новый список очередности?

Приступить к исполнению/Отменить.

Отменить.

Коршун говорил: «Не думай тогда, когда надо прыгать, и не прыгай тогда, когда надо думать». Правда, он так и не объяснил, как различать эти два разных «тогда». Или объяснил, но когда рядом не было Рэнди.

Пришлось угадывать.

С прыжком Рэнди угадал правильно — успел добежать, успел прыгнуть, даже закрепиться успел. И спрыгнуть тоже успел вовремя, до того, как флаер подлетел слишком близко к месту назначения и оказался в пределах видимости охранников. Высота штатная — шли на бреющем, над самыми кронами, «обозников» и с куда больших высот успешно десантировали, причем не только киборгов.

И с кодами его анализ и расчет оказались верными. Интересно, вот с кодами — это что? Все еще «прыгать» или уже «думать»?

Это удачно получилось, что Викки забыла Винни-Пуха в домике на дереве. Оттуда хороший обзор. И бывшего начальника охраны Рэнди узнал сразу, хотя видел всего один раз. А дальше было просто. «Чертов лентяй! — ругался на бывшего начальника охраны мистер Честер, перекодируя Грега. — За четыре года ни разу не сменил коды защиты! Гарда нового купили, а он все равно старые пароли всобачил!»

Могло не сработать, расчет давал ровно 50 % вероятности. Конечно, «лентяй однажды — лентяй всегда», как говорил Коршун, но Лесли Уориша могли не допустить к управлению именно этим киборгом. Или к его настройкам. Могли.

Но — сработало. Брюс похитителей принял старые коды Грега как родные, опознав Рэнди в качестве дружественного оборудования. Которому не стоит противодействовать и о котором не обязательно докладывать хозяевам, пока те не спрашивают.

И с Винни-Пухом хорошо получилось. Не уронил его, пока бежал. И пока летели — тоже. И использовал правильно — забросил, как кодированный пакет с информацией «я тут». Вернее, как расширенный пакет, не только информационный, но и мотивирующий: «Не бойся, я с тобой». Пять метров двадцать три сантиметра от вентиляционной отдушины до скамейки, на которую положили Викки, внутреннее помещение, поправка на ветер отсутствует, расчет траектории элементарный. Чтобы точно под руку. Ничего сложного. Ну да, бросок из неудобного положения и снаряд нестандартный, но бывало и хуже. Так что с

правильным «тогда» для прыжков Рэнди угадал. Коршун был бы доволен.

Теперь, наверное, пришло «тогда» на «думать»...

* * *

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Сандра Леман

вечер дня похищения

...Нет, не деньги... Немножко шантажа, немножко лести, немножко «по старой дружбе» и «войди в мое положение». Ни о каком похищении, конечно же, речи не шло, он утверждал, что хочет сделать несколько домашних голографий Викки, таблоиды хорошо платят за такие снимки людей, подобных... хм... мистеру Брауну, и за снимки их ближайших родственников тоже. Просто снимки, ничего неприличного, небольшая компенсация за финансовый ущерб и обиду, которые и сама Филлис считала несправедливыми. Да, конечно, поверить в такую чушь могла только... Филлис...

...Нет, что вы, я тут совсем ни при чем, это все комиссар Лавров. Он только выглядит увальнем, а так редкая умница. Он бывший военный, комиссован из-за серьезных ранений, вы не знали? Впрочем, откуда, вы же не местная... Про войну почти не рассказывает, но когда однажды Мак-Рой... вы же слышали про нашего соседа, да? Так вот, когда он однажды разбуянился в кабаке и размахался кулаками в присутствии комиссара, то и понять ничего не успел, как оказался лежащим на полу, мордой в линолеум и с закрученными назад руками. А комиссар, защелкивая на нем наручники, сказал, ну, знаете, как он обычно это говорит, добродушно так: «Будь у меня хоть одна косточка целая, я бы тебе показал...»

Так что нет, я не опасаясь, что он в одиночку не справится с Шарлем. И теперь, когда мы выяснили этот вопрос, может быть, мы вернемся в кабинет мистера Брауна? Вдруг там есть какие-то новости...

30. «Палец инженера»

Шир, 162 километра по прямой к северо-западу от усадьбы «Зеленые холмы»

Рэнди

вечер дня похищения

Локация: квадрат 125-22.

Высота над уровнем пола: 17,32 метра.

Видимость удовлетворительная, инфракрасный режим не требуется. Живые объекты категории «враг» в пределах контролируемой зоны отсутствуют. Живые объекты любой категории — отсутствуют.

Удачность локации для текущих задач: высокая.

Рэнди лежал на потолочной балке цеха первичного брикетирования. Думал. Цех был полностью автоматизирован и не требовал присутствия людей, а шум работающего внизу оборудования киборг фильтровал.

Пятеро из десяти объектов категории «враг, подлежащий нейтрализации» к данному моменту времени прекратили свою жизнедеятельность. Что повысило вероятность успешного изъятия объекта приоритетной значимости с изначальных четырнадцати

процентов до шестидесяти трех. Коршун бы сказал, что это хорошая тенденция, хотя пока еще и на тридцать семь процентов меньше оптимума.

С каждым следующим нейтрализованным незначимым объектом вероятность успешного изъятия объекта значимого возрастала. Проблема заключалась в том, что с каждым нейтрализованным объектом возрастал и риск того, что присутствие Рэнди — или следствия этого присутствия — будут обнаружены объектами, пока еще не подвергнутыми нейтрализации. И Брюсу будет задан хозяевами конкретный вопрос. А потом и поставлена конкретная задача.

Рэнди не обольщался по поводу собственных шансов справиться с более продвинутой моделью — но и не считал их такими уж эфемерными. Улучшенные ТТХ, конечно, дают Брюсам определенные преимущества как линейке, зато этот конкретный киборг никогда не служил в ОБОЗе и не учился у Коршуна.

Но это будет... шумно. И может округлиться до сотки вовсе не в нужную сторону. Коршун бы не одобрил.

Можно воспользоваться тем, что пока присутствие Рэнди Брюсом игнорируется. Киборг послан охранять периметр от вторжения посторонних и предупреждать о приближении незваных гостей. Рэнди он пропустил, Рэнди для него пока еще свой, причем категории «оборудование», о таком не докладывают.

Пока не задан прямой вопрос.

Объект приоритетной значимости содержится в административном здании, в раздевалке сотрудников. Охранников двое, один в самой раздевалке, другой в коридоре. Еще двое спят в соседнем помещении. Изъять объект приоритетной значимости несложно, как и устранить объекты категории «враг». Сложно предотвратить оповещение Брюса одним из объектов последней категории в процессе их нейтрализации. Практически невозможно предотвратить.

Впрочем, вероятность успешного изъятия объекта приоритетной значимости при таком развитии событий остается достаточно высокой. Те самые шестьдесят три процента.

Коршун бы рискнул. Наверное.

Но Коршуна здесь нет. А Викки есть. И ею Рэнди рисковать не готов.

Брюс является угрозой наивысшей значимости. Значит, первым надо нейтрализовать именно его, а потом уже приступать к изъятию объекта и нейтрализации менее значимых угроз.

Прямой боевой контакт отпадает: при лобовом столкновении даже имеющий опыт ОБОЗа гард однозначно получит избыточно существенные повреждения, затрудняющие дальнейшее штатное функционирование.

Но у Рэнди ведь есть опыт не только ОБОЗа.

«Это мисс Леман, — сказал отец. — Она научит тебя главному. Тому, что ты должен знать в жизни».

Мисс Леман учила многому. Наверное, главное там тоже было. Но сейчас Рэнди нужно не главное, а то, что поможет справиться с Брюсом. Чужой опыт. Мисс Леман читала книги. Задавала читать самому. Обсуждали. Викки тоже читала. Так интереснее, чем самому, хотя сам Рэнди читал гораздо быстрее. Много новой информации, интересной, полезной. Много чужого опыта. Разного.

Винни-Пух не подходит, там опыт не тот, там все добрые. И никто никого не ликвидирует. Нужны другие, с описанием разных способов прекращения

жизнедеятельности. Мисс Леман называла их «староанглийской детективной классикой». Таких рассказов Рэнди прочитал больше, чем Викки.

Рэнди стремительно пролистал нужный раздел архива, соотнося описания с окружающими реалиями. Несколько идей показались ему достаточно перспективными, но после более внимательного изучения были с сожалением отброшены как требующие для успешной реализации слишком долгой и тщательной подготовки или дополнительных условий, отсутствующих на данный момент. А вот это, пожалуй, может быть...

Рэнди с сомнением сфокусировал взгляд на работающем внизу трамбовщике, сравнивая его технические характеристики с только что прочитанными. И пришел к выводу, что расхождения если и имелись, то не в пользу гидравлического пресса. Особенно по скорости.

Принято.

Работаем «Палец инженера».

Осталось только заманить бруска в нужное место, пока действуют коды.

31. Индугенция

Шир, 162 километра по прямой к северо-западу от усадьбы «Зеленые холмы»

Викки

вечер дня похищения

«Папа, я обещаю, что буду самой послушной, самой хорошей, правда-правда!!!! Только пожалуйста, ПОЖАЛУЙСТА!!! Я ужасно ужасно ужасно тебя прошу...»

Викки поморщилась и стерла написанное. Погладила лежащего в кармане медвежонка. (Винни-Пуха ей вернули распоротым по шву, но это ничего, дома она попросит его починить.) Нахмурилась. Умный пластик хорош тем, что можно писать ногтем, а стирать подушечкой большого пальца. Удачно, что сегодня с утра были наброски для вечернего урока рисования. Она сунула гибкую пластинку в карман, а потом забыла вынуть.

Это удачно. А вот такое начало — нет.

Викки не умела писать писем. Просто не было кому. А уж тем более никогда не писала их отцу. Зачем? Всегда проще поговорить лично или по комму.

Но сейчас написать было надо. Очень надо. Заранее. Чтобы было документальное свидетельство. Отец бизнесмен, он серьезно относится к документам. Куда серьезнее, чем к просьбам и мольбам, пусть даже и со слезами, Викки видела.

За дверью комнатенки вяло переругивались Мистер Патлы и Мистер Плешь. У них были имена, но Викки не собиралась запоминать. Она отыгрывала с ними принцессу — ох, мистер! Вы такой большой, такой сильный, а Викки такая маленькая и беспомощная, вы же не станете обижать Викки, правда? Викки — это я, меня так зовут!

У игры оказалась интересная подкладка: если важно, чтобы они не просто считали ее беспомощной малышкой, но и называли по имени (а это было важно, Сандра подчеркивала, так они начинали подсознательно воспринимать Викки человеком, сочувствовать ей, пусть даже совсем чуть. это могло сработать на пользу) — значит, это работает и в обратную сторону. Они — не люди. Просто стихийное бедствие, которое надо переждать, стараясь выжить любыми способами. Они не люди.

А значит, и имен у них быть не может.

Викки не прислушивалась, но все равно слышала их бубнеж. Это только стенки тут бетонные и толстые, ложкой подкоп не проковыряла бы даже сериальная Лика Лойс, а дверь

из тонкого пластика. Никакой тебе звукоизоляции и вышибить можно с полпинка. Нет, не для Викки, конечно, но та же Лика Лойс смогла бы, она в своих рейдах и не такие вышибала.

Или Рэнди.

Викки поняла, что улыбается, яростно, до боли за ушами, и стискивает плюшевого медвежонка.

Рэнди лучший! Самый-самый! Ни у кого нет такого брата. Не только сумел ее найти, но и предупредил, чтобы не волновалась и вела себя правильно. Подкинул Винни-Пуха.

С недавних пор она уже не завидовала Лике Лойс. Хотя та была почти взрослой, работала в лиге супергероев по учинению справедливости и вообще была круче трека на взлет. И волосы у нее светились в темноте, словно фонарики, раньше Викки тоже себе такие очень хотела. Маленькой была, глупой. Не понимала.

Чему тут завидовать?

Ведь у Лики Лойс не было Рэнди! Не было, нет и никогда не будет!

А у Викки есть.

Бедная Лика, ее можно только пожалеть.

Рэнди любую дверь вышибет с полпинка. Он такой! Это он сказки не понимает, как глупенький несмышлениш, и играть совсем не умеет, слишком всерьез начинает, как будто взаправду, а вовсе не понарошку. Но когда не понарошку на самом деле — он как раз тоже не понарошку будет. Викки знает, видела. Для него все слишком всерьез.

И в этом была проблема.

Викки было страшно — третий раз в жизни. И все три раза она боялась не за себя. Глупо бояться за себя той, чья настоящая фамилия — Ванделер. (Да-да, Викки это знает — и привыкла этим не хвастаться, папа же не хвастается!)

Впервые Викки узнала настоящий страх, когда полиция уводила Рэнди. Она глядела на него с балкона, сверху вниз — страшное обгоревшее лицо, движения механической куклы... и понимала, что его уничтожат. Не такая уж она маленькая, знает...

И тогда она закричала, что прыгнет с балкона, если ей не вернут братика, и она действительно махнула бы через перила, потому что видела, как на ее голос он повернул голову — совсем чуть-чуть, но это было живое движение!

Второй раз ей было страшно во флаере, когда летели из Пониленда. Да, все было уже позади, но как раз тогда и пришел страх — вместе с пониманием того, что Рэнди мог погибнуть из-за ее глупой выходки.

И вот теперь снова пришел страх — третий раз в жизни.

Бандиты? Да тьфу на них! Полиция наверняка скоро будет здесь.

Виктория боялась прибытия полиции.

Рэнди не будет ждать полиции. Он наверняка уже... действует. Сам. Без приказа...

В памяти зазвучал голос молодого полицейского из Пониленда:

«Ваш папа приедет в наш участок за своим киборгом. А мы тем временем его как следует протестируем. Во избежание...»

Рэнди, отважный и могучий, будет незащищен перед полицейским жетоном...

Чем Викки может ему помочь? Да, у полицейских наверняка есть свои кнопки, но их сразу не найдешь. Надо придумать что-то другое...

Викки снова потянулась к пластику.

«Папа! Это УЛЬТИМАТУМ! Если ты собираешься наказывать Рэнди или позволишь полиции его забрать, то я...»

Вздыхнув, она стерла новое начало еще до того, как успела придумать наиболее действенную угрозу. Это с другими так можно было. Не с отцом. С ним не сработает, отец никогда не платил шантажистам. Он много раз говорил, что нельзя поддаваться на угрозы, что это путь в один конец. Такое его только... не разозлит, нет. Расстроит. Что Викки оказалась глупа и не усвоила уроков. К тому же такое детское... оно тоже как игра, почти как в принцессу, но отец же не эти гады!

Надо по-другому. Иначе. Чтобы он понял. Чтобы поверил и осознал. Чтобы убедился. Потому что Рэнди — здесь.

Рэнди не любил тивишки про войну. И играть в нее не любил, напрягался всегда. Викки ему это снисходительно прощала, хотя в глубине души и считала немного смешным: она девочка и не боится, а он такой большой, такой громила, и боится! Это грело, позволяя чувствовать себя словно бы старшей еще по одному пункту, кроме сказок и игр вообще. Учить. Приятно, когда к тебе с настоящим вниманием и восторгом прислушивается кто-то настолько большой и взрослый, как Рэнди. Насколько сильный.

Случай с кошкой все расставил по местам. Рэнди боялся, потому что знал, как это бывает на самом деле. Когда не понарошку. Если подумать, он ведь только это и знал!

Теперь знала и Викки.

И знала, что сейчас вокруг не очередная серия о приключениях Звездной Лики. И что хотя ее проблемы вот-вот закончатся, но одна останется, самая серьезная — проблема самого Рэнди.

Он не станет церемониться с этими, у которых нет и не может быть имен...

Был бы он человеком — это не было бы проблемой. Самооборона и все такое, освобождение заложника. Угроза жизни ребенка, взрослые над этим трясутся. Может, его бы поругали слегка. А может даже и наградили бы потом.

Но он киборг. И действует без приказа.

А в таких случаях взрослые почему-то начинают сильно нервничать.

Папа, конечно, не такой глупый, как большинство взрослых. Но все же взрослый. А значит, никакая осторожность с ним не будет излишней. Значит, нужна такая штука, предварительная, Типа приказа, но как бы задним числом.

Викки нахмурилась, вспоминая. Было недавно что-то во время нудятины по истории Первой Земли... Или истории религий? Что-то очень подходящее... Что-то такое о предварительном распоряжении и рассрочке прощения грехов, кажется. Аналог предоплаты по безлимитному чеку.

Точно! Вот именно оно!

Только писать надо вроде бы не отцу, но на понятном ему языке. Тогда сработает надежнее.

Викки склонилась к пластику.

«Кому: мистеру Рэнди Брауну лично в руки

От кого: от Виктории Браун

ИНДУЛЬГЕНЦИЯ

Все, что сделал предъявитель сего, сделано им на благо меня и заранее мною одобрено...»

Нет, слишком простенько, папа может счесть несерьезным. А надо, чтобы понял. Значит, по всей форме.

Викки стерла последнюю фразу. Прикусила кончик языка, вспоминая что-нибудь

наиболее подходящее из скучных папиных бумаг. Скучные-то они скучные, а вот пригодились!

Улыбнувшись яростно и предвкушающе (совсем не как маленькая принцесса, ну и ладно, никто же не видит!), она решительно нацарапала:

«...Предъявитель сего документа получает от меня равнозначное прямому приказу право делать для моего и своего спасения все, что считает нужным и целесообразным. Ему разрешается устранять любыми доступными средствами любые мешающие достижению цели препятствия, как живые, так и нет. Причиненные повреждения считаются недействительными и заранее прощаются.

Виктория Браун»

32. Никакой полиции

Шир, Второй Экваториальный округ, усадьба «Зеленые холмы»

Сандра Леман

вечер дня похищения

Комм пискнул, когда Сандра поднималась по лестнице — первой, Говард Крейн галантно пропустил ее вперед. Ничего не оставалось, как вынуть аппарат из кармана под пристальным, хотя вроде бы и совершенно незаинтересованным взглядом начальника охраны (ага, знаем мы такие, незаинтересованные!). Номер был незнакомый и вроде бы местный. Хмурясь, Сандра уставилась на короткое сообщение, несколько цифр. И никаких пояснений.

Вряд ли это похитители, с чего бы им писать Сандре? Чья-то глупая шутка. Или просто кто-то ошибся номером? Сандре и самой случилось отправить важное сообщение не в тот чат. Не смертельно, но неприятно, особенно если кто-то эту важную информацию ждет. Остается надеяться, что отправитель вовремя сообразит и перешлет куда надо.

Убрав комм обратно в карман Сандра не успела — она как раз перешагивала порог кабинета мистера Брауна, когда аппаратик снова задержался в ее руках, разразившись пронзительной трелью входящего вызова. Рефлекторно нажимая «принять», Сандра отметила, что номер тот же самый, что и на сообщении, местный, но незнакомый.

— Мисс Леман? Мисс Леман, у папы номер занят... я вам послала координаты! Вы не могли бы за нами заехать, за нами с Рэнди, только, пожалуйста, никакой полиции...

Комм грубо выхватили у Сандры из рук, и, вскинув голову, она поняла, что с последней просьбой Викки несколько опоздала.

— Боюсь, юная мисс, без полиции уже никак не получится. — Мистер офицер Лавров ухмыльнулся Сандре с довольным видом кота, сожравшего канарейку. — Что у вас произошло, мисс? Вам удалось сбежать?

Стремительные движения его пальцев и напряженное лицо разительно контрастировали с медленным и вальяжным тоном, каким были произнесены обе эти фразы. За понадобившееся на их произнесение время мистер офицер Лавров успел не только открыть полученное Сандрой ранее сообщение и внимательно с ним ознакомиться, но и куда-то его переслать.

— Вы кто? — Голос Викки стал подозрительным. — Что вы сделали с мисс Леман?! Да Рэнди вам башку оторвет! Я не шучу, ясно?!

— Ясно, юная грозная мисс, ясно...

— Я буду говорить только с мисс Леман! Или с папой!

— Виктория...

— Пап, это ты?

— Да. Вам удалось сбежать?

— Пап, это точно ты?

— Виктория!

— Уф-ф-ф... ну... это... Пап, мы не сбежали. Мы, это... ну, тут, короче.

— С вами все в порядке? А бандиты где?

— Двое в гараже забаррикадировались, мы поэтому и флаер взять не смогли, а то бы

вообще сами прилетели... Рэнди предлагал пешком, но я сказала...

— А остальные? Их же не двое было!

— Э-э-э... ну... они тоже... тут. В основном... Но Рэнди не виноват! И вообще! Он меня защищал, ясно?! Я ему даже написала индульгенцию, вот!..

Почему-то мистер офицер Фред Лавров совсем не удивился, когда открыл дверцу полицейской машины со стороны водителя и обнаружил на одном из передних пассажирских сидений мисс Сандру Леман, улыбающуюся мило, но настроенную очень решительно. Спросил только, усаживаясь:

— Противодействуете работе полиции, мэм?

— Пока еще нет, — подняла брови Сандра. — А надо?

Мистер офицер Фред Лавров вздохнул и бросил через плечо мистеру Брауну, устраивающемуся на заднем сиденье между Греггом и Говардом Крейном:

— Полагаю, отговаривать ее так же бесполезно, как и вас?

Мистер Браун пожал плечами — насколько позволяла теснота:

— Полагаю, что да. Я и так пошел вам навстречу и согласился на двух телохранителей.

— Что ж... — философски вздохнул мистер офицер Фред Лавров, активируя двигатель. — Тогда не будем терять времени.

— Это координаты завода по производству топливных брикетов, он был в списке, мы его проверили одним из первых, но не считали особо подозрительным. Он автоматический, сотрудников минимум: пару раз в сутки забрать готовую продукцию и загрузить новую партию исходника. Обычно там работа сезонная, после сбора маиса, но этим летом два цеха арендовали для экспериментального брикетирования опилок с ближайшей лесопилки, так что он не пустует, там охрана и несколько рабочих. Их опросили, конечно, и территорию осмотрели, но, очевидно, поверхностно, подозрений ведь не было, а посторонних там точно заметили бы. Но на всякий случай держали под контролем. Как и еще двенадцать точек... Собственно, мне нужно было только отправить ребятам номер, даже координаты были не особо нужны. Хотя, конечно, откуда девочке знать... Гарри, что там у вас?

Рация захрипела, защелкала и доложила фальцетиком:

— Мы на месте, сэр! Заложники обнаружены и взяты под охрану, сэр! Производится осмотр территории!

— Вы там осторожнее. Они вроде утверждали, что там чисто, но... Это может быть ловушкой.

— Ситуация под контролем, сэр!

— Мальчишки... — фыркнул мистер офицер Фред Лавров, выключая рацию. — Все бы им воевать...

33. Приказ принят

Шир, 162 километра по прямой к северо-западу от усадьбы «Зеленые холмы»

Рэнди

вечер дня похищения

Локация: квадрат 125-23.

Местное время: 22:41.

Режим — охрана объекта приоритетной значимости.

В зоне второго уровня опасности от объекта приоритетной значимости два живых объекта категории «нейтрал».

Поправка: оба живых объекта имеют при себе полицейские жетоны. Перевести объекты из категории «нейтрал» в категорию «свой»? Принять поправку/Отменить.

Отмена поправки.

Скорее всего, они настоящие полицейские. Жетоны у них, во всяком случае, настоящие стопроцентно. И процент вранья в их словах минимален, намного ниже того, что считается нормой искренности. Но...

Но Викки не перестала испытывать страх, когда они появились. Даже наоборот. С их приходом ее страх лишь усилился. Она улыбается и делает вид, что все в порядке, люди бы поверили, но датчики киборга не обманешь. К тому же она не отпускает его руки и старается незаметно прижаться как можно плотнее, словно стремится спрятаться.

Нет. Рано записывать эти живые объекты в категорию «свой». Даже если они и на самом деле полицейские.

Полицейские шепчутся. Думают, если отошли к дальней стене, то киборг их не слышит. Всего-то двенадцать метров! Викки не права. Они на самом деле полицейские. И на самом деле за нее боятся.

Боятся его, Рэнди.

Мол, киборг все-таки неуправляемый, только что столько народу ухайдакал. Мало ли что ему в программу взбредет? Убивать его нельзя, шеф предупредил. Серьезно предупредил, не для протокола. Но лучше бы вырубить. От греха. Взять под жетон и вырубить. Опасно: возле него ребенок. Заложник. Вдруг в последнюю секунду, пока достаешь значок, эта тварь успеет свернуть девочке шею?

Хорошо, что Викки не слышит. А то после таких слов Рэнди пришлось бы срочно корректировать приоритеты и защищать полицейского уже от нее.

Полицейские перестали шептаться. Смотрят на Викки. На Рэнди не смотрят, словно его нет. Тот, что говорил про опасность, улыбается (искренность 21,4 %), говорит ласково:

— Девочка, зайди в соседнюю комнату, поговори с нашим врачом, у тебя же наверняка стресс...

Искренности в его голосе — 7,6 %. Да и нет в соседней комнате никого. Рэнди знает.

Викки напрягается, но продолжает улыбаться. Отвечает очень вежливо:

— Простите, сэр, но мне не разрешают слушаться незнакомых людей. Пока я не увижу папу, я не отойду от братика... Рэнди, обними меня и стой рядом... Не обижайтесь, пожалуйста. Наверное, вы настоящая полиция, а не притворяетесь. Но без братика я никуда не пойду.

И искренности в ее голосе — еще меньше, чем у полицейского. Да и голос... Так могла бы отвечать маленькая принцесса. Но не Викки.

А вот страх ее — вполне искренний. Аж зашкаливает. Только не за себя она боится...

И пусть это совершенно бессмысленно и нелогично, но Рэнди чувствует, что улыбается. Обнимает ее обеими руками и говорит, глядя поверх ее макушки на растерянных полицейских:

— Приказ принят.

34. Достойный ученик Коршуна

Шир, Второй Экваториальный округ, автоматический завод по производству топливных брикетов

Сандра Леман

ночь дня похищения

Так получилось, что первой труп обнаружила Сандра. Хотя и старательно держалась за спиной офицера Фреда Лаврова («мисс, если сунетесь вперед, я вас оглушу из вот этого полицейского станнера, не посмотрю, что вы дама»). Пришлось признать, что иногда полицейские бывают очень убедительны. И держаться сзади.

Вот она и держалась. Ступала, как и было велено, след в след. Потому, собственно, за ту фанерку и вынуждена была схватиться — шаги у офицера Фреда Лаврова не чета Сандриным, попробуй за таким пошагай след в след! Вот она и схватилась, чтобы не упасть.

Ну, а он из-за той фанерки и вывалился. Как раз между Сандрой и начальником полиции.

Надо отдать должное боевому прошлому офицера Фреда Лаврова: обернулся на шорох он со стремительностью киборга. А ведь Сандра даже не вскрикнула. Так, вдохнула только. Ну, может, громко вдохнула.

Сандра обошла упавшее тело по стеночке. И благоразумно замерла, потому что офицер Фред Лавров у тела таки задержался. Присел рядом. Осмотрел подбородок. После чего глянул на Сандру как-то странно и вдруг спросил:

— Так к какому, вы говорили, подразделению был приписан в армии ваш... э-э-э... Рэнди?

И голос его при этом звучал так вкрадчиво, что Сандре почему-то совсем не захотелось возражать. И уточнять тоже. Ну например, что вообще-то она ничего не говорила офицеру Фреду Лаврову про армейское прошлое своего воспитанника.

Сандра пожала плечами.

— Точно не знаю... к какому-то обозу.

— ОБОЗ? — Брови офицера Фреда Лаврова взлетели еще выше. — Особое Боевое Операционное Звено? И вы молчали?! Ну, мисс...

Похоже, в тот вечер предохранитель, отвечающий за удивление, перегорел не только у офицера Фреда Лаврова. Сандра поняла это, когда увидела обоих своих подопечных — целыми и невредимыми. И не удивилась. Вернее, не тому не удивилась, что они целы, а тому, что Рэнди, боевой киборг и вообще косая сажень в плечах, прячется за спиной у маленькой девочки, прикрываясь ею, как живым щитом.

— Дяденька, а вы главный полицейский, да? Приятно познакомиться! А это мой братик Рэнди! Он меня защищает, и я от него ни на шаг не отойду!

Кукольная улыбка, тон благовоспитанного ангелочка. Понятненько. Не Рэнди ею прикрывается — Викки сама его прикрывает. Ну а чему удивляться, на самом-то деле? В этой парочке всегда верховодила Викки.

Не удивило Сандру и то, что киборг (который, конечно же, не мог не заметить свою учительницу даже за широким плечом офицера Фреда Лаврова), вывернувшись из рук

сестры, сказал неожиданно мягко и почти ласково:

— Викки, отбой боевого режима. Это свои.

А потом, развернувшись (нет, не к Сандре, а к этому самому офицеру Фреду) и как-то вдруг сразу подтянувшись и став словно еще выше ростом, отрапортовал:

— Коршун, докладывает Обормот! Вражеская группа уничтожена не в полном объеме в свете поступившего приказа «оставить пару придурков для полиции»...

— Да, это я ему сказала, чтобы всех не убивал! А он сказал, что это оригинальная мысль... Ой, папка!!!

Ну, а действительно, чему удивляться? Все как всегда. Викки хочет быть в центре внимания, а у бравого офицера Фреда — ну очень интересное прошлое. Это вполне естественно как для маленьких красивых девочек, так и для храбрых офицеров.

Не удивилась Сандра и потом, уже во дворе завода, где суетились полицейские, ведя переговоры с засевшей в гараже парочкой насмерть перепуганных похитителей, а они всей толпой шли обратно к полицейской машине. И Рэнди рассказывал офицеру Фреду — уже просто рассказывал, а не докладывал: «Округление до сотки, и чтобы тихо, сэр, да, и список приоритетных целей нейтрализации... да, все, как вы говорили... я ведь у вас учился, сэр...», — а из гаража, с грохотом проломив тонкую крышу, рванул в ночное небо флаер — уцелевшие горе-похитители все-таки предпочли пойти на прорыв, а не на переговоры.

И офицер Фред, досадливо крякнув, сказал:

— Плохо учился! Иначе догадался бы...

И замолчал.

Потому что флаер именно в этот момент ахнул огненным цветком, на секунду превратив ночь в день, — очень эффектно так и по-театральному вовремя, словно только и ждал нужной реплики. А Рэнди ухмыльнулся — совсем как офицер Фред недавно — и скромно закончил:

— ...Переставить энерговоды? Я старался, сэр.

ЭПИЛОГ

— Да, мисс Леман, как вы уже поняли, ваш ученик служил не в пехоте. И не на тыловой базе гонял чудовищ от складов. Этот славный тихий мальчик, что сейчас так азартно режется с гостями в настольный рейнбол, был приписан к подразделению диверсантов. Штучные специалисты высшей марки, элитная десантура. Впрочем, десантурой сейчас называют разную наемную шваль, а это были именно профессионалы высочайшего уровня. Десять великолепных парней, каждый стоил взвода, и два киборга. Орлята Коршуна их называли, да...

Они сидели на балкончике второго этажа, пили поданный безупречной Мэй Ли вишневый сок и смотрели на играющих в саду детей. Офицер Фред приехал к мистеру Брауну подписать какие-то бумаги («ничего серьезного, мисс, пустые формальности, но что поделать, без них никуда...»). Мог бы и по почте прислать, но счел более вежливым вот так, лично. А заодно заглянул и к Сандре, у которой как раз был перерыв между занятиями. («Не возражаете, если я составлю вам компанию, мисс? Здешний вишневый сок лучший в регионе...»)

— «ОБОЗ». Ну да, армейский юмор, мисс Леман: назвать зенитную установку «Тюльпаном», электромагнитную мину повышенной мощности — «Лялькой», а лучших

диверсантов, элиту элит — «обозниками». В конце концов, первые бронемашины тоже называли «танками», то есть чанами, канистрами. Армейский юмор, да... Мы работали тихо, без шума и пыли. Наш метод был не «налететь, нашуметь, разгромить, погибнуть или выжить, как повезет», это пусть пехота так развлекается. Нашим методом было «выследить, подползти, заминировать, уползти, взорвать». Или изъять объект, подлежащий изъятию, не потревожив ни одной следилки. Мальчик отлично умеет вести слежку, тихо резать глотки, взрывать, устраивать несчастные случаи... Да, ему отформатировали память, но мозги-то остались! И когда понадобилось, он вспомнил все... что понадобилось.

Сандра внимательно слушала Фреда Лаврова — а краем глаза поглядывала на четыре фигурки, веселящиеся вокруг стола для рейнбола. Вернее, на три фигурки — детские. И на одну громадную фигуру, очень подвижную и ловкую.

Лавров продолжал:

— Меня ведь еще когда царапнуло — в самом начале, как только Мак-Рой кипиш поднял. Странный сбой, понимаете? Слишком тихий. Все бы так съезжали с программы! Никого не убил, ферму не поджег, даже морду этому придурку не начистил. Просто ночью хряпнул изгородь и ушел. Тихо. И так ушел, что неделю выследить не могли. Нет, я, конечно, не мог не отреагировать, но когда мистер Браун все разрулил, а Мак-Рой стал кричать, что, мол, никакого сбоя вовсе не было, был неверно понятый приказ: он, мол, послал кибера к чертовой матери, ну а тот и ушел, — я сделал вид, что поверил. И кому от этого плохо, мисс? Вот и я думаю, что никому.

Сандра кивнула: мол, конечно же, никому. И снова бросила взгляд вниз, в сад.

Она могла гордиться своей победой. Напала на мистера Брауна, устроила ему сцену, говорила о том, что он губит дочь, держа ее в заточении, без общества сверстников. Сыпала цитатами из светил педагогики. Браун этих светил стопроцентно не читал и, скорее всего, не слышал о них, поэтому учтиво пообещал учительнице подумать над ее словами. Сандра полагала, что этим дело закончится и ничего не изменится. Но Браун, честь ему и хвала, действительно обдумал сказанное ему и спросил: а почему бы, в таком случае, время от времени не приглашать в гости к Виктории сестру мисс Леман? Проверенный ребенок. Учительница знает, чего от этой девочки ожидать...

— Ребята прозвали их Лоботряс и Обормот, и как-то так и прижилось, — рассказывал Лавров. — Нет, не издевались, просто надо же было их как-то называть. Никому и в голову не приходило над ними издеваться, это же не пушечное мясо, не расходный материал. Можно сказать, шгучный товар. Берегли, да... ну, в той степени, в какой берегут качественное оружие...

А Стивена Лорриса, своего одноклассника, порекомендовала Дейзи. Действительно, славный мальчуган. И все получилось удачно. Допустим, Стивен сначала оробел, оказавшись среди такой роскоши, но уж за сестру-то Сандра была спокойна! Дейзи — это вам не маленькая Филлис, у девочки есть характер! У них с Викторией сразу возникло нечто среднее между дружбой и противостоянием. И что из этого выйдет — поглядим, поглядим...

— И он отлично работал, — продолжал Лавров. — Теперь понятно, почему ваш ученик не тронул никого из фермеров, даже будучи загнанным в угол: он привык к врагам иного уровня, а фермеров автоматически воспринимал как нейтралов, потерь среди которых следовало избегать всеми способами...

— *Ваш* ученик, Фред... Не мой, а ваш.

Сок был густым, холодным и терпким. И совершенно не похожим на кровь. Ну вот

совсем.

Сандра отставила бокал.

Офицер Фред смотрел в сад. Улыбался. Задумчиво покачивал головой.

— Какая странная штука судьба... Лоботряс погиб в одной серьезной переделке, а Обормот, возможно, унаследует миллиарды. Знаете, мисс Леман, я спросил его: не хочет ли он вернуться в армию? Не сейчас, конечно, а потом, когда космодром на Тайге будет построен и все юридические формальности разрешатся. Я-то не смогу, комиссован вчистую, по кускам собирали, чудо, что вообще выжил. А он — идеальный диверсант. Вы знали, что он мог заминировать тот заводик? Подручными средствами, тем, что обнаружил на складе и в гараже. Но решил, что это будет слишком шумно. А их киборга он заманил под пресс. Говорит, что ему помогли вы и какой-то сэр Артур Конан Дойл. Но я сейчас не о том. Знаете, что он мне ответил, мисс Леман? Что его система была бы счастлива вернуться к тому, для чего ее создали и обучали. Но это было бы счастье системы, а не Рэнди...

Офицер Фред перевел взгляд на Сандру, улыбаясь уже не только глазами. Снова качнул головой и подытожил:

— Так что нет, мисс Леман. Это теперь *ваш* ученик.

Все-таки офицеру Фреду удалось ее удивить.

КОНЕЦ